

СМЕНА

№1 ЯНВАРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2017

О жизни и творчестве художника Эжена Делакруа
читайте на странице 66.

Это интересно

- Дмитрий Зелов* **Первый фейерверк на родине Деда Мороза**..... 4

Минувшее

- Денис Логинов* **«Бесенок Таша»** 10

Штрихи к портрету

- Евгения Белогорцева* **Короткая жизнь Олега Даля**..... 24

Неизвестное об известном

- Юрий Осипов* **«Первобытный» Платонов**..... 32

Рассказ

- Татьяна Лашук* **Улыбка Саламандры**..... 52

Поэзия

- Виктор Кашкин* **Стихи** 64

Шедевры

- Ирина Опимах* **Делакруа. «Резня на Хиосе»** 66

Замечательные современники

- Елена Воробьева* **Дарья Юрская: «Современные истории про Золушку мне не подходят»**..... 77
- Андрей Колобаев* **Сергей Цигаль: «Папа всю жизнь считал меня бездельником»**..... 102

Литературные страницы МСПС

- Иван Переверзин* **Постижение любви** 83

Итоги конкурса

- Анна Попова* **Одесский дворик** 112

Из российской истории

- Светлана Бестужева-Лада* **Старообрядцы и революция** 124

Детектив

- Иосиф Гольман* **Любовь, химия и кредитка депутата** 138

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Фотоэтиюд Ульяны Кизиловой

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

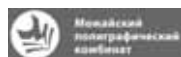
Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
е-mail: jurnal@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 14.12.2016

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

«Удивительно: про февральскую революцию 1917 года было написано во всех учебниках истории советского периода, но как-то так своеобразно, что сведения об этом немаловажном событии мгновенно вылетали из голов. И никогда не отмечалось начало этой революции. Допустим, начало определить трудно, так как напряжение накапливалось постепенно. Но и отречение Николая II от престола, приведшее в результате к многолетним кровавым событиям, тоже преподносится как малозначимый эпизод февральского переворота...

Светлана **Бестужева-Лада** «Отречение от престола, или красный бант на голубой крови»

«Далеко не каждому большому писателю дано пережить под старость второе творческое рождение, как феникс, восстать из пепла, и в совершенно новом художественном обличье вновь удивить читателя. Валентину Катаеву это удалось. Будучи поначалу малоизвестным одесским поэтом, он со временем превратился в маститого советского писателя. А на склоне лет неожиданно стал «выдавать» одно за другим мемуарные вещи невероятной стилистической дерзости и свободы. Кроме того, заняв при Хрущеве пост главного редактора «Юности», он помог целой плеяде талантливых протестных писателей и поэтов, которых называли «шестидесятниками»....

Юрий **Осипов** «Таивший в себе миры»

«Дьявол в пурпурной мантии... Именно так в бессмертном романе Дюма именовали кардинала королева Анна Австрийская и ее ближайшая наперсница герцогиня де Шеврез. Но был ли таким «исчадием ада» реальный кардинал Ришелье? Имел ли место в действительности эпизод с алмазными подвесками?..

Алла **Зубкова** «Его Высокопреосвященство»

«Данил Стеклов еще совсем молод, но благодаря своему таланту и трудолюбию очень востребован и в театре, и в кино. Выросший в семье знаменитых актеров, он достойно продолжает династию Стекловых уже в четвертом поколении. Сегодня Данил играет в прославленном театре МХТ имени А.П.Чехова под руководством Олега Табакова. У этого обаятельного и талантливого актера большие творческие планы и много ярких ролей впереди. Беседовала с ним журналистка Елена **Воробьева**.

«Детектив Ольги **Гавриловой** «Возвращение монашки»

Первый фейерверк на родине

Деда Мороза

Звякнуло легонечко окошко,
Я услышал
И к нему приник.
В небесах, где лунная дорожка,
Яркий
Разрастается цветник.
Там, где тучи снежные мелькают,
Вдруг,
Как будто наперегонки,
Красные гвоздики возникают,
Розы распускают лепестки.
Свет гашу —
Сейчас не надо света.
Треск и блеск!
И чей-то крик —
И вверх
Новые пускаются ракеты.
Что за чудо это —
Фей-ер-верк!
Звезды рассыпаются,
Горя,
Освещают улицу и лица... И выходит,
Папа-то не зря
Разрешил подольше не ложиться.

Владимир Приходько
«Фейерверк»

Скажите-ка на милость, ну какие же новогодние праздники без фейерверков? За последние пятнадцать-двадцать лет в России, на радость и к пущей прибыли торговцев пиротехникой, сформировалась устойчивая традиция встречать Новый год запуском всевозможных фейерверочных снарядов. Здесь каждый сам себе режиссер. Практически всю новогоднюю ночь до самого утра без перерыва с оглушительным ревом и свистом они взмывают в небо один за другим (ибо желающих отстрелять свой запас пиротехники год от года только прибывает), перемещаемые какофонией из собачьего лая и завывания автомобильных сигнализаций.

Официальная программа обычно тоже не обходится без праздничного новогоднего салюта. По понятным причинам длится он, по сравнению с народными фейерверками, совсем немного (максимум 15–20 минут, от силы полчаса), звучит для жителей окрестных домов намного тише (из-

за расположения в отдалении на специальных салютационных площадках), зато виден несравненно большему числу зрителей, чем доморощенный частный фейерверк.

Кстати, пару слов о терминологии. Со словами «фейерверк» и «салют» произошла за время их активного трехвекового использования в России удивительная метаморфоза. Сейчас для нас салют — это официальная программа расцветивания темного вечернего неба разноцветными огнями замысловатых форм, а фейерверк — это свое, частное, купленное в ближайшем магазине пиротехники или на новогоднем развале. А вот исходное значение этих слов было практически обратным. Салют — это частная инициатива, а фейерверк — государственное действие (особенно масштабное в XVIII веке), несущее в себе помимо красочной образности еще и ярко выраженную пропагандистскую роль.

Фейерверки и салюты стали для нас красочным, но довольно-таки

М. Гуральник. Огненные потехи при царе Алексее Михайловиче

обычным явлением. В памяти всплывают строки известной детской загадки про салют Корнея Чуковского:

*Вдруг из черной темноты
В небе выросли кусты.
А на них то голубые,
Пунцовые, золотые
Распускаются цветы
Небывалой красоты.
И все улицы под ними
Тоже стали голубыми,
Пунцовыми, золотыми,
Разноцветными.*

В допетровской Руси фейерверки звались «огненными потехами», что точно отражало их тогдашний увеселительный характер. И лишь на ру-

беже XVII–XVIII веков заморское слово «фейерверк» благодаря активному внедрению и пропаганде его царем Петром Великим уверенно заняло свое место в русском лексиконе. О том, насколько редким и из ряда вон выходящим было такое зрелище для жителей Московии, говорит следующий курьезный факт: в последней четверти XVII столетия крестьяне русского Севера приняли взрывающиеся в ночное время фейерверочные снаряды за знамение конца света и в страхе разбежались! Впрочем, обо всем по порядку!

Случай в Великом Устюге

16 октября 1675 года голландский купец, а по совместительству посол Нидерландов в Московии Конранд ван Кленк (Кунраад фан Кленк) приехал в Великий Устюг. Иностранная дипмиссия прибыла еще по воде, но с момента приезда высоких гостей началось резкое похолодание, а уже через месяц в городе наступила настоящая зима. Старинный русский город был промежуточным пунктом на пути его следования из Архангельска (единственного тогдашнего морского порта России) в Москву к русскому царю Алексею Михайловичу. В Устюге иностранное посольство ждал роскошный прием, включавший пиры, богатые подарки и развлечения. Принимал голландское посольство устюжский воевода Матвей Филимонович Нарышкин,

Б. Ольшанский. Городская улица XVII века

приходившийся двоюродным дядей царице Наталье Кирилловне.

Ответным шагом заезжий иностранец решил отблагодарить устюжан и закатил для принимающей его стороны роскошный обед, а вечером устроил на крепком льду Сухоны красочный фейерверк. Тем более что и повод для голландской стороны был более чем весомый — 14 ноября 1675 года принцу Вильгельму Оранскому, будущему статхаудеру (правителю) Нидерландов и королю Англии и Шотландии исполнялось 25 лет.

Вроде бы заурядное действо для европейцев последней четверти XVII века, вот только эффект от просмотра фейерверка среди собравшихся на противоположном берегу Сухо-

ны жителей села Дымково прямо противоположный тому, на какой рассчитывал иностранный посол. Забегая чуть-чуть вперед, скажем, что пройдет совсем немного времени, и посольство Петра I станет воспринимать как должное фейерверки в европейских городах в свою честь, да и само будет активно устраивать красочные огненные представления.

К фейерверку в Устюге готовились загодя совместными усилиями русских и иностранцев. 10 ноября, когда на улице был уже сильный мороз, с фейерверочными снарядами проводились предварительные подготовительные опыты. Впрочем, без происшествий все равно не обошлось.

С утра 14 ноября русские мастера стали доставлять на двор, где располагалось голландское посольство, фейерверочные ракеты. Когда большая часть снарядов уже была доставлена, искра от лучины, освещавшей помещение, в котором проводились работы по сборке праздничных ракет, попала в порох. Тут же вспыхнуло большое пламя, едва не спалившее весь дом. Кроме того, взрывом фейерверочных ракет было ранено пять работников. Происшествие держалось в большой тайне от руководства города, ведь оплошавшим перед знатными иностранцами русским мастерам было бы несдобровать, узнай высокое начальство правду.

К 12 часам дня знатные лица, включая устюжского и сольвычегодского воевод, стали съезжаться в дом посла. Для русской стороны голландец устроил роскошный пир: только десертов было 25 видов, а из одного из пирогов, поданных к столу гостям, вылетели живые воробьи. Перед двором посла на льду Сухоны было установлено 40 смоляных бочек, которые зажгли, как только начало темнеть. Конранд ван Кленк вместе с членами своего посольства и русской знатью вышел смотреть фейерверк. Однако из-за сильного мороза с пронизывающим ветром фейерверочные ракеты никак не хотели загораться. Зато разбрызгивающие во все стороны снопы огня швермеры удались на славу. Правда, и здесь не обошлось без происшествий: из-за искр пострадали длин-

нополые одежды и бороды зрителей. Затем гости вновь прошли в дом, где после нескольких заздравных кубков стали прощаться и разъезжаться.

Несмотря на досадные издержки, русской стороне прием у голландского посла понравился, а участвовавший в нем сольвычегодский воевода Роман Сергеевич Ефимов (Ефимьев) заявил, что прием у Кленка — лучшее, что довелось ему видеть в жизни из подобных мероприятий, и обещал отписать об этом в Москву отцу царицы Кириллу Полуэктовичу Нарышкину. Довольные друг другом, хозяева и гости откланялись.

Конец света... отменяется, или почему разбежались крестьяне

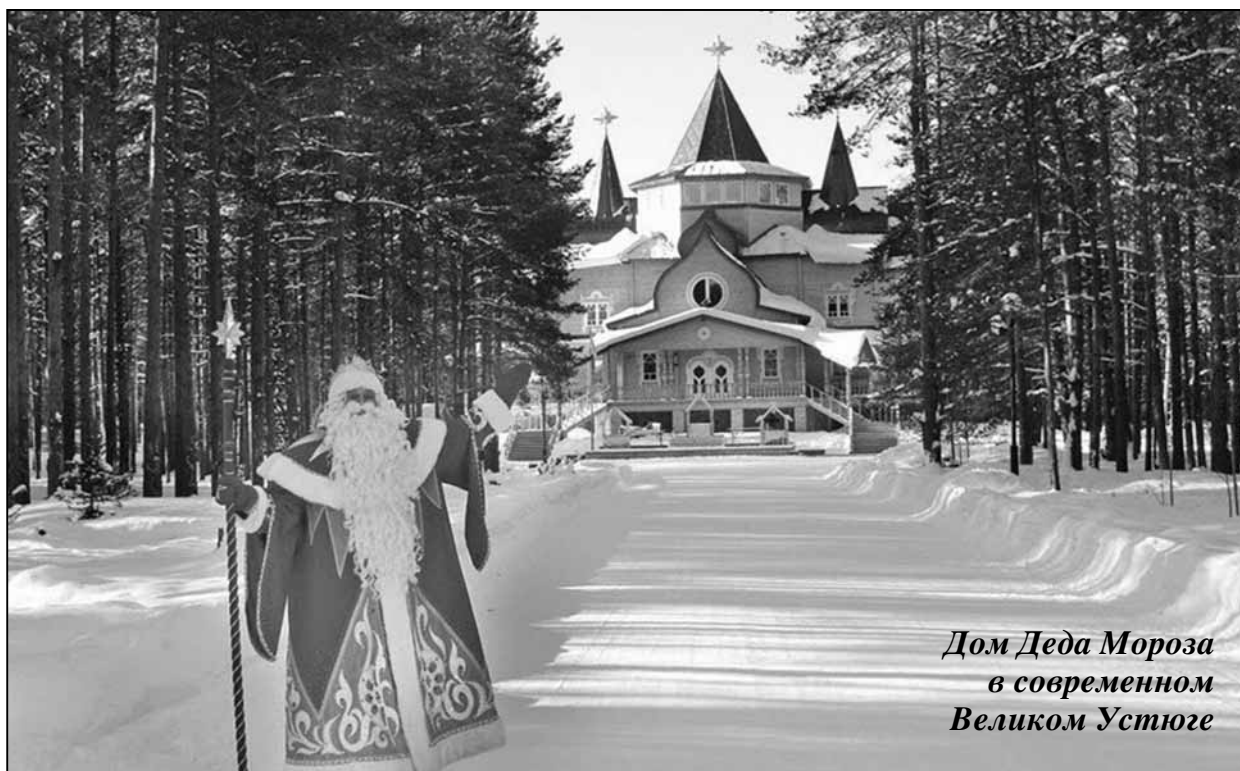
Однако уже 16 ноября к послу пришел представитель русской стороны (пристав), который выразил голландцам свое неудовольствие из-за случившегося на противоположном от Устюга берегу реки в Дымковской слободе переполоха. Ставшие невольными очевидцами невиданного для них зрелища «огненной потехи», крестьяне массово собрались на высоком берегу Сухоны. В первую очередь их волновала причина, по которой со стороны Устюга на фоне ночного неба вдруг разом вспыхнули ярко-красными языками несколько десятков смоляных бочек. Уж не пожар ли в городе? Учитывая сильный ветер в тот день, тревога жителей была совсем не напрасной. И тут на

фоне ночного неба начали появляться огненные фонтаны-шутихи, изрывающие снопы искр и огня. Не видевшие никогда ничего подобного крестьяне приняли праздничные ракеты за дьявольских змей из преисподней, знаменующий конец света, и с дикими воплями и криками в страхе разбежались.

Такая реакция была, в общем-то, естественной. Воспитанное в морально-нравственной традиции русского Средневековья крестьянство (а в значительной части и общество в целом) жило эсхатологическими настроениями, ожиданием скорого конца света и следующего за ним неминуемого Страшного суда. Один из таких несбывшихся концов света русское общество пережило совсем недавно, в 1666 году, всего лишь за девять лет до прибытия посольства Конрада

Кленка в Россию. Когда же обещанный конец света не состоялся, все с воодушевлением стали ждать следующего. Поэтому не удивительно, что в любом необычном явлении (каким и стал фейерверк в Устюге) крестьяне могли видеть знамение скорого конца света.

Фейерверк в Великом Устюге — далеко не первый документально зафиксированный фейерверк на территории России, но первый на Вологодчине, которая была объявлена новогодней столицей России, положив начало новой российской традиции. Впрочем, где бы ни застал вас Новый год — дома, в гостях или даже на работе, скорее всего вы станете невольным свидетелем волшебного сказочного действия, имя которому — фейерверк. Счастливого Нового года! □

*Дом Деда Мороза
в современном
Великом Устюге*

Денис
Логинов

«Бесенок Таша»

После гибели на дуэли Пушкина осталось четверо малолетних детей — два мальчика и две девочки. И ни копейки наличных денег. Вдове не было еще и тридцати лет, но она нашла в себе силы жить ради детей. Долги покойного поэта уплатил император Николай I — и не из симпатии к Наталье Николаевне, а из уважения к памяти Александра Пушкина, которого почитал одним из умнейших людей своего времени.

Пушкины уехали из Петербурга в свое родовое имение в Калужской губернии.

Там и росла Наташа, «бесенок Таша», как называли ее родные, окруженная любовью и заботой родных.

Из четверых детей она была самой непоседливой и озорной.

Впрочем, девочка отличалась хорошими манерами, прекрасным знанием русского и французского. Похожая одновременно и на отца, и на мать, уже в 13 лет она поражала окружающих красотой, которую запечатлел известный русский художник И. Макаров.

Когда случилась трагедия на Черной речке, Наташе было всего 8 месяцев. Родного отца она, разумеется, не помнила совершенно.

«Отправляйся в деревню, носи траур по мне в течение двух лет, потом выйди замуж, но только не за шалопаю», — обращался поэт к жене перед смертью.

Вместо двух лет траур продлился семь. В первое время оставаться в столице Гончарова не могла, а потому уехала с детьми к матери и брату, где прожила затворницей два года.

Вернувшись в Петербург в 1839 году, она продолжала вести уединенный образ жизни, и лишь в 1843 году вдова Пушкина стала вновь выходить в свет. Спустя год брат Натальи Николаевны Сергей познакомил ее со своим сослуживцем Петром Ланским — красота Гончаровой покорила сердце 45-летнего убежденного холостяка, который, к тому же, успел искренне полюбить ее детей, и спустя полгода после знакомства он сделал ей предложение.

Когда Наталья Николаевна Гончарова решила вновь выйти замуж, Таше было 8 лет. Она приняла отчима спокойно и с уважением, как и другие дети Пушкина.

Брак с Ланским, как и с Пушкиным, был не по расчету, а материальное положение обоих супругов оставляло желать лучшего. Нашлись, впрочем, и те, кто продолжал поддерживать теорию о связи Гончаровой с императором: якобы, благода-

ря этой связи Ланской после женитьбы продвинулся по службе.

Но все было совсем наоборот. Однажды вдову Пушкина навестил Николай I. Во время этого визита, возможно, зашел разговор и о дальнейшей жизни Натальи Николаевны. А через шесть недель Ланской, неожиданно для себя, был назначен на должность командира лейб-гвардии Конного полка, шефом которого состоял сам император, тем самым положение Петра Петровича было упрочено во всех смыслах.

Хотя Ланской и принадлежал к старой дворянской семье, однако отсутствие достаточного состояния удерживало его от предложения руки Наталье Николаевне. Он мог рассчитывать на получение бригады, в лучшем случае, дивизии в провинции, что, конечно, решило бы его материальные проблемы, но тогда пришлось бы увезти Наталью Николаевну с семьей из столицы, нарушив тем самым все ее планы относительно образования детей.

Можно было бы, конечно, всех детей Пушкина отдать в казенные заведения, но мать не хотела с ними расставаться. Назначение Ланского командиром Конной гвардии обеспечивало его состояние и дальнейшую карьеру. На новой должности ему полагалась большая казенная квартира, а летом — служебная дача. Колебаниям Ланского был положен конец — он попросил руки Натальи Николаевны. Она дала свое согласие, исполнив завет Пушкина

и в отношении срока вдовства — решила на новое замужество даже не через два года, а через целых семь.

Барон Модест Корф, лицейский товарищ Пушкина, известный своим ехидством, в том числе и в адрес поэта, не преминул пройтись по этому поводу, хотя и частным образом, в дневниковой записи, сопоставив Наталью Николаевну с императрицей Марией Луизой, которая, как он писал, «осквернила ложе Наполеона браком своим с Неем»:

«После семи лет вдовства вдова Пушкина выходит замуж за генерала Ланского. В свете тоже спрашивают: "Что вы скажете об этом браке?", но совсем в другом смысле: ни у Пушкиной, ни у Ланского нет ничего, и свет дивится только этому союзу голода с жаждою. Пушкина принадлежит к числу тех привилегированных молодых женщин, кото-

рых государь удостоивает иногда своим посещением. Недель шесть тому назад он тоже был у нее, и вследствие этого визита или просто случайно, только Ланской сразу назначается командиром Конногвардейского полка, что, по крайней мере, временно обеспечивает их существование, потому что кроме квартиры, дров, экипажа и проч., полк, как все говорят, дает тысяч до тридцати годового дохода».

Известно, что, для того чтобы получить разрешение на брак, командир гвардейского полка Ланской обратился к командующему гвардейским корпусом, а тот, в свою очередь, передал просьбу Николаю I.

Узнав о торжестве, император пожелал быть посаженным отцом, однако Наталья Николаевна настояла на скромной свадьбе для узкого круга близких людей, и Николай I на своем присутствии настаивать не стал.

Слева:
*мать Натальи
Александровны —
Наталья
Николаевна
Гончарова-
Пушкина
и отчим —
Петр Ланской*

*«Бесенок Таша» —
Наталья
Александровна
Пушкина*

Венчание состоялось 16 июля 1844 года в стрельнинской церкви. Никто из посторонних на него допущен не был. Со стороны Натальи Николаевны на венчании присутствовали ее братья, Дмитрий, Иван, Сергей, и сестра Александрина. При этом произошел курьезный случай с юным камер-пажом графом Николаем Алексеевичем Орловым, который пожелал непременно увидеть

свадебную процессию, для чего забрался на колокольню храма. В самый торжественный момент он задел большой церковный колокол и никак не мог остановить его звон. Сойдя с колокольни, молодой граф повинился перед новобрачными и, получив прощение, на многие годы стал близок семейству Ланских.

Неизвестно, кто выбирал день для венчания, но, скорее всего, это сде-

*Михаил
Леонтьевич
Дубельт —
первый муж
Натальи
Александровны*

лала Наталья Николаевна. Оно состоялось в канун празднования иконы Божьей Матери Одигитрии, которой посвящен придел Успенского Святогорского монастыря, где стоял гроб с телом Пушкина в ночь с 5 на 6 февраля 1837 года. Монахи тогда молились над ним всю ночь, а утром состоялось захоронение у алтарной стены собора. Икона бы-

ла чудотворной: она явилась некогда пастушку Тимофею, дав знак об устройении монастыря в честь Успения Богородицы. «Одигитрия» переводится с греческого как «путеводительница», и Наталья Николаевна, вступая в новую жизнь, как бы искала ее благословения.

16 июля 1844 года Наталья Николаевна официально, де-юре, пере-

стала быть Пушкиной, но де-факто, в общем российском сознании, осталась ею.

На другой день после венчания Ланской был принят императором, который прервал его оправдания по поводу того, почему его не пригласили, и милостиво заметил:

— Довольно! Я понимаю и одобряю те соображения, которые делают честь чуткости ее души. На другой раз предупреждаю, что от кумовства так легко не отделаетесь. Я хочу и буду крестить твоего первого ребенка.

Время шло, Таша росла. Николай Орлов все больше времени проводил в семье Ланских, особенно ле-

«Правда состояла в том, что лучезарная красавица Натали была для него всего лишь «дочерью какого-то сочинителя, убитого на дуэли», — писала Александра Ланская-Арапова, сестра Натальи Александровны.

Пользуясь своим положением, вельможа-отец под благовидным предлогом отослал сына из России.

Младшая дочь поэта была горда и своенравна, характером — вся в отца. Она тщательно скрывала от посторонних, какой удар ей нанес крах первой настоящей любви. По-прежнему ездила по балам, танцевала, кокетничала, мимоходом разбивая сердца многочисленных по-

Время шло, Таша росла, и юный Николай Орлов все больше времени проводил в семье Ланских. Постепенно дружеские чувства сменились пылкой влюбленностью. Когда Таше исполнилось 16 лет, а Николаю 24 года, он сделал попытку посвататься, но его отец, глава Третьего отделения граф А.Ф. Орлов, был категорически настроен против этого брака

том на даче в Стрельне. Постепенно дружеские чувства сменились обоядной пылкой влюбленностью. Когда Таше исполнилось 16 лет, а Николаю 24 года, влюбленный без памяти юноша сделал попытку посвататься. Но отец Николая, глава Третьего отделения граф А.Ф. Орлов (преемник Бенкендорфа), был категорически против этого брака.

клонников. Удивительное сходство с молодым Пушкиным и одновременно светящуюся красоту, доставшуюся от матери, подмечали в Наташе многие ее современники.

«Дочь поэта Пушкина, высокого роста, чрезвычайно стройная, с великолепными плечами и замечательной белизною лица, сияла каким-то ослепительным блеском. Несмотря

на малоправильные черты лица, напоминавшего африканский тип ее знаменитого отца, она могла называться совершенною красавицей. И если прибавить к этой красоте ум и любезность, то можно легко представить, как Наталия Александровна была окружена на великосветских балах, и как около нее увивалась вся щегольская молодежь в Петербурге», — писал о Таше известный романист М.Н. Загоскин.

Очень скоро после отъезда из России молодого графа Орлова в свите поклонников Наташи появился подполковник Михаил Дубельт, сын начальника штаба корпуса жандармов генерала Дубельта, подчиненного... отца Николая Орлова. Как-то ей «везло» на чиновников Третьего отделения...

Подполковник Дубельт мгновенно потерял голову, познакомившись с капризной красавицей. А она? Неизвестно, каковы были ее чувства к славившемуся невоздержанным нравом и пристрастием к картежной игре очередному искателю ее руки. Но с отчаянья, в отместку Орловым, или просто повинясь капризу, Наташа приняла предложение руки и сердца Михаила Леонтьевича Дубельта.

Ни мать, ни горячо любивший Ташу отчим не смогли отговорить упрямую девушку от этого союза. Они оттягивали согласие на брак почти год. С присущей ей резкостью и напором, Натали-младшая укоряла мать, что та нарочно противится ее сча-

стью... И тем сломила сопротивление родных.

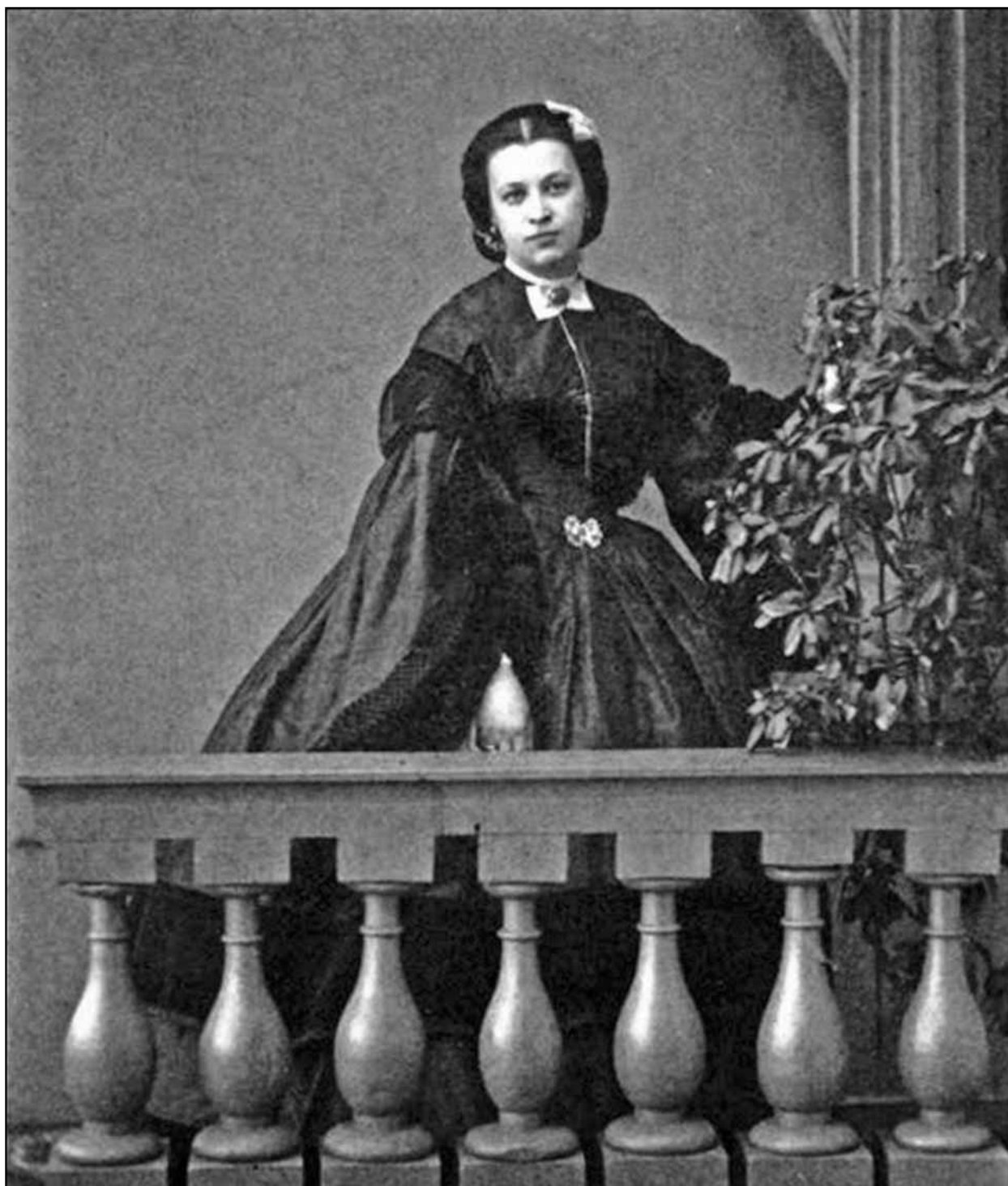
6 января 1853 года, накануне свадьбы, Наталья Николаевна Гончарова обреченно написала Петру Вяземскому:

«Быстро перешла бесенок Таша из детства в зрелый возраст, но делать нечего — судьбу не обойдешь. Вот уже год борюсь с ней, наконец, покорила воле Божьей и нетерпению Дубельта».

Между помолвленными не раз возникали недоразумения, заканчивавшиеся ссорами и размолвками. Но Дубельт, человек выдающегося ума и обладавший, к тому же, даром красноречия, клялся Таше в безумной любви, и она верила в его искренность. А зрелость жениха (он на 13 лет был старше невесты) внушала надежду, что Михаил станет ей опытным наставником. Увы, чаяния эти не оправдались, хотя внешне все складывалось блестяще. В феврале 1853 года состоялась свадьба.

Но семейству Пушкиных фатально не везло с начальством жандармского корпуса, даже с их отпрысками. Михаил, заядлый картежник и мот, быстро проиграл в карты все приданое жены — 28 тысяч рублей, с Наталией был груб, бешено ревновал, скандалил и бил ее: сначала придираясь по малейшему поводу, а потом и вовсе не затрудняя себя поисками причин для побоев.

И все чаще ее превосходительство госпожа Дубельт выходила из дома в темной густой вуали и за-

крытом платье с длинными рукавами. Даже летом. Под покровами она скрывала синяки. На ее прекрасном теле на всю жизнь остались следы шпор. В пьяной, бешеной ярости Дубельт тогда топтал жену ногами и кричал:

— Вот для меня цена твоей красоты!

Построить семейное счастье с сыном Дубельта дочери Пушкина не удалось, хотя она и пыталась — не из-за любви, из гордости и самолюбия. В такой тяжелой ситуации

Наталия Александровна умудрилась родить и воспитать троих детей. Ей также удавалось и содержать один из лучших домов в столице, и блистать на балах и раутах. Но от света трудно что-либо скрыть, особенно если император является крестным отцом одного из детей.

Слухи о семейных бесчинствах Дубельта дошли до ушей императора Александра II, и 16 июля 1862 года Михаил Леонтьевич был внезапно отчислен из полка, отстранен от должности и отправлен в бессрочный отпуск.

беспросветной. Но она не унывала, ее поддерживали необычайная твердость духа и сила воли.

В том же году, после девяти лет совместной жизни, Наталия Александровна с двумя старшими детьми приехала к тетушке, родной сестре своей матери. Та жила с мужем, австрийским бароном Фризенгофом, в словацком селении Бродзяны. В это время у Фризенгофов гостила и ее мать, Наталья Николаевна.

Оставив детей на попечение матери и родственников, Наталия Александровна отправилась путе-

Построить семейное счастье с сыном Дубельта дочери Пушкина не удалось, хотя она и пыталась — не из-за любви, из гордости и самолюбия. В такой тяжелой ситуации Наталия Александровна умудрилась родить и воспитать троих детей. Кроме того, ей удавалось содержать один из лучших домов в столице и блистать на балах и раутах. Но от света трудно что-либо скрыть...

По чести и репутации блистательного полковника был нанесен сокрушительный удар, причем с такой высоты, с которой и думать нечего тягаться. Дубельт заявил, что подает на развод, хотя отдавал себе отчет в том, что будет признан виновной стороной и никогда уже не сможет иметь семью: церковные правила были очень строгими.

Но и положение Наталии было безвыходным, будущность казалась

шествовать. Молодая женщина производила настоящий фурор в любой стране, где бы ни появлялась, но ее сердце молчало. Несколько лет прошли в бесконечных скитаниях: Швейцария, Италия, Австрия, Франция. Не было постоянного пристанища, дома, положение Наталии Александровны было на тот момент неопределенным и безрадостным: дело о разводе тянулось бесконечно, император Александр II

был далек от проблем семейства Пушкиных.

Наконец она поселилась в Германии.

...Когда это случилось, и как они встретились впервые? Десять лет назад принц Николай Вильгельм Нассауский, приехав в Россию на коронацию Александра II, как представитель прусского королевского двора, увидел на балу двадцатилетнюю дочь Пушкина. Они не могли тогда оторвать друг от друга глаз и протанцевали всю ночь напролет. Даже разразившийся потом скандал и побои не заставили Наталию пожалеть о том головокружительном вальсе...

А спустя годы они встретились вновь, причем так, словно этих лет и не было. Узнав о том, что развод Наталии Александровны вот-вот станет фактом, Николай Вильгельм попросил ее руки. Принц хотел жениться на разведенной женщине с тремя детьми! Не знатного рода, иностранке...

Но все увещевания прусской королевской семьи оказались напрасными. 1 июля 1867 года в Лондоне они обвенчались. Ради своей любви принц отказался от прав на престол. Он выхлопотал для супруги титул графини Меренберг — по названию крепости, являющейся родовым владением принцев Нассау, и они поселились в Висбадене.

Документы о разводе Наталия Александровна Дубельт получила только год спустя, будучи уже мор-

ганатической женой принца Нассауского. Новый брак Натали, в отличие от первого, был долгим и счастливым. Принц Николай Вильгельм, добродушный немец, обожал свою жену! Она родила ему сына и двух дочерей.

Принцессой она, конечно, не стала — брак был неравным и не давал ей прав на вступление в семейство герцогов Нассау. Но родственники мужа тепло приняли ее (хотя и не сразу), и Наталия Александровна в своих новых владениях чувствовала себя легко и комфортно. Дворец, где они жили с принцем, ее стараниями был превращен в музей. Натали окружала атмосфера любви и почитания.

Дочь великого русского поэта не стала принцессой, но прожила жизнь, которой хватило бы на сюжет не одного романа.

Говоря о Наталии Александровне, все современники отмечали, что она унаследовала нрав отца — страстный, вспыльчивый и гордый. За словом в карман не лезла. И сейчас еще в Висбадене ходят легенды об ее острословии. В их дом были вхожи литераторы и музыканты, в галерее собрана богатая коллекция редких картин, садовые цветы знали прикосновение ее рук. Она много читала, причем почти на всех европейских языках, путешествовала, была отличной наездницей — это уже в породе Гончаровых.

В истории литературы графиня Меренберг осталась как храни-

тельница писем А.С. Пушкина к Гончаровой. Когда Наталия Александровна решила опубликовать их, она обратилась за помощью к Тургеневу. Не от острой материальной нужды — ее уже не было тогда, а из желания донести слог своего великого отца до других поколений.

Лучшего посредника, чем Иван Сергеевич, трудно было найти. Писатель почел для себя за честь заняться изданием пушкинского наследия.

«Это один из почетнейших фактов моей литературной карьеры, — говорил Тургенев. — В этих письмах так и бьет струей светлый и мужественный ум Пушкина, поражает прямота и верность его взглядов, меткость и невольная красивость выражения. Писанные со всей откровенностью семейных отношений, без поправок, оговорок и утаек, они тем яснее передают нам нравственный облик поэта».

Иван Сергеевич искренне и сердечно благодарил графиню Меренберг за поступок, на «который она, конечно, решилась не без некоторого колебания», и выразил надежду, что «ту же благодарность почувствует и окажет ей общественное мнение».

Увы, он ошибся.

Когда в первых номерах «Вестника Европы» за 1878 год появились эти письма, на дочь поэта обрушилась вовсе не лавина признательности, а кипящая лава негодования. Даже родные братья Наталии, Александр Александрович и Григо-

рий Александрович Пушкины, не были на стороне сестры и... собирались вызвать Тургенева на дуэль за оскорбление чести семьи!

Ничего удивительного, в XIX веке шкала моральных ценностей была совсем иной, предание гласности интимной жизни поэта почли поступком вопиющим!

С оригиналами этих писем Наталия Александровна рассталась только в 1882 году, передав их на хранение в Румянцевский музей. Да и то не со всеми. Письма Пушкина к Наталии Гончаровой, написанные им еще до их венчания, так и остались у нее.

Потом по наследству перешли к ее дочери, графине Софии Торби (морганатической супруге великого князя Михаила Романова). Когда зять Наталии Александровны продал бесценные письма Дягилеву, она пришла в сильнейшее негодование, но что-либо предпринимать было уже поздно...

Относительно недавно письма Пушкина к Наталии Гончаровой наконец-то попали в Румянцевский музей, правда, после долгих и мучительных переговоров.

Недоступность части пушкинских архивов, принадлежащих потомкам со стороны его младшей дочери, объясняется еще и тем, что ее внуки, правнуки и праправнуки породнились не только с родом Романовых, но и с английской правящей династией Виндзор.

Прапраправнучка Александра Сергеевича, герцогиня Вестмин-

*Наталья
Александровна
Пушкина-
Дубельт,
графиня
Меренберг,
со вторым
мужем —
принцем
Николаем
Вильгельмом
Нассауским*

стерская Натали, — крестная мать принца Чарльза, сына царствующей королевы Елизаветы II.

В 2004 году вышла в свет книга Наталии Пушкиной-Меренберг «Вера Петровна. Петербургский роман». Откуда он появился, и какова его история, рассказывает графиня Кло-

тильда фон Ринтелен, передавшая рукопись своей прабабушки издательству:

«В сороковые годы XX века мой отец, граф Георг фон Меренберг, получил из Аргентины пакет от своей тетки Ады, урожденной графини фон Меренберг. Мы так надеялись полу-

чить от богатой тетки из Южной Америки что-то ценное — и вот тебе на! В пакете оказались лишь листы старой бумаги, исписанные готическим шрифтом. Читать это никому не пришло в голову. «Наследство», такое незначительное, как мы тогда полагали, было кинута за шкаф... В 1991 году я приехала в Петербург, стала изучать русский язык. И вот летом 2002 года случайно (а может, это бы-

ла судьба?) мне в руки попался тот чудом сохранившийся пакет с рукописью. Чем больше я вчитывалась, тем больше узнавала в героине Вере Наталию Александровну Пушкину, после замужества графиню фон Меренберг, свою прабабушку. Она описала свою жизнь, вновь пережив на страницах мучительную историю первой любви и драму своего первого брака».

Стоит ли говорить, что эта рукопись, как и вышедшая впоследствии книга, стали настоящей сенсацией не только для пушкинистов.

Наталия Александровна Пушкина-Дубельт, графиня фон Меренберг, прожила долгую и яркую жизнь. Детей своих она учила говорить по-русски, и у ее далеких потомков также сохранился интерес к русским корням.

Сиятельная графиня до конца своих дней отличалась ясностью ума, большим хладнокровием и непреклонностью нрава. Она не смогла простить Российскому юбилейному комитету по празднованию 100-летия Александра Пушкина того, что коми-

ла развеять свой прах над его могилой в родовом склепе. Этот пункт своевольного завещания графини был исполнен ее родными 10 марта 1913 года. Ни креста, ни венка, ни плиты после младшей дочери Пушкина не осталось. Будто и не было ни слез, ни жизни, ни любви...

Остались лишь портреты и память.

В ее апартаментах во дворце-музее в Висбадене всегда живые цветы. Есть во дворце и комната, где висит на стене в золоченой раме портрет ее отца, Александра Сергеевича Пушкина. Напротив — по иронии судьбы — портрет другого родственника семьи, императора Николая I. Они смотрят друг на друга —

Новый брак Натали, в отличие от первого, был долгим и счастливым. Принц Вильгельм, добродушный немец, обожал свою жену! Она родила ему сына и двух дочерей. Принцессой она, конечно, не стала, но прожила жизнь, которой хватило бы на сюжет не одного романа

тет не счел нужным пригласить ее на открытие памятника поэту в Москве. Не смогла простить пренебрежения общества и не отдала Румянцевскому музею на хранение одиннадцать писем своего отца, оставив их у себя.

Узнав, что по законам княжества Нассау она не сможет после смерти покоиться рядом с телом любимого мужа, пожертвовавшего ради нее всем, графиня Меренберг веле-

два современника, гений и его ценосный покровитель. И вспоминаются слова поэта:

«Водились Пушкины с царями...»

Вот ведь судьба! Внучка Александра Сергеевича Пушкина София (дочь Наталии Александровны и Николая Вильгельма Нассауского) выбрала в мужа внука Николая I.

О судьбы, судьбы человеческие, кто вас выдумывает? □

Евгения Белогорцева

Короткая
ЖИЗНЬ
Олега Даля

Мечты детства редко становятся реальностью. Мальчишки сороковых-пятидесятых годов все поголовно мечтали стать летчиками или моряками. А их дети потом будут мечтать стать космонавтами... Но если твоим желанием не суждено исполниться, найдешь ли ты в себе силы, чтобы возжелать чего-то другого? И преуспеть в этом?

Олег Даль, родившийся в 1941 году, тоже мечтал о героической военной карьере. Но еще в школе, играя в баскетбол, он сорвал себе сердце и понял, что путь в герои ему заказан. На смену прежним увлечениям пришло другое — он открыл в себе страсть к чтению и, прочитав «Героя нашего времени», решил стать актером, чтобы непременно сыграть Печорина.

Родителей его такие желания, разумеется, не обрадовали. Отец Даля, Иван Зиновьевич, был железнодорожным инженером, мать, Павла Петровна, — учительницей. У них были свои причины противиться выбору сына. Во-первых, они хотели, чтобы он получил «серьезную» профессию, а актерство таковой не считалось, к тому же Олег сильно картавил, что сильно снижало для него возможность поступить в театральный вуз. Но он, как человек целеустремленный, занимался довольно долгое время с педагогом, чтобы этот недостаток исправить. Именно после этих занятий у него появилась совершенно особая манера говорить — чуть задумчиво,

медленно, словно взвешивая каждое слово.

Для поступления в Щукинское училище Олег разучил монолог Ноздрева из гоголевских «Мертвых душ» и отрывок из «Мцыри». И если первое совершенно не подходило его образу, то второе попало, что называется, «в масть». Ноздрев его был смешон и нелеп и чрезвычайно рассмешил приемную комиссию, а вот Мцыри неожиданно получился тем самым, нужным.

Его приняли в училище на курс Н. Анненкова. Вместе с ним учились Виталий Соломин, Михаил Кононов, Виктор Павлов.

Первой работой Даля в кино стала роль Алика Крамера в фильме «Мой младший брат» Александра Зархи, снятом по повести Аксенова «Звездный билет».

После окончания «Щуки» Олега позвали в «Современник». Разумеется, не каждый выпускник получал подобное предложение. Его заметила Алла Покровская и пригласила в театр. Конечно, нужно было пройти конкурс в два тура, но молодой артист с блеском его выдержал.

Однако мало попасть в труппу знаменитого театра, нужно было еще и получать там роли, и играть. А ничего этого не было. Пять лет Даль «просидел» в «Современнике» на второстепенных ролях. Иногда, правда, его приглашали сниматься в кино, что несколько примиряло его с таким театральным «простоем».

Справа:
*К/ф «Земля
Санникова»*

*Олег Даль
в юности*

Следующей работой Даля в кино стала картина «Первый троллейбус», вышедшая в 1964 году. Вскоре актер решил покинуть театр, понимая, что настоящей работы для него там не будет.

Примерно в это же время режиссер Владимир Мотыль собирался снимать фильм по сценарию Булата Окуджавы «Женя, Женечка и «катюша». В роли Жени Колышкина Мо-

тыль с самого начала видел только Олега Даля.

Несмотря на то, что артист не был завален предложениями, он словно тоже выбирал, сниматься ему в картине или нет. В этом был весь Даль — не его выбирали, выбирал он. Олег всегда очень внимательно относился к тому, где предстояло играть. В этом не было снобизма — ему действительно было

не все равно, каким получится фильм или спектакль.

С Мотылем они сошлись в видении роли и пластического рисунка, и Даль на роль согласился.

Поскольку артист не был уже связан с театром, он мог целиком посвятить себя съемкам. И хотя режиссер был уверен в своем выборе, на студии кое-кто был против кандидатуры Даля. Однако Мотылю удалось отстоять артиста, и съемки, которые проходили в Калининграде, начались. Картина была закончена достаточно быстро, но в прокат ее долгое время не выпускали. Афиш в Москве было всего две, а впоследствии фильм было решено показывать только в провинции, малым количеством копий. В чем причина? Скорее всего, в том, что жанр

фильма определялся как «трагикомедия», а считалось, что советскому зрителю такая картина не нужна. Несмотря на это, после ее выхода на экран Олег Даль приобрел большую популярность.

Способствовала этому и следующая картина: «Хроника пикирующего бомбардировщика», в которой он сыграл летчика. Пусть и таким образом, но детская мечта его все же осуществилась.

Даль начал работать с известными режиссерами. Так, у Надежды Кошеверовой он снялся в «Старой, старой сказке». Она впоследствии вспоминала: «...Я была удивлена. Передо мной был актер яркой индивидуальности. Он с интересом думал, фантазировал, иногда совершенно с неожиданной стороны раскрывал

заложенное в сценарии. Своеобразная, ни на кого не похожая манера двигаться, говорить, смотреть. Необычайно живой, подвижный».

Благодаря Кошеверовой, которая дала ему лучшие рекомендации, Олег получил впоследствии роль, ставшую одной из лучших — шута в «Короле Лире» Григория Козинцева. Эту роль должна была исполнять Алиса Фрейдлих, но из-за беременности актриса отказалась, и шутлом стал Олег Даль.

Незадолго до этих съемок актер познакомился со своей будущей женой — Елизаветой Эйхенбаум. Она работала монтажером. Два первых брака у Даля не сложились — его супругами были актрисы Нина Дорошина и Татьяна Лаврова.

18 мая 1970 года Даль, по воспоминаниям Елизаветы, «старомодно попросил у мамы моей руки», после чего улетел на гастроли с театром. К тому моменту он помирился с «Современником», но только для того... чтобы вскоре снова покинуть его.

Переехав в Ленинград, где жила супруга, Даль поступил в труппу Ленинградского драматического театра имени Ленинского комсомола.

Это был период удачных, по мнению самого Даля, ролей. А чтобы он сам признал роль удачной, нужно было немало. Он по-прежнему оставался чрезвычайно требовательным к себе и окружающим.

Однако случались и роли, о которых он предпочитал не вспоминать — например, он терпеть не мог

свою роль в «Земле Санникова». Дав согласие сниматься, Олег полагал, что в результате получится нечто серьезное, а получилось, по его собственным словам, «дешевое зрелище с песнями». Сергей Шакуров, игравший одну из ролей, пошел на конфликт с режиссерами и отказался выполнять их установки. Дворжецкий и Даль присоединились к нему. Георгий Вицин также подписал общую телеграмму, отправленную руководству «Мосфильма»: «Сидим

в говне на волчьих шкурах. Дворжецкий. Вицин. Даль. Шакуров».

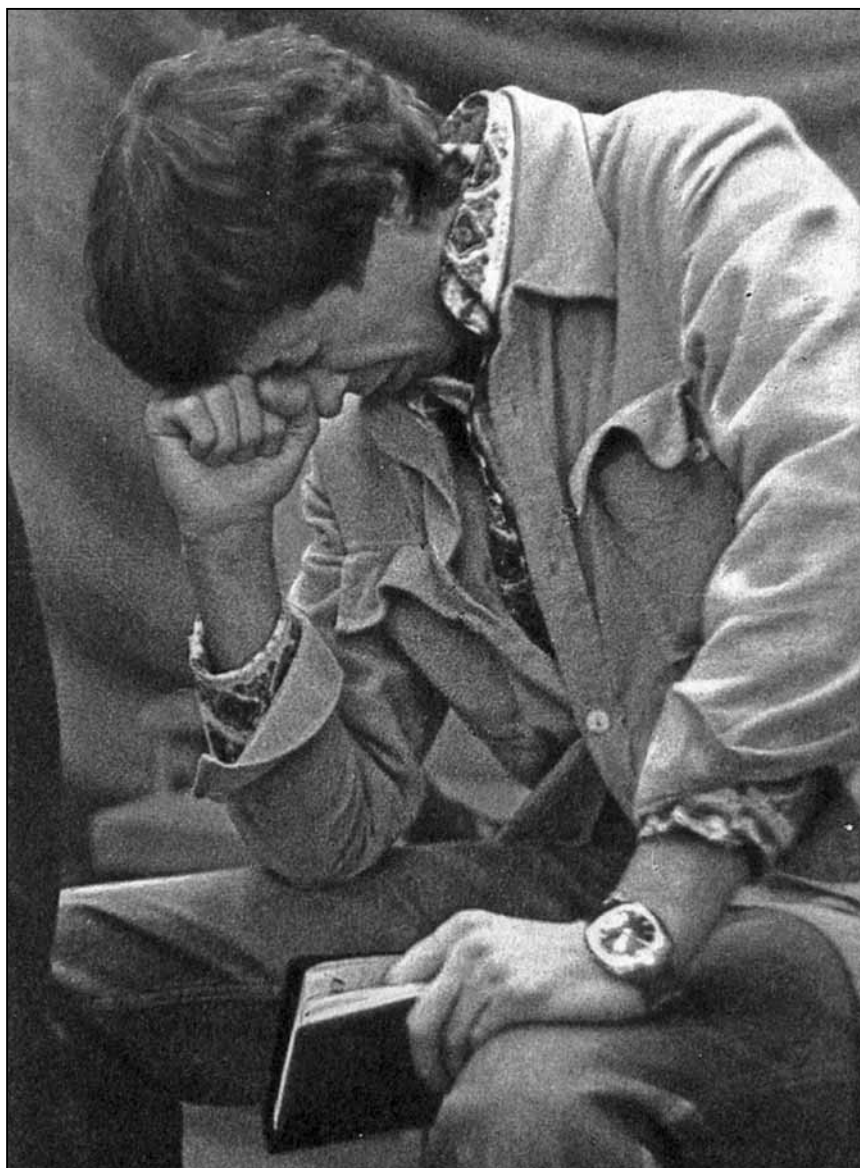
Несмотря на разногласия, фильм был доснят, а публика его полюбила.

Случалось, что Даль отказывался сниматься у весьма маститых режиссеров — например, про роль Жени Лукашина, на которую приглашал его Рязанов, сказал, что это не его герой. Сказал «нет» он и Леониду Гайдаю, желавшему снять его в роли Хлестакова. В дневнике Даля по этому поводу появилась запись:

Слева:

*К/ф
«Король лир»*

*Олег Даль
на похоронах
Владимира
Высоцкого*

«Окончательно отказался от мечты сыграть Хлестакова. Фильм Гайдая. Соображения принципиального характера. Не по пути!!!» Роль, сыгранную впоследствии Леонидом Филатовым в фильме «Экипаж» Александра Митты, должен был сыграть Олег Даль. И снова отказался. Руководство «Мосфильма» посчитало такой поступок нарушением трудовой дисциплины и негласно приказало: нигде не снимать Даля в ближайшие три года.

Несмотря на все эти перипетии, он все же стал сниматься в роли принца Флоризеля. Но и тут проявился неуживчивый характер Даля — он отказывался играть «самого элегантного человека Европы» в костюме, подобранном ему костюмерами: сзади пиджак был стянут булавкой! Это было выше его понимания! Он пытался объяснить: принц должен выглядеть так, чтобы после просмотра фильма такой фасон стал модным на следующий же день!

Положение спасла Белла Маневич, художник-постановщик Ленфильма, сумевшая одеть Даля так, что принц неведомой Баккардии и в самом деле почти стал символом элегантности.

На съемках Олег постоянно подшучивал над своим партнером Игорем Дмитриевым, то и дело вставляя реплики, не прописанные в сценарии. Делал он это не из хулиганства, а чтобы Дмитриев «выдавал» именно ту реакцию, которую хотел видеть режиссер.

Даль и сам хотел ставить фильмы. Какое-то время он даже учился на Высших режиссерских курсах во ВГИКе у Иосифа Хейфица, но до конца это дело не довел — захотелось чего-то другого.

Последним фильмом Даля стала картина «Незванный друг» режиссера Леонида Марягина. Ему настоятельно не советовали снимать Даля, говоря, что это очень упрямый и своевольный человек, что он испортит всю картину и не даст спокойно работать труппе. Но Марягин все равно настоял на том, чтобы снимать именно Даля.

В первый съемочный день Олег явился точно в назначенное время, был подчеркнута холоден и вежлив, однако по прошествии некоторого времени «оттаял» и с головой включился в работу.

Во время этих съемок умер Владимир Высоцкий, с которым Даль был очень дружен в последние годы. Это показалось ему дурным знаком — актер считал, что скоро настанет и его черед, ведь пил он не меньше друга...

В дневнике он записал: «Стал думать часто о смерти. Удручает ничемность. Но хочется драться. Жестоко. Если уже уходить, то уходить в неистовой драке. Изю всех оставшихся сил стараться сказать все, о чем думал и думаю. Главное — сделать!»

Он все чаще и чаще думал о смерти. Даже за несколько лет до нее, на съемках «Приключений принца Флоризеля» в Вильнюсе, он увидел по-

хоронную процессию и сказал: «Смотрите, как красиво хоронят в Литве, а меня повезут по Москве в закрытом автобусе. Как неинтересно».

В начале 1981 года Даля пригласили в Киев сниматься в лирической комедии, и 1 марта он отправился туда. А через два дня его нашли

умершим в номере гостиницы... Похоронен он был на Ваганьковском кладбище.

Олег Даль жил так рьяно и так сильно, что невольно вспоминается выражение «жечь свечу с двух сторон». Так она горит ярче. Но, к сожалению, и сгорает гораздо быстрее... □

«ПЕРВОБЫТНЫЙ»

Жизнь Андрея Платоновича Климентова, которого читатель узнал под фамилией Платонов, была недолгой, тягостной и одинокой, а всемирное признание пришло к нему

Встречаются в литературе явления непостижимые, художники, у которых за внешней безыскусностью скрывается невероятная глубинная сила. Именно к таким, очень редким художникам слова относится Андрей Платонов.

Нобелевский лауреат поэт Иосиф Бродский назвал его одним из самых замечательных писателей XX века (в одном ряду с Прустом, Кафкой, Фолкнером и Беккетом). Александр Солженицын выразил свое восхищение Платоновым, сказав, что взял бы в длительное путешествие одну-единственную книгу — его «Котлован».

Платонов

Он всегда был гоним советской властью и обездолен. И всегда оставался в душе истинным коммунистом, свято верившим в светлое будущее человечества и искавшим в своем творчестве «счастья для всех людей». При этом его произведения неосознанно разоблачали всю бесчеловечность большевистского эксперимента по строительству «нового мира».

уже после смерти. Он родился 28 августа 1899 года (хотя день его рождения традиционно принято отмечать 1 сентября), а фамилию сменил в 20-х годах, образовав ее из имени отца, Платона Фирсовича Климентова, слесаря железнодорожных мастерских в Ямской слободе Воронежа.

Память сурового, полного взрослых забот детства писателя отразилась в одном из первых его рассказов «Семен» (1927), герой которого, трогательный семилетний парнишка, целыми днями нянчит младших братьев и сестру. Учиться Андрюшу отдали в церковно-приходскую школу,

а затем в городское училище. Работать, чтобы поддержать семью, он начал в 13 лет. Работал помощником машиниста, литейщиком, электротехником. «У нас семья была ... 10 человек, а я старший сын — один работник, кроме отца... Жизнь сразу превратила меня из ребенка во взрослого человека, лишая юности», — напишет Платонов позднее.

В октябре 1918-го года Андрей поступил на физико-математический факультет Воронежского университета, но вскоре попросился о переводе на историко-филологический факультет, слушателем ко-

того являлся до мая следующего года, а потом перешел в только что открывшийся железнодорожный политехникум на электротехническое отделение, окончив его в 1921 году. Удивительно, что пожар Гражданской войны не помешал будущему писателю получить столь разнообразное образование. Причем осенью 1919-го, когда Воронеж был временно захвачен деникинскими

войсками, ему еще удалось поработать корреспондентом газеты «Известия Совета обороны Воронежского укрепрайона».

К разгару Гражданской войны относятся и первые стихотворные публикации Андрея Платонова в городском литературном двухнедельнике «Тени» и журнале «Юный пролетарий». Он рассылал стихи, рассказы, эссе в местные и центральные изда-

ния и к 20-му году начал уже активно печататься. Газеты и журналы заказывали ему также политические передовицы, рецензии, статьи.

В том же 20-м Платонов стал слушателем совпартшколы, выступал в дискуссиях Коммунистического союза журналистов. Его приняли кандидатом в члены РКП(б). Такая позиция начинающего писателя вполне объяснима. Детство и отрочество Платонова совпали с Первой мировой войной, а юность — с революцией и Гражданской войной. Революцию Платонов воспринял как начало новой мировой эры торжества правды и справедливости, несущую счастье для всех и каждого. Пройдет всего несколько лет, и у писателя откроются глаза на ее истинную суть. Пока же в водовороте событий он искал себя, свой путь.

Круг интересов Платонова тех лет необычайно широк: политика и вопросы современной науки, классическая и новейшая эстетика, изобретательство, оригинальная философия общего дела Николая Федорова и религиозная философия Виктора Розанова, марксизм, романы Достоевского и нарождающаяся так называемая пролетарская литература...

Друг молодости так описывает Платонова воронежского периода: «Андрей был среднего роста и крепкого сложения, с широким русским лицом и пытливыми глазами, в которых словно затаилась какая-то глубокая печаль. Он ходил в серых полусуконных брюках навыпуск и в та-

кой же рубашке с поясом, а в жаркие дни — в рубашке холстинковой или ситцевой».

В истории создания Воронежской организации Всероссийской ассоциации пролетарских писателей Платонов сыграл очень заметную роль. В октябре 20-го он впервые побывал в Москве делегатом съезда ВАПП, и на вопрос анкеты: «Каким литературным направлениям сочувствуете или принадлежите?» — ответил: «Никаким, имею свое».

Первой книгой Андрея Платонова стал сборник очерков «Электрификация» (1921). За ним последовал сборник стихов «Голубая глубина», получивший одобрительную оценку Брюсова. Однако в условиях послевоенной разрухи и крестьянского голода, усугубленного страшной засухой 1921 года, Платонов, «будучи техником», как он писал в автобиографии, посчитал себя не вправе «заниматься созерцательным делом — литературой».

Осенью 1921 года в ходе партийной чистки писатель был исключен из кандидатов в члены РКП(б) как «шаткий и неустойчивый элемент» за недостаточно активное посещение занятий партячейки Губсовпартшколы. Больше попыток вступить в партию он не предпринимал, а вскоре это оказалось и невозможным по причине его очевидного диссидентства, которого Андрей Платонович, принадлежа к «самому революционному классу — пролетариату», тем не менее, за собой не признавал.

С 22-го по 26-й год Платонов работал в Воронежском губернском земельном отделе, занимаясь мелиорацией и электрификацией сельского хозяйства. В феврале 1926-го на Всероссийском съезде мелиораторов был избран в ЦК Союза сельского хозяйства и лесных работ, а в июне переехал вместе с женой Марией Александровной и сыном Платоном

Поначалу писательская судьба Платонова складывалась вполне удачно. Его заметила критика, поддержал Горький, которому пришлось по душе как раз сатирические вещи молодого автора. «В психике вашей, как я воспринимаю ее, есть сродство с Гоголем, — наставлял он. — Поэтому попробуйте себя на комедии, а не на драме. Драму оставьте для

амилию свою Андрей Климентов сменил в 20-х годах, образовав ее из имени отца, Платона Фирсовича Климентова, слесаря железнодорожных мастерских. Чтобы поддержать семью, Андрей вынужден был работать с 13 лет. Был помощником машиниста, литейщиком, электротехником. Как позднее писал Платонов, «жизнь сразу превратила меня из ребенка во взрослого человека, лишая юности»

в Москву. Надолго обосноваться в столице ему не пришлось, Наркозем назначил его заведующим отделом мелиорации Тамбовской губернии. Оставив семью в Москве, писатель отбыл в Тамбов. Образ этого «обывательского» города показан им в сатирической повести «Город Градов» («Записки командированного»), обличающей советскую бюрократию.

Вскоре Андрей Платонович вернулся в Москву, оставил работу в Наркоземе и профессионально занялся литературой. Художник все же победил в нем инженера.

личного удовольствия». Начинаящий писатель все же не стал полностью следовать совету классика.

В 1927 году вышла в свет его знаменитая повесть «Епифанские шлюзы», давшая название сборнику рассказов. В этой символической повести с ее экспрессивно-метафорическим языком возникает потрясающий трагизм и жестокость образ новой большевистской России, где догматизм подменил свободу мысли, и где обречены любые рациональные начинания. Тогда же Платонов окончательно расстался со своими ранними социально-утопи-

ческими воззрениями. В сатирическом памфлете «Антисексус» он высмеивает популярную одно время идею отказа от плотской любви в пользу общественной деятельности, а заодно — и документально-монтажную литературу «левых».

К концу 20-х годов в прозе писателя появляются одинокие изобретатели, странники, раздумчивые чудачки. Вокруг них складывается удивительная языковая фактура, основанная на поэтических приемах и выявляющая первичное значение слова. Все это нашло выражение в одном из ранних платоновских

шедевров — повести «Сокровенный человек» (1928), которая рассказывает о приключениях «размышляющего пролетария» в годы Гражданской войны. Здесь грань между внутренним миром человека и внешней средой как бы стирается, понятия о вещах и сами вещи сближаются, а смысл жизни проявляется на пороге ее исчезновения. «Многоуровневый» человек закрепляется в прозе Платонова, символизируя нерасторжимое единство личности и извечных проблем бытия.

Почти не соприкасаясь с собратьями по перу, обособляясь от текущего литературного процесса, Андрей

Платонов жил в своих вопросах и сомнениях. Он искал истину вместе со своими героями и своим временем. На рубеже 30-х годов этот писатель совершал то необходимое переосмысление идеологии и практики советского строя, к которому мы пришли спустя многие десятилетия. Вот почему его произведения и сегодня действуют неотразимо. И вот почему после выхода в разных издательствах и ведущих литературных журналах его трудно воспринимаемых, но получивших широкую известность повестей фортуна неожиданно повернулась к нему спиной.

В конце 1929 года Платонов впервые подвергся «идеологической порке» за публикацию написанного совместно с Борисом Пильняком очерка «Че-Че-О», а в 1931 году — и за собственный рассказ «Усомнившийся Макар». Рассказ был напечатан в журнале «Октябрь». Главный редактор Александр Фадеев сразу же публично покаялся, назвав рассказ «идеологически невыдержанным и анархистским», за что, мол, ему «поделом попало от Сталина». В том же году в журнале «Красная новь» вышла повесть-хроника «Впрок», показывавшая коллективизацию как трагедию. Она удостоилась разгромного послесловия Фадеева и гневного письма в редакцию «вождя народов», который на полях повести начертал: «Талантливый писатель, но сволочь!» Дальнейшая публикация большинства платонов-

ских произведений стала невозможной. Издательства, одно за другим, начали отказываться от них. С разгромной рецензией М. Горького запретили к печати роман «Чевенгур», который Платонов писал четыре года и который впервые был опубликован во Франции в 1972 году, а в СССР — лишь на исходе перестройки.

«Чевенгур» не только самое большое по объему произведение писателя, но и важнейшая веха на его творческом пути. Это роман страстней и поисков земного рая (чего искал и сам автор). Действительность предстает в «Чевенгуре» в виде гротеска, и это определило его сюрреалистический стиль. Герои романа ощущают в этом обезбоженном мире свое сиротство, разъединенность с «душой мира», которая воплощается для них в абстрактных бесплотных образах. Революционеру Коленкину она, например, видится в неведомой ему Розе Люксембург, портрет которой он вместо иконы зашивает в шапку. Пытаясь постичь тайны жизни и смерти, люди строят социализм в уездном городе Чевенгуре, утопическом месте, где чекисты убивают буржуев и полубуржуев, а пролетарии питаются «пищевыми остатками буржуазии».

Писатель доводит в романе до абсурда идеи коммунистического переустройства жизни, владевшие им в молодости. По словам одного из персонажей, «большевик должен иметь пустое сердце, чтобы туда все могло поместиться». В финале ро-

мана главный герой Александр Дванов погибает добровольно, в надежде постичь тайну смерти, понимая, что тайна жизни не поддается разгадке теми способами, которыми пытаются ее преобразовать.

Несбыточное переустройство жизни на коммунистический лад является центральной темой и в созданной в те же годы повести «Котлован». Она также оказалась под запретом и увидела свет только в 1969 году в ФРГ, а на родине писателя — в 1987 году. Действие

ской литературы. В причудливую, «первобытную» ткань прозы Платонова органично вплетены здесь сокровенные размышления об исторических судьбах России и ее сыновей, о вечных вопросах бытия: в чем и в ком заключена истина, что есть жизнь, каковы возможности преобразования русской действительности.

В 1934 году Платонов был включен в состав писательской бригады, отправлявшейся в творческую командировку в Туркмению. Туда Пла-

К

руг интересов Платонова был необычайно широк: политика и вопросы современной науки, классическая и новейшая эстетика, изобретательство и оригинальная «Философия общего дела» Николая Федорова, марксизм, романы Достоевского и нарождающаяся так называемая пролетарская литература...

повести разворачивается во время первой пятилетки. Самоотверженные герои произведения истово роют котлован под фундамент «Общепролетарского дома», символа коммунистической утопии, который вызывает ассоциации с библейской притчей о бессмысленном строительстве Вавилонской башни. Котлован в повести Платонова оказался еще и могилой для девочки Насти, олицетворяющей будущее России.

Эта повесть — подвиг писателя и одно из высших достижений рус-

тонова как инженера-мелиоратора направила еще и Академия наук СССР в составе комплексной экспедиции по изучению промышленного потенциала среднеазиатской республики.

Из Туркмении писатель привез опубликованный в том же году рассказ «Такыр» и наброски к новым произведениям. Но положение его практически не изменилось. За «возвращением» Платонова в литературу тщательно присматривали, о чем свидетельствуют агентурные донесения в ОГПУ, а на I Съезде советских

*С женой
и сыном*

писателей в августе 34-го имя это даже не упоминалось... Продолжались ожесточенные нападки на Платонова в печати.

Он же продолжал писать «мирные» и «смирненные» новеллы о труде, любви, страстях и страданиях маленького человека дореволюционной и современной России — «Семен, «Бессмертие», «Ольга», «Фро», «Третий сын», «Среди животных и растений», «Река Потудань», давшая название книге рассказов, которая чудом вышла ограниченным тиражом в зловещем 37-м. Трагической иронией отзывается сегодня заглавие задуманного им тогда романа «Путешествие из Ленинграда в Москву в 1937 году». Его писатель хотел осуществить по примеру Ради-

щева на перекладных. Увы. Литературная критика уже взяла под прицел «Реку Потудань» и редкие журнальные статьи политически неблагонадежного писателя. «Религиозное душеустройство» — вот диагноз, поставленный Платонову в развернувшейся на страницах периодики дискуссии о его творчестве.

В апреле 1938-го года в результате навета был арестован и осужден по 58-й «политической» статье 16-летний сын писателя Платон, освобожденный благодаря содействию Шолохова в октябре 40-го. Из заключения он вернулся совершенно больным и в 1943 году умер от туберкулеза. Горький опыт разделенности с сыном Платонов отразил

в пьесе «Голос отца», посвященной мистической связи поколений. К этой трагической теме он обращался и в литературно-критических статьях, в рассказах о детях и для детей, относящихся к периоду 1938-1940 годов. Они проникнуты теплом и светом. Не грандиозными стройками, как в «Котловане» и «Ювенальном море», а сохранением доброты.

И в это же время достигла апогея кампания критических погромов журнальной публицистики писателя. В ЦК партии пошел донос, и издание его книги статей «Размышления читателя» было остановлено.

С первых дней войны Андрей Платонович добивался отправки на фронт. Наконец в начале 1942-го года из Уфы, где он находился в эвакуации, его направили на фронт корреспондентом «Красной звезды». Фронтovým публикациям Платонова был дан ход. «...У меня получается нечто вроде реквиема в прозе, — сообщал он в одном из первых писем с фронта жене. — ...Мне кажется, что мне кое-что удастся, потому что мною руководит воодушевление их подвигом». Рассказы и корреспонденции А. Платонова военных лет стали действительно «реквиемом в прозе». Это была проза большой русской литературы, выдержавшая испытание временем.

В годы Великой Отечественной вышли четыре книги фронтовой прозы писателя — «Одухотворенные люди», «Рассказы о Родине», «Броня» и «В сторону заката солнца». Выход

их сопровождался привычными Платонову трудностями. Рассказы отклонялись, беспощадно правились, публикация каждой книги сопровождалась разгромными внутрииздательскими рецензиями. Неприемлемым казалось почти все: «светоносный» стиль и обращение к языку житий и апокрифов, сквозная авторская идея, что русский солдат одолеет врага исключительно силой своего терпения и страдания, мечта солдат о совершении после Победы подвига любви и мирной жизни.

Андрей Платонович вернулся с фронта тяжело больным после перенесенной контузии, к тому же заразился туберкулезом от сына, за которым трогательно ухаживал. Но он продолжал писать с верой в перелом своей трагической литературной судьбы. Надежде не суждено было сбыться. В 1943-м у Платонова родилась дочь Маша, а на следующий год цензура зарубила книгу «О живых и мертвых». (Константин Симонов впоследствии позаимствует это название для своего романа.) В 1946-м та же участь постигла книгу «Вся жизнь». В послевоенные годы из редакций издательств и журналов без объяснений возвращались рукописи платоновских вещей.

Правда, в 45-м повезло замечательному рассказу «Семья Иванова» («Возвращение»), напечатанному в «Новом мире». Один из шедевров малой русской прозы о возвращении солдата-фронтовика домой,

поддержанный классиком советской литературы Константином Фединым, два года спустя был окрещен критиком К. Ермиловым «клеветническим рассказом», а Фадеев обозвал его «грязноватым рассказцем». Круг в очередной раз замкнулся. Выдающийся писатель перемещался мелкими разовыми публикациями в «Огоньке» и в «Дружных ребятах», пробовал сочинять киносценарии.

незавершенной. Написанный в 30-е годы роман «Счастливая Москва» был обнаружен только в 90-е годы.

Известный советский писатель Юрий Нагибин, с отчимом которого, литератором Рыкачевым, Андрей Платонович близко общался, писал: «С ним было всегда гипнотически интересно. Он прекрасно знал все, что делается в мире литературы, в мире искусства, в мире точных

Л

итературная критика уже взяла под прицел произведения и журнальные статьи политически неблагонадежного писателя. «Религиозное душеустройство» — вот диагноз, поставленный Платонову в развернувшейся на страницах периодики дискуссии о его творчестве. Приговор Платонову за «ревизию христианства» был вынесен в контексте массовых репрессий тех страшных лет

Самым крупным проектом, над которым Платонов трудился с 1946 года до последних дней жизни, было издание русского эпоса, имевшее, по его признанию в письме к Шолохову, «общенациональное значение». В 1947 году в обработке Платонова вышел сборник башкирских сказок, а в 1950-м, незадолго до смерти писателя, — книга русских сказок «Волшебное кольцо» под общей редакцией М. Шолохова. Для себя же, в стол, он сочинял в последние годы пьесу «Ноев ковчег» («Каиново отродье»). Пьеса осталась

наук... Я слушал его с открытым ртом... Его нельзя было обескуражить каким-то именем или теорией, новым учением или модным течением в живописи. Он знал все на свете! И все это, как у большинства настоящих людей, было золотыми плодами самообразования». Таким Платонов оставался до конца жизни, несмотря на все выпавшие на его долю горести и тяготы.

Голод и разруха первых послевоенных лет усугубили нужду семьи Андрея Платоновича, перелавшего за гроши народные сказки. Негласно

*Последняя
фотография
Андрея
Платонова
с женой
и дочерью*

ему материально помогали Шолохов и Фадеев. Последний оправдывался в нападках на «Усомнившегося Макара» и «Семью Иванова», ссылаясь на свое служебное положение. (Точно так же он оправдывался в 40-м году перед женой Булгакова, когда тайком навещал умирающего в бедности мастера и передавал Елене Сергеевне крупные суммы денег.) Что ни говори, а истинную цену таланту обоих художников глава Союза писателей знал хорошо.

Его стараниями бездомный Платонов получил с семьей две комнат-

ки во флигеле Литературного института им. А.М. Горького на Тверском бульваре. Рядом по коридору жил с женой Мандельштам. Однажды кто-то из собратьев по перу увидел, как Андрей Платонович убирает лопатой снег у себя под окнами, и пустил «в народ» стойкую легенду, что Платонов работает дворником. Впрочем, дворником ему, возможно, жилось бы легче.

В тот последний период жизни с ним познакомился Виктор Некрасов, автор одного из лучших, если не лучшего романа о войне «В око-

пах Сталинграда». В своих воспоминаниях об их встречах он с удивлением отмечал, что, подобно бан-

ковскому кассиру О'Генри, Платонов оказался совершенно не похож на «настоящего», в его тогдашнем

представлении, писателя. Печальные глаза, тихий, какой-то грустный голос. «В жизни он был просто человеком — умным, серьезным, немного ироничным, человеком, ничем не отличающимся от умного, серьезно и т.д. инженера, врача или капитана дальнего плавания, с которыми просто приятно и интересно общаться, приятно быть вместе».

Когда они вышли погулять на бульвар и подошли к памятнику Пушкину, Андрей Платонович пошутил: «Из соседей это — мой самый любимый писатель, а из писателей — самый любимый сосед».

...Смерть пришла за ним 5 января 1951 года, в больничную палату. Хоронили Андрея Платонова на Армянском кладбище, рядом с сыном, успевшим сделать его дедушкой.

Юрий Нагибин записал в дневнике: «Гроб поставили на землю

ны с Дальнего Востока буквально в последнюю минуту. У него было красное, по-платоновски симпатичное лицо. Мне казалось, он плачет так горько, потому что только сегодня, при виде большой толпы, пришедшей отдать последний долг его брату, венков от Союза писателей, «Детгиза» и «Красной звезды», поверил, что брат его был действительно хорошим писателем. Что же касается вдовы, то она слишком натерпелась горя в совместной жизни с покойным, чтобы поддаться таким «доказательствам...»

В начале нынешнего века тело писателя было перезахоронено на Ваганьковском кладбище.

Дочь Мария позаботилась о литературном наследии отца.

Благодаря ей Платонов сегодня вернулся к нам в полном объеме своего уникального творчества и мог бы с гордостью сказать о се-

С

« ним было всегда гипнотически интересно, — говорил известный писатель Юрий Нагибин. — Я слушал его с открытым ртом... Он знал все на свете! И все это, как у большинства настоящих людей, было золотыми плодами самообразования». Таким Платонов оставался до конца жизни, несмотря на все выпавшие на его долю горести и тяготы

у края могилы, и здесь очень хорошо плакал младший брат Платонова, моряк, прилетевший на похоро-

бе словами героя одного из его рассказов: «Без меня народ не полный». □

Андрей Платонов

Еще мама

— А я, когда вырасту, в школу ходить не буду! — сказал Артем своей матери, Евдокии Алексеевне. — Правда, мама?

— Правда, правда, — ответила мать. — Чего тебе ходить!

— Чего мне ходить? Ничего! А то я пойду, а ты заскучаешь по мне. Не надо лучше!

— Не надо, — сказала мать, — не надо!

А когда прошло лето, и стало Артему семь лет от роду, Евдокия Алексеевна взяла сына за руку и повела его в школу. Артем хотел, было, уйти от матери, да не мог вынуть свою руку из ее руки, рука у матери теперь была твердая, а прежде была мягкая.

— Ну что ж! — сказал Артем. — Зато я домой скоро приду! Правда, скоро?

— Скоро, скоро, — ответила мать. — Поучишься чуть-чуть и домой пойдешь.

— Я чуть-чуть, — соглашался Артем. — А ты по мне дома не скучай!

— Не буду, сынок, я не буду скучать.

— Нет, ты немножко скучай, так лучше тебе будет, а то что! А игрушки из угла убирать не надо: я приду, и сразу буду играть, бегом домой прибегу.

— А я тебя ждать буду, — сказала мать. — Я тебе оладьи испеку.

— Ты будешь ждать меня? — обрадовался Артем. — Тебе ждать — не дожждаться! Эх, горе тебе! Но ты не плачь по мне, ты не бойся и, смотри, не умри, а меня дождайся!

— Да уж ладно! — засмеялась мать Артема. — Уж дождусь тебя, милый мой, авось не помру!

— Ты дыши и терпи, тогда не помрешь, — сказал Артем. — Гляди, как я дышу, так и ты.

Мать вздохнула, остановилась и показала сыну вдаль. Там, в конце улицы, стояла новая большая рубленая школа — ее целое лето строили, — а за школой начинался темный лиственный лес. До школы отсюда еще было далеко, до нее протянулся долгий порядок домов — дворов десять или одиннадцать.

— А теперь ступай один, — сказала она. — Привыкай один ходить. Школу-то видишь?

— А то будто! Вон она!

— Ну, иди, иди, Артемушка, иди один. Учительницу там слушайся, она тебе вместо меня будет.

Артем задумался, а потом тихо произнес:

— Нет, она за тебя не будет, она чужая.

— Привыкнешь, Аполлинария Николаевна тебе как родная будет. Ну, иди!

Мать поцеловала Артема в лоб, и он пошел далее один.

Отошедши далеко, мальчик оглянулся на мать. Она стояла на месте и смотрела на него. Артему хотелось заплакать и вернуться к ней, но он опять пошел вперед, чтобы мать не обиделась на него. А матери тоже хотелось догнать Артема, взять его за руку и вернуться с ним домой, но она только вздохнула и пошла домой одна.

Вскоре Артем снова обернулся, однако ее уже не было видно. Тут гусак вытянул шею из-за изгороди, крякнул и защемил клювом штанину у Артема, а заодно захватил и живую кожу на его ноге. Артем рванулся прочь и, спасаясь от гусака, решил: «Это страшные дикие птицы, они живут вместе с орлами».

На другом дворе были открыты ворота. Артем увидел лохматое животное с приставшими к нему репьями, оно стояло к Артему хвостом, но все равно было сердитое и видело его.

«Кто это? — подумал Артем. — Волк, что ли?» Он оглянулся в ту сторону, куда ушла его мать, — не видать ли ее там, а то этот волк побежит туда. Матери не было видно, она уже дома, должно быть, это хорошо, волк ее не съест. Вдруг лохматое животное повернуло голову и молча оскалило на Артема пасть с зубами.

Артем узнал собаку Жучку.

— Жучка, это ты?

— Р-р-р! — ответила собака-волк.

— Тронь только! Только тронь! Ты знаешь, что тебе тогда будет? Я в школу иду. Вон она виднеется!

— Ммм, — смирно произнесла Жучка и шевельнула хвостом.

— Эх, далече еще до школы! — вздохнул Артем и пошел дальше.

Кто-то враз и больно ударил Артема по щеке, словно вонзился в нее, и тут же вышел вон обратно.

— Это ктой-то еще? — испугался, было, Артем. — Ты чего дерешься, а то я тебе тоже... Мне в школу надо. Я ученик — ты видишь! — Он поглядел вокруг, но никого не было, один ветер шумел павшими листьями. — Спрятался? Покажись только!

На земле лежал толстый жук. Артем поднял его и положил на лопух.

— Это ты на меня из ветра упал. Живи теперь, живи скорее, а то зима настанет.

Сказавши так, Артем побежал в школу, чтобы не опоздать. Сначала он бежал по тропинке возле плетня, да оттуда какой-то зверь дыхнул на него горячим духом и сказал: «Ффурфурчи!»

— Не трожь меня, мне некогда! — крикнул Артем и выбежал на середину улицы.

Во дворе школы сидели ребята. Их Артем не знал, они пришли из другой деревни, должно быть, учились давно и были все умные, потому что Артем не понимал, что они говорили.

— А ты знаешь жирный шрифт? Ого! — сказал мальчик из другой деревни.

А еще двое говорили:

— Нам хоботковых насекомых Афанасий Петрович показывал!

— А мы их прошли уже. Мы птиц учили до кишок!

— Вы до кишок только, а мы всех птиц до перелета проходили.

«А я ничего не знаю, — подумал Артем, — я только маму люблю! Убегу я домой!»

Зазвенел звонок. На крыльцо школы вышла учительница Аполлинария Николаевна и сказала, когда отзвенел звонок:

— Здравствуйте, дети! Идите сюда, идите ко мне!

Все ребята пошли в школу, один Артем остался во дворе.

Аполлинария Николаевна подошла к нему:

— А ты чего? Оробел, что ли?

— Я к маме хочу, — сказал Артем и закрыл лицо рукавом. — Отведи меня скорее ко двору.

— Ну, уж, нет! — ответила учительница. — В школе я тебе мама.

Она взяла Артема под мышки, подняла к себе на руки и понесла.

Артем исподволь поглядел на учительницу: ишь ты, какая она — лицом белая, добрая, глаза ее весело смотрели на него, будто она играть с ним хотела в игру, как маленькая. И пахло от нее так же, как от матери, теплым хлебом и сухою травой.

В классе Аполлинария Николаевна хотела, было, посадить Артема за парту, но он в страхе прижался к ней и не сошел с рук. Учительница села за стол и стала учить детей, а Артема оставила у себя на коленях.

— Эх ты, селезень толстый какой на коленях сидит! — сказал один мальчик.

— Я не толстый! — ответил Артем. — Это меня орел укусил, я раненый. Он сошел с коленей учительницы и сел за парту.

— Где? — спросила она. — Где твоя рана? Покажи-ка ее, покажи!

— А вот тут! — Артем показал ногу, где гусак его зацемил.

Учительница оглядела ногу.

— До конца урока доживешь?

— Доживу, — обещал Артем.

Артем не слушал, что говорила учительница на уроке. Он смотрел в окно на далекое белое облако, оно плыло по небу туда, где жила его мама в родной их избушке. А жива ли она? Не померла ли от чего-нибудь — вот бабушка Дарья весною враз померла, не чаяли, не гадали. А может быть, изба их без него загорелась, ведь Артем давно из дому ушел, мало ли что бывает.

Учительница видела тревогу мальчика и спросила у него:

— А ты чего, Федотов Артем, о чем думаешь сейчас? Почему ты меня не слушаешь?

— Я пожара боюсь, дом наш может сгореть.

— Не сгорит. В колхозе народ смотрит, он потушит огонь, если что.

— Без меня потушат? — спросил Артем.

— Без тебя управятся.

После уроков Артем первым побежал домой.

— Подожди, подожди! — сказала Аполлинария Николаевна. — Вернись назад, ты ведь раненый.

— Эх, какой — инвалид, а бегаешь! — засмеялись ребята.

Артем остановился в дверях, учительница подошла к нему, взяла его за руку и повела с собою. Она жила в комнатах при школе, только с другого крыльца. В комнатах у Аполлинарии Николаевны пахло цветами, тихо звенела посуда в шкафу, и всюду было убрано чисто, хорошо.

Она посадила Артема на стул, обмыла его ногу теплой водой из таза и перевязала красное пятнышко — щипок гусака — белой марлей.

— А мама твоя будет горевать! — сказала учительница. — Вот горевать будет!

— Не будет! — ответил Артем. — Она оладьи печет!

— Нет, будет. Эх, скажет, зачем Артем в школу нынче ходил? Ничего он там не узнал, а пошел учиться — значит, маму обманул, значит, он меня не любит, скажет она и сама заплачет.

— И правда! — испугался Артем.

— Правда. Давай сейчас учиться.

— Чуть-чуть только, — попросил Артем.

— Ладно уж, чуть-чуть, — согласилась Аполлинария Николаевна. — Ну, иди сюда, раненый.

Она взяла его на руки и понесла в класс. Артем боялся упасть и прильнул к учительнице. Снова он почувствовал тот же тихий и добрый запах, который чувствовал возле матери, а незнакомые глаза, близко глядевшие на него, были совсем не сердитые, точно давно знакомые. «Не страшно», — подумал Артем.

В классе учительница написала на доске одно слово и сказала:

— Так пишется слово «мама». — И велела писать эти буквы в тетрадь.

— А это про мою маму? — спросил Артем.

— Про твою.

Тогда Артем старательно начал рисовать такие же буквы в своей тетради, что и на доске. Он старался, а рука его не слушалась, он ей подговаривал, как надо писать, а рука гуляла сама по себе и писала каракули, не похожие на маму. Осерчавши, Артем писал снова и снова четыре буквы, изображающие «маму», а учительница не сводила с него веселых глаз.

— Ты молодец! — сказала Аполлинария Николаевна, увидев, что на этот раз Артем сумел написать буквы хорошо и ровно.

— Еще учи! — попросил Артем. — Какая это буква: вот такая — ручки в бочки?

— Это «Ф», — сказала Аполлинария Николаевна.

— А что такое жирный шрифт?

— А это такие вот толстые буквы.

— Кормленные? — спросил Артем. — Больше не будешь учить — нечему?

— Как так «нечему»? Ишь ты какой! — сказала учительница. — Пиши еще!

Она написала на доске: «Родина».

Артем стал переписывать слово в тетрадь, да вдруг замер и прислушался.

На улице кто-то сказал страшным заунывным голосом: «У-у!», а потом еще раздалось откуда-то, как из-под земли: «Н-н-н!»

И он увидел в окне черную голову быка. Бык глянул на Артема одним кровавым глазом и пошел к школе.

— Мама! — закричал Артем.

Учительница схватила мальчика и прижала его к своей груди.

— Не бойся! — сказала она. — Не бойся, маленький мой. Я тебя не дам ему, он тебя не тронет.

— У-у-у! — прогудел бык.

Артем обхватил руками шею Аполлинару Николаевны, а она положила ему свою руку на голову:

— Я прогоню быка.

Артем ей не поверил:

— А ты не мама!

— Мама!.. Сейчас я тебе мама!

— Ты еще мама? Там мама, а ты еще, ты тут.

— Я еще. Я тебе еще мама!

В классную комнату вошел старик с кнутом, запыленный землей. Он поклонился и сказал:

— Здравствуйте, хозяйева! А что, нету ли кваску испить либо воды? Дорога сухая была...

— А вы кто, вы чьи? — спросила Аполлинурия Николаевна.

— Мы дальние, — ответил старик. — Мы скрозь идем вперед, мы племенных быков по плану гоним. Слышите, как они нутром гудят? Звери лютые!

— Они вот детей могут изувечить, ваши быки! — сказала Аполлинурия Николаевна.

— Еще чего! — обиделся старик. — А я-то где? Детей я уберегу!

Старик-пастух напился из бака кипяченой воды — он полбака выпил, вынул из своей сумки красное яблочко, дал его Артему. «Ешь, — сказал, — точи зубы», — и ушел.

— А еще у меня есть еще мамы? — спросил Артем. — Далеко-далеко, где-нибудь?

— Есть, — ответила учительница. — Их много у тебя.

— А зачем много?

— А затем, чтоб тебя бык не забодал. Вся наша Родина — еще мама тебе.

Вскоре Артем пошел домой, а на другое утро спозаранку стал собираться в школу.

— Куда ты? Рано еще, — сказала мать.

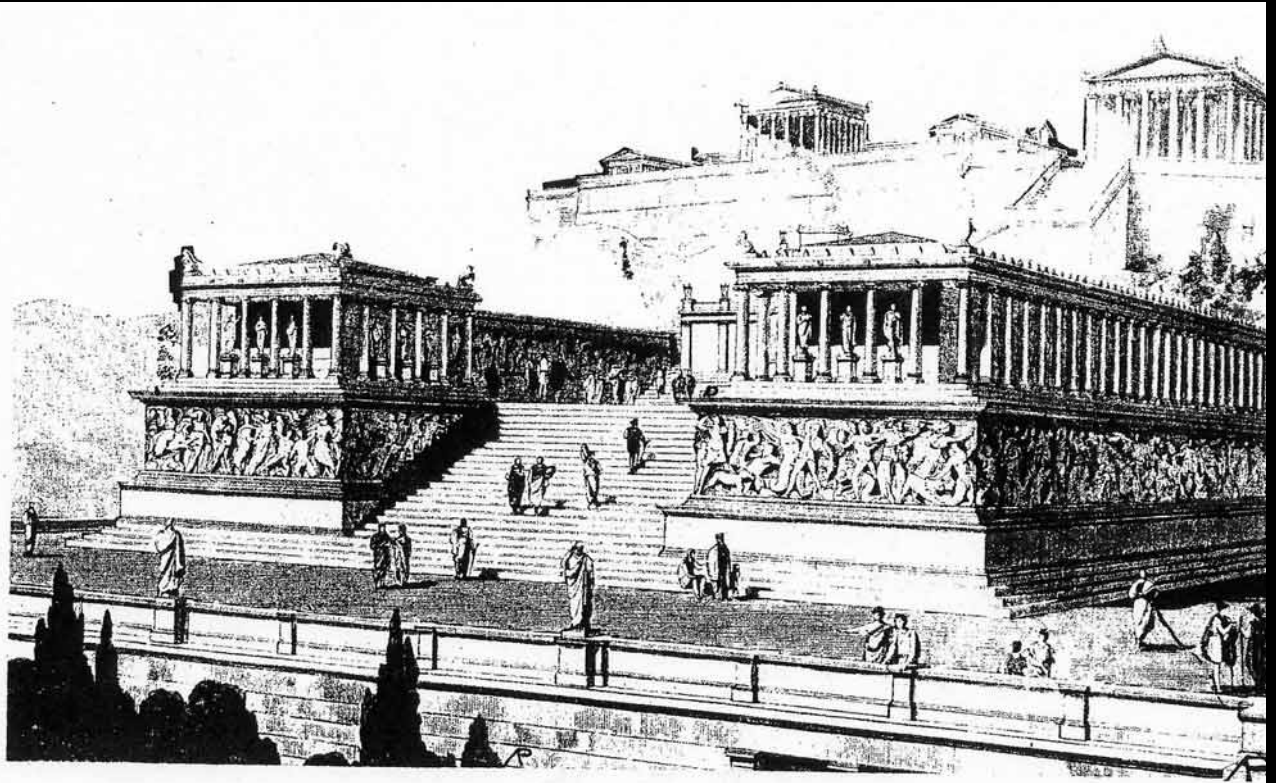
— Да, а там учительница Аполлинурия Николаевна! — ответил Артем.

— Ну что ж, что учительница? Она ведь добрая.

— Она, должно быть, уже соскучилась, — сказал Артем. — Мне пора.

Мать наклонилась к сыну и поцеловала его на дорожку.

— Ну, иди, иди помаленьку! Учись там, и расти большой. □

УЛЫБКА

Саламандры

Никого, пустота. На всей огромной площади городского Форума была пустота, ни единой души. Удушливая жара загнала богатых в их просторные дома с прохладными фонтанами, а бедные и нищие сами попрятались в углы и под навесы в поисках спасительной тени: солнцепек словно разливал кипяток на кожу, от духоты темнело в глазах.

— Черешня, отличная черешня! Сладкие ягоды, отличная черешня! — еще раз прокричал осипшим голосом старый торговец Луций, просто так, для успокоения своей совести, затем безнадежно вздохнул и поднялся в ближайший портик храма (с надеждой, что храмовый сторож тоже задремал и не прогонит). В блаженной тени старик сел на мраморный пол, с облегчением прислонился усталой спиной к твердыне коринфской колонны и вытянул вперед ноги. Затем снял с натертой потной шеи веревку, на которой висел подвязанный деревянный лоток с ягодами, и поставил его рядом с собой. Сразу над ним в воздухе захлопали крылья, и несколько голубей опустились возле лотка, подбираясь и кося взглядом на черешню.

— П-ш-ш-ш, пошли прочь отсюда! — зашипел Луций, отгоняя их.

Он с досадой подумал, что торговля нынче с самого утра не заладилась, что торговец фруктами, к которому он нанимался разносчиком, будет на него зол, не заплатит, и тогда дома Цепассия станет на него кричать и даже, пожалуй, не накормит ужином. Да, уж слишком обнаглела его собственная рабыня, которую он случайно купил за бесценок, не пора ли ее поколотить как следует, чтобы вспомнила свое место. Не даст поесть — ну и ладно, он припрятал себе немного денег, пойдет сегодня вечером в таверну и возьмет жареных сосисок с луком, с тушеной капустой и, пожалуй, выпьет один-другой стаканчик вина.

При мысли о еде пустой желудок утробно заурчал, и рот требовательно заполнился слюной — Луций невольно посмотрел на свой товар: ягоды были спелые и жирные до черноты, но уже немного мутноватые, словно тоже вспотели, и от них шел сладкий винный душок. Он начал есть, старательно выбирая те ягоды, что потрескались или совсем слежались.

Насытившись, Луций еще раз внимательно оглядел площадь в поисках покупателей, но тщетно. Подумал, что Помпеи все-таки очень красивый город, не такой грязный и тесный как Рим, не такой беспорядочный и шумный, как египетская Александрия, а величественные здания Форума вполне могут поспорить с площадью самой столицы.

В молодости Луций был известным художником, богачи часто приглашали его расписывать свои жилища, и теперь ему было приятно проходить мимо домов и роскошных вилл и помнить, что здесь на стенах есть фрески, подписанные *Luciuspinxit* («изобразил Луций»). Он рисовал на густом красном фоне счастливых богов, похожих на людей, и статных людей, похожих на богов; еще ему часто заказывали изображать разные непристойности, притом, иногда с натуры — вот этого рисовать он не любил, но что поделаешь, люди есть люди, и за их счет он кормился. Тогда Луций хорошо зарабатывал, очень хорошо, но все загубила ночная пьяная драка в таверне: ему сломали правую руку, а затем местный врач так неудачно лечил ее, что срослась она плохо, пальцы подвернулись и встали крючками. Луций ездил в Рим, показывал руку самым лучшим дорогим врачам, приносил щедрые пожертвования в храм Асклепию, но все напрасно. Он пробовал писать левой: выходило плохо, совсем не то, клиенты были недовольны, и с заработком пришлось проститься. Заливая свою потерю вином, Луций очень быстро промотал все свои сбережения, наделал долгов, был неоднократно избит кредиторами и, чтобы как-то выжить, нанялся работать подмастерьем у красильщика. Там он травился ядовитыми испарениями краски и прожигал свои руки язвами и несмываемыми пятнами. Однажды хозяин привел на его место в мастерскую другого работника, моложе и ловчее, и Луций потерял работу. Теперь свою старость он встречал, едва зарабатывая на еду случайными приработками.

Старик разморено задремал, а когда открыл тяжелые заспанные веки, то с тревогой обнаружил на солнечных часах, сооруженных прямо перед храмом, что тень уже перевалила на послеобеденное время. Он закричал, натужно встал, покачиваясь, вскинул лоток на плечо и пошел по площади. Людей на Форуме стало уже гораздо больше, и он привычно затянул:

— Черешня, черешня! Сладкие ягоды, кому черешни?

Вдруг молодой человек, проходивший мимо старика, издал восклицание и остановился рядом:

— Луций, это ведь ты! Как же ты постарел...

Продавец черешни удивленно посмотрел на юношу: высокий, темново-лосый, приятное свежее лицо с умными голубыми глазами, новый плащ на нем из тонкой, отлично прокрашенной ткани. Не знал он этого красавчика, но что-то такое знакомое крутилось в голове...

— Я — Марк, сын красильщика Сидония... Ты же работал у моего отца, помнишь меня?..

Луций, наконец, вспомнил тихого вежливого мальчика, второго сына хозяина, которого отправили в Рим учиться.

— А-а-а, так ты Марк... Конечно, помню... Ты уже вернулся?..

— Вернулся и работаю библиотекарем у Корнелия Аквиллы. А ты как живешь?

— Ну что тебе сказать, Марк... Твой отец расстался со мной, когда я составил... Впрочем, я не виню его, я и сам поступил бы на его месте так же. Кому нужна в доме никуда негодная старость? Может, вот купишь у меня черешни?

— Нет, спасибо... Послушай, Луций, а давай зайдем куда-нибудь перекусить, я угощаю, а ты мне заодно расскажешь подробности о себе...

— Вот это славно! Вот это истинно щедро! — возликовал Луций и тут же высыпал прямо на землю свой товар. Поймав удивленный взгляд юноши, пояснил ему: — А что, все равно уже почти сгнили! Кому они нужны, пойдем скорее!..

Они зашагали вдвоем. Молодой человек приноравливал свою легкую походку к мелкому шарканью старика. Луций оживленно рассказывал:

— Сам понимаешь, мне работу найти трудно... Эх, вот ведь было время, когда от заказов хоть ногами отпихивайся... А сейчас что рисуют, ты видел? Какие-то дрянные пейзажи, непонятно что, полная чушь... И в моде черный фон — ха, ха, ха, да что там можно разглядеть, когда заходишь в такую темень в доме? А этот хваленый Менандр: видел я его работы, просто соскоблить хочется, такое дерьмо размазано на стене. А ты вот попробуй «Илиаду» изобразить или похищение сабинянок...

Но тут голодное обоняние Луция уловило сильный запах жареных бобов: как раз по пути находился термополий, уличная харчевня, где дешево можно было перекусить и выпить, вино здесь стоило гроши, потому что разбавлялось горячей водой. Термополий прилавком выходил на улицу, и клиенты могли, не заходя внутрь, потребовать себе еды. Очереди не было. Распаренная и краснощекая от стояния у горячих жаровень женщина устало и нелюбезно спросила Луция:

— Ну, чего хочешь?

— Давай мне бобов с салом, хлеба и соуса не жалея, — блестя глазами от предвкушения пищи, велел ей Луций.

Она взяла глиняную миску, деревянной ложкой плюхнула туда небольшую порцию, положила кусок грубого ячменного хлеба и, поставив перед Луцием глиняный соусник с гарупой, буркнула: — На, сам поливай!

Луций ухватил здоровой левой рукой соусник и начал щедро поливать бобы и хлеб рыбным соусом, которым славились Помпеи: гарупу любили и ели все — и богатые, и бедные.

— А что будет молодой господин? — более ласково осведомилась женщина, сразу безошибочно определив, кто будет платить. — Не желаешь ли копченой свинины? У нас есть и хорошее вино, цекубская лоза, по желанию можем и не разбавлять.

— Он будет, будет цекубскую лозу! — оживленно проговорил Луций. — Марк, дорогой мой мальчик, ты же не откажешься отметить со мной свое возвращение? Ну, хотя бы один глоточек...

— Хорошо, принесите нам немного вина и сыра, — согласился Марк.

Женщина быстро вернулась, неся в руках миску с овечьим сыром и глиняную амфору, демонстративно показала Марку на горлышке печать, затем смахнула с бочков амфоры пыль и надбила горлышко. Потекла темная как кровь струя, и Луций жадно следил глазами, как наполнялись два кубка.

— Наливай, наливай, да полнее! — воскликнул он, но женщина, вздохнув, лишь бросила на него презрительный взгляд. — А то в твоей бобовой каше сала я так и не нашел... Себе ты, видно, сала не жалеешь — вон, какое у тебя аппетитное седло!

— Да хватит тебе, Луций! — не выдержал Марк. — Пей уже...

Они выпили: Луций осушил кубок до дна, Марк едва пригубил.

— Да, Марк, — ностальгически протянул Луций. — Помню тебя сопливым мальчишкой, а теперь вон, подпираешь собой небо... В Риме, наверное, девушки тебе проходу не давали...

— Да нет, я же туда учиться поехал, — покраснел Марк. — И времени и денег всегда не хватало. А теперь у меня много работы.

— Эх, Марк, не глупи! Как говорится, лови день... Мне бы твою молодость и здоровье, уж я бы как мотылек летал от одной красотки к другой. Ах, какие искусницы жили в мое время в Риме!..

— Ну, мне так не нужно. Я уже встретил свою девушку здесь, в Помпеях, — глубоко вздохнул Марк.

— А что не так? — участливо взглянул на него Луций. — Уже просвата-на, недотрога, или из этих... верующих в воскрешение иудеев?

— Нет, нет... Но она очень несчастлива: у нее ужасный отец, он бьет ее и обращается хуже, чем с рабыней. Мы можем встречаться, только когда он отпускает ее на рынок за покупками. Кроме того, она из бедной семьи, и мой отец тоже ни за что не позволит мне жениться на ней...

— Да, не повезло тебе, бедняга... А может, и повезло: я знавал слишком много сварливых жен, которые до замужества были кроткими как голубки.

— Она не такая, — убежденно заверил Марк и вдруг, насторожившись, добавил: — Ты чувствуешь, вот опять земля задрожала!.. Видимо, действительно будет землетрясение.

— На моей памяти уже было землетрясение, сколько можно-то! С чего бы это богам гневаться на Помпеи? Славный город, славные люди!

— Да, но многие уже уехали. Мой господин тоже вчера уехал, и почти вся его семья. Мне же было приказано остаться и вывезти самые ценные книги из библиотеки... Послушай, Луций, мне уже пора, — резко засобирился Марк. — Нет, ты доедай, не торопись... Сколько ты просишь, женщина?..

— С тебя шесть ассов, а за него два...

— За что восемь ассов — за твои пригорелые бобы? — попробовал возмутиться Луций, но Марк бросил на прилавок бронзовую монету в десять ассов и сказал ему:

— Ну, будь здоров, если захочешь встретиться, то ты знаешь, где мой дом... — Затем повернулся и быстро пошел прочь с задумчивым видом.

— А мне два асса отдай, — потребовал Луций. — Бессовестная женщина!

— Ага, сейчас отдам! — фыркнула она. — Ты давай допивай свое вино и проваливай отсюда, пьяница... Много тут вас таких бродит...

— Чего?! — с пьяной обидчивостью заревел Луций. — Да ты хоть знаешь, кто я такой?! Ты хоть представляешь, что я за человек? Ты видишь эти руки? Вот этими самыми руками я расписывал виллу Виттелиев...

Женщина не обращала на него никакого внимания; вскоре подошли другие клиенты, и она занялась ими. А Луций, смакуя, допил вино и медленной нетвердой походкой отправился к себе домой.

Цепассия была еще молода и красива. Она родилась домашней рабыней в доме богатой вдовы, а когда подросла, ее обучили парикмахерскому искусству и доверили лично причесывать госпожу. Девушка долго украшала капризную глуповатую голову матроны белокурыми пирамидами париков, сплетенных из волос плененных варваров, быстро и ловко орудовала шпильками, накладками и диадемами. Все было хорошо, пока на молоденькую симпатичную рабыню не обратил внимание молодой любовник, посещавший стареющую госпожу и дорого бравший за свои услуги. Госпожа по доносу своих рабынь настигла их как раз в момент настойчивых притязаний, от которых несчастная Цепассия честно пыталась отбиваться. Разгневанная хозяйка простила ветреного любовника, но судьбу злополучной соперницы решила по-своему: вызвала управляющего и приказала ему продать Цепассию за гроши самому мерзкому покупателю, который объявится на рынке. С точки зрения управляющего, им как раз оказался нетрезвый калека Луций, случайно проходивший в тот момент по рынку. Так Луций удачно приобрел всего за один асс рабыню и привел

молоденькую испуганную девушку жить к себе, в жалкий и грязный уголок на верхнем этаже инсулы. Но вскоре все изменилось: Цепассия быстро освоилась, поняла слабости нового хозяина и взяла над ним верх — начала отбирать деньги, чтобы он их не пропивал, браниться и манипулировать, беззастенчиво используя для этого еду и постель. Кроме того, они жили в инсуле бесплатно именно благодаря мастерству Цепассии: взамен она причесывала жену домовладельца и его дочерей, кроме них обзавелась еще местными постоянными клиентками и таким образом иногда зарабатывала денег больше, чем ее хозяин. Наконец с недавних пор Цепассия начала делать Луцию осторожные намеки, что хотела бы выкупить свою свободу, но он накричал на нее и велел заткнуться. Она стала еще угрюмей и неласковей, и Луций начал опасаться, не отравит ли его рабыня. Порой, принимая из ее рук тарелку с едой, он умильно заглядывал ей в лицо, просчитывая для себя вероятность угрозы.

Поднимаясь по крутой деревянной лестнице к себе под крышу, Цепассия в который раз пожалела себя и свою неудачливую судьбу: мало того, что правую руку оттягивала тяжелая корзина (женщина возвращалась с рынка), так на ступеньках ее едва не опрокинули бегущие с визгом соседские дети. Она всей душой ненавидела инсулу и всех ее обитателей: если на первых этажах селились обычно приличные люди, которые неплохо одевались и регулярно ходили в термы, то, чем ближе становилась крыша, тем ужасней были условия жизни и грязнее и несчастнее жильцы. Там были уже не квартиры, а скорее щели, откуда день и ночь неслись раздражающие Цепассию звуки: истошно вопили голодные младенцы, ругались, дрались и предавались любовным утехам супруги, сыпали проклятиями мужчины, стонали и плакали женщины.

Добравшись до своей комнатки, Цепассия с облегчением перевела дух, поставила корзину на стол и начала доставать продукты. Так как жаровни у нее не было (а даже если бы и была — хозяин не позволил бы ее держать из-за боязни пожара), покупать приходилось только то, что можно есть в готовом виде, а если хотелось горячей пищи, она приносила ее из ближайшей таверны.

Из корзины Цепассия достала кольцо колбасы, огурцы, яблоки, белый хлеб и кусочек свежего умбрийского сыра. В углу комнаты послышалось шевеление и причмокивание — к столу на четвереньках подполз совершенно голый мальчик: это был сын Цепассии и Луция. Малышу уже исполнилось четыре года, но он еще не разговаривал и с трудом ходил, а поскольку родился болезненным и слабым, ему даже не давали пока имени, так и звали — Мальчик. Цепассия холодно взглянула на ребенка, который, цепляясь за ножку стола, поднялся по ней на ноги и ухватился грязными

ручками за столешницу. Она и сама не понимала, что вызывало у нее такую неприязнь к сыну: то ли нечеловеческие муки, которые она испытала при родах, то ли удивительная схожесть Мальчика с Луцием.

Мальчик не сводил круглых голодных глаз с еды и просительно ныл.

— Ну что ты воешь, как щенок? — раздраженно бросила Цепассия. — Говори: дай еды! Ну, повторяй за мной: дай еды!

Мальчик покраснел, требовательно закричал и заплакал. Она раздраженно сунула ему в ладошку яблоко — маленькие пальчики сразу ухватили плод и поднесли его ко рту, ребенок с трудом надкусил твердое яблоко и сразу замолчал. Вдруг яблоко выпало из рук, покатилося по полу, и ребенок снова зарыдал, еще громче прежнего.

— Как ты мне надоел... — вздохнула Цепассия. — И за что боги наказали меня твоим рождением?

В этот момент за дверью послышался шум, и на пороге, шатаясь, появился пьяный Луций. Придерживаясь за стену, он влез в комнату с недовольным возгласом:

— Женщина! Почему плачет мой сын?

— Потому что он всегда плачет! — огрызнулась Цепассия и пнула ногой дверь, которую Луций забывал за собой закрыть. — Опять напился, что ли?! Ты принес мне деньги или как в прошлый раз все оставил в таверне?

— Я принес... — довольно ухмыльнулся Луций. — Я принес моему Мальчику лакомство... — И он достал из-за пазухи большой пшеничный крендель, присыпанный мукой. — Иди ко мне и ешь, мой Мальчик!..

Ребенок оживился и торопливо заковылял к отцу. Луций с отеческой улыбкой сунул ему в рот крендель и погладил по курчавой голове.

— Ты видишь, у меня он не плачет?!

— Конечно, ведь ты его балуешь! А он сегодня разбил целый кувшин молока — за что мне ...

— Замолчи, женщина! Он мой сын и будет делать что пожелает. Ну, иди...

Мальчик послушно отправился в свой угол, а Луций улегся на некое подобие деревянной кровати, явно намереваясь спать.

— Я была на рынке! — громко прокричала Цепассия, нависая над ним. — Там все только и говорят, что скоро будет землетрясение. Все умные уже разъехались, кто куда. А ты ждешь, чтобы нас всех тут задавило?

Луций закрылся одной рукой, а второй махнул на нее, словно отгоняя мух:

— Какое землетрясение, все бабы слухи! Да мне и ехать некуда... дай лучше водички попить...

Она выпрямилась, в глазах ее горела ненависть. Затем потрясла головой, отошла к столу, отрезала себе ломоть сыра и начала есть. Луций, стоная, немного поворочался на ложе и, по-видимому, уснул.

Цепассия меланхолично жевала и о чем-то думала. Закончив есть, вернула в платок самое ценное, что у нее было: несколько монет, дешевенький серебряный браслет, маленький диск-зеркало и щипцы для завивки, погасила масляную лампу и легла, свернувшись по-собачьи в ногах Луция.

Потекло время. Она не спала, ждала. Едва только сменилась шестичасовая стража, Цепассия поднялась, обула свои новые сандалии, накинула на плечи и голову голубое покрывало из тонкой шерсти (эти запряганные обновки Луций никогда не видел). Закончив приготовления, подошла к ребенку и немного постояла над ним, как бы раздумывая. Затем наклонилась и осторожно потрясла за плечо. Разбуженный малыш сразу захныкал. Мать досадливо цыкнула на него, помогла подняться и надела на сонное, обмякшее тельце короткую тунику, едва прикрывавшую поясницу. Решительно взяв свой узелок, Цепассия оглянулась на спящего хозяина — тот по-прежнему монотонно храпел и клочкотал слюной в горле — и кошачьей неслышной походкой вышла, увлекая за собой покорно клевавшего носом Мальчика.

Дверь за ними закрылась. Луций продолжал спать.

Небо уже начинало бледнеть и казаться выше, но звезды еще сияли яркими белесыми точками. Марк нервно расхаживал у запряженных мулами повозок, пока рабы грузили последние связки книг. Наконец вынесли в ящике и древний бронзовый бюст Аполлона, украшавший библиотеку. Все было готово к отъезду. В таявших сумерках Марк с облегчением разглядел силуэт подходившей женщины, которая вела за руку ребенка.

— Наконец-то! — вырвалось у него. — Я уже начал опасаться, что ты передумала и не придешь. Отец что-нибудь подозревает?

— Нет, он спит, и будет, как обычно, спать до полудня. Я взяла с собой брата, не хочу, чтобы он мучил его и дальше. Видишь, мальчик едва стоит на ногах и не говорит, а все отцовские побои.

— Ладно, садитесь скорее в эту повозку, пока вас не заметили.

Марк подсадил в крытый возок ребенка, затем помог подняться женщине.

— Отлично, сидите тихонечко. Мы уже собрались и отправляемся в путь, — подмигнул он ей и ушел.

Цепассия с бьющимся сердцем расслабленно передохнула и огляделась. Внутри повозки пахло кожей и папирусом. На полу и даже на сиденье напротив лежали груды свитков, кожаных футляров и табличек. Мальчик сразу же начал копаться в этой гряде и вытащил какой-то свиток.

— Отдай сейчас же! — раздражено выхватила у него из рук игрушку Цепассия. — Сиди тихо как мышь, а не то ударю тебя!..

Мальчик обиженно засопел, вздохнул и привалился головой к ее груди.. В этот момент в повозку сел Марк, и экипаж тронулся.

— Ну что, надеюсь, боги пошлют нам благополучное путешествие,— оптимистично произнес он.

— Я тебе так признательна, Марк, ты — настоящий герой и наш спаситель! Пусть боги отблагодарят тебя за твою смелость и доброту.

— Ты же знаешь о моих чувствах к тебе. Я не могу больше видеть твоих слез и страданий, а тем более, не могу же я оставить тебя в опасности, когда сама природа грозит человеку. Ах, я же раздобыл самое главное! Знакомый юрист едва не разорил меня за этот клочок бумаги...

Марк с довольным видом достал из-за пазухи документ, развернул его и тихо зачитал:

— «Я, Гай Валерий Лонгин, вышедший в отставку с почетом ветеран преторианского флота в Мизене, составил это завещание. Я приказываю, чтобы Клеопатра, моя рабыня, двадцати с лишним лет, была отпущена на волю. Пусть мой раб Кастор, сын Клеопатры, будет отпущен на волю. Им я отдаю и завещаю: пять архаров пахотной земли, находящейся рядом с деревней Каранис...» Держи, эта бумага пригодится, если вдруг кто-нибудь любопытный заинтересуется, кто ты и откуда родом. Но это вряд ли, Рим такой большой, и там никому ни до кого нет дела. Кроме того, я поселю вас у одной моей хорошей знакомой, старой достойной вдовы, и там вы будете в безопасности.

— Милый, милый Марк! Ты такой хороший и умный, ты все знаешь... Может, тебе известно и то, почему возникают землетрясения?

— Древние вавилоняне уверяли, что землетрясения и трещины в земле, как и все остальные явления, вызываются силой звезд, а именно трех из планет, Юпитера, Сатурна и Марса, — польщено улыбнулся Марк. — Они же, возможно, вызывают и молнии... Впрочем, все мои знания о природе и человеке я почепнул из этой удивительной книги... — Он достал из кожаного футляра свиток и любовно его погладил: — Она называется «Естественная история», а написал ее ученейший человек, сенатор Плиний... Я как-то имел честь беседовать с ним, и это были прекраснейшие моменты в моей жизни! Хочешь, я прочитаю тебе подробнее о землетрясениях — если, конечно, тебе это интересно...

— Еще как! Конечно, читай же скорее!..

Марк нашел в рукописи нужное место и начал читать:

— «Землетрясения могут быть различными, последствия же их необычайными: в одних местах стены падают, в других раскалываются глубокими трещинами, в третьих извергаются глыбы, в четвертых выбрасываются потоки воды, иногда даже огня, либо образуются источники кипятка. При чем толчку предшествует или его сопровождает ужасный звук, иногда похожий на жужжание, иногда на мычание или на человеческие вопли. Все это зависит от характера выбрасываемой материи, от формы полостей или ходов, через которые звук прорывается...»

Он увлеченно продолжал читать, и под звуки его голоса Мальчик крепко заснул, к тому же и повозку при движении раскачивало как колыбель. Цепассия блаженно улыбалась. В ее глазах нежилась мечта.

Луций безмятежно проспал начало землетрясения.

Везувий с оглушительным мощным грохотом треснул на вершине. Огромное облако над горой взмыло под самые небеса, и в нем сверкали острые языки пламени и сквозили молнии. Люди высыпали на улицы, с ужасом глядя на это страшное явление и показывая на него пальцами. Самые догадливые спешно покидали город, другие метались в растерянности.

Крики и стенания разбудили Луция. Он открыл тяжелые веки и удивленно прислушался: чего это они все так кричат? Пошевелился, принялся — воздух был таким едким и противным, что его аж замутило. Это окончательно заставило Луция проснуться и сесть на ложе. Неужели землетрясение все-таки случилось, пока он спал?.. И где все остальные?..

Цепассии и Мальчика не было. Он догадался, что они, наверное, испугались и выбежали на улицу.

Луций напился воды из кувшина, дрожащими руками сполоснул лицо и тоже начал выбираться на улицу. Там творилось столпотворение: люди бежали, тащили на себе вещи, тянули животных. Человеческий поток подхватил старика и потянул за собой в сторону от дома. Его больно били локтями, пинали, наступали на ноги, вдавливали в стену. Сначала он пытался сопротивляться и даже пару раз прокричал в испуганные мелькавшие лица: «Вы не видели мою рабыню? Женщину с ребенком?..»

Какая женщина?.. Какой ребенок?.. Все торопились спастись, и множество женщин и детей было в толпе. Каждый был равнодушен к другому, и каждый в смертном страхе спешил поскорее убраться из города.

Наконец теснимого Луция втокнуло в распахнутые двери какого-то дома. Старик на четвереньках быстро пополз внутрь, надеясь отдышаться. Возле бассейна с фонтаном он упал и немного полежал, приходя в себя. Тело ломало от ушибов и ссадин, на спине как осиный укус ныл след от удара хлыстом.

Журчание струи побудило его приподняться, он зачерпнул ладонью воды из фонтана и попробовал умыть грязное лицо, но тут же сплюнул — она буквально смердела. Это его окончательно расстроило и убедило в том, что конец города близок. Луций огляделся и начал узнавать дом, в который попал. Эта сложнейшая цветная мозаика на полу — морские гады и рыбы, этот стройный ряд колонн дорогого оттенка мрамора — этот дом был ему знаком. Много лет назад, когда он строился для патриция Гая Корнелия Аквиллы, Луций расписывал стены в одной из комнат. Кажется, она предназначалась для библиотеки. С тех самых пор он ни разу здесь не

бывал, а теперь оказался единственным гостем, так как все домочадцы, очевидно, разбежались.

Он встал и отправился искать свое творение. Прошел большой и малый внутренние дворы, побродил по коридору и, наконец, попал туда, куда и хотел попасть.

Это была она, созданная им панорама Парнаса. Она была прекрасна, величественна, совершенно не утратила яркости красок: хорошо, хорошо сохранил фреску слой воска, и гляцевый слой алебаstra нигде не осыпался.

Луций подошел поближе. Игравший на кифаре на переднем плане слащавый длинноволосый Аполлон не слишком его заинтересовал: Луций вспомнил, что писал его с молодого любимца хозяина дома. Старательно тогда передал и выражение нагловатого превосходства своего натурщика, и гладкость его мускулистого торса, явно обласканного восхищенной рукой. А вот музы, все девять изображений, были знакомы Луцию близко. Ему забавным представлялось рисовать своих любовниц, преображая их своей кистью. Некоторые из них вообще были обительницами местного лупанария, но ему нравилось придавать им достоинство полубогинь. В жизни их глаза были хитрыми, глуповатыми или бесцветными, а здесь горели вдохновением и властью. В жизни их руки покорно и бездушно ублажали его, а здесь величественно сжимали книги, музыкальные инструменты и глобус. Он преображал их силой своего таланта. Он был возделывателем природы, творцом и властителем, когда запечатлевал свои образы и видения.

А еще он был талантлив. Луций смотрел, смотрел и смотрел, жадно впитывая ту силу собственного таланта, которую почти физически ощущал, приложив ладонь к стене. Как молод и счастлив он был, когда клал эти мазки, когда под его рукой из беспорядочного хаоса красок рождалась гармония линий и цвета! И это ведь не самое лучшее его произведение, просто славно выполненный заказ. И никто и ничто, даже смерть, не сможет отнять у него того факта, что это он — автор пронзительной «Покинутой Ариадны» или великого «Поединок Ахилла с Гектором»...

Луций еще успел удивиться, что как-то неожиданно все вокруг потемнело, когда смертоносная черная волна накрыла дом и мгновенно убила его. Раскаленный поток-убийца догонял всех убежавших из города и запекал, образуя пустоты. Густое удушливое покрывало пепла и пемзы похоронило Помпеи...

Через тысячу девятьсот лет Луций воскрес под руками реставратора. Скорченный гипсовый слепок человека вызывал на выставке у посетителей странное чувство: им казалось, что размытые контуры невнятного лица искажает не гримаса ужаса, а довольная улыбка.

Но это действительно было так. □

Виктор Кашкин

***

На зеленые свечи
Кипарисовых роц
Сбросил розовый вечер
Южно-русскую ночь.
Август.

Падая, звездам
Пахнуть морем легко.
А тонуть им непросто —
Глубоко, глубоко...

***

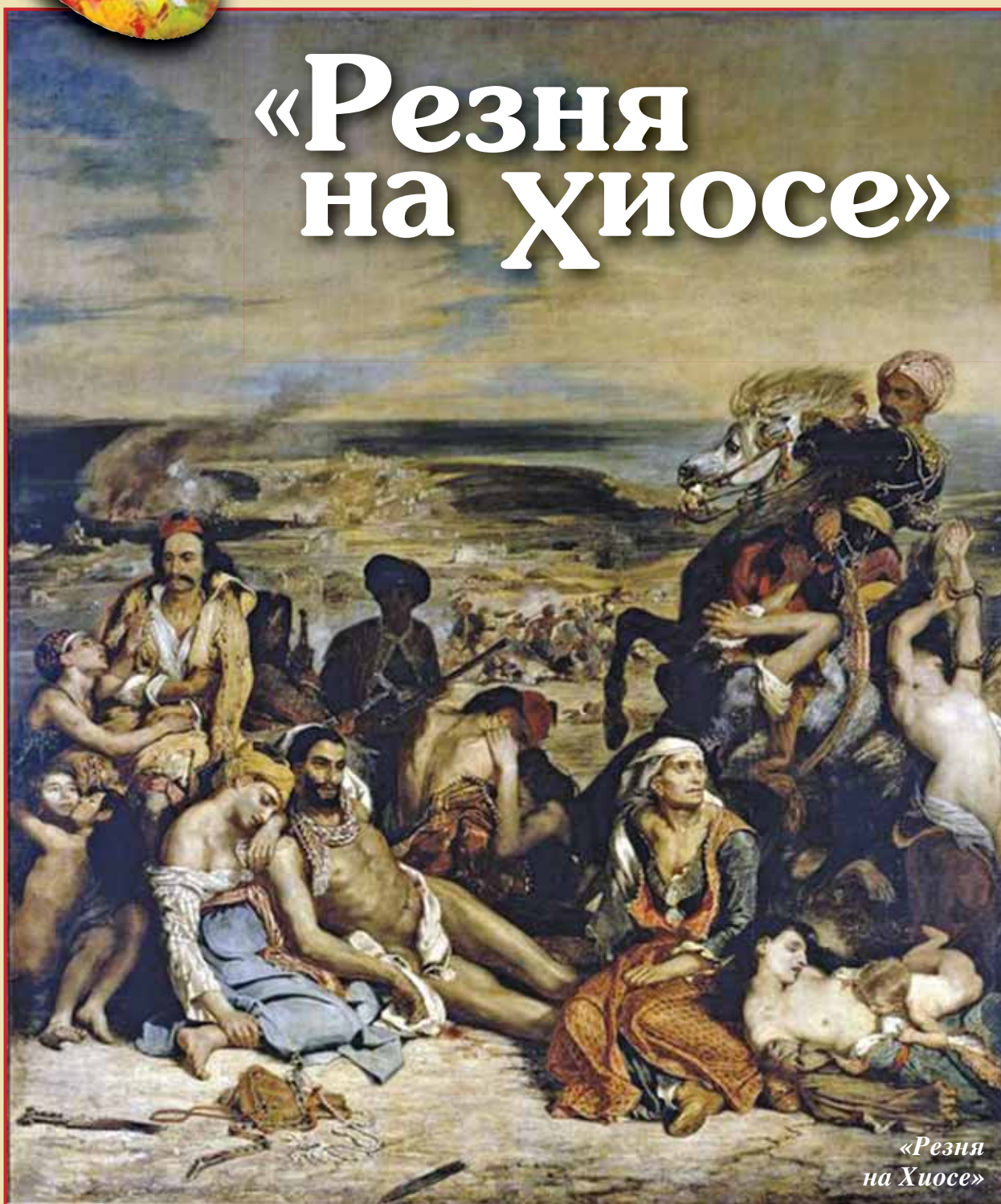
Застряли звезды юга
В пиле кавказских гор.
Как друга ждет подруга,
Поет сибирский хор.
Транзисторным приемником
Играю с миром в прятки.
Когда бы стал паломником,
Дошел бы до Камчатки.
Там Мекка географии,
Там не было Иуды,
Там кредо биографии,
Когда не до простуды,
Когда болели кубриком
И «крабом» на фуражке,
И доверяли рубрикам
Родной многотиражки.
Не пляжами Афона,
Тропой к монастырю,

Ирина Опимах

Делакруа

«Резня на Хиосе»

«Резня
на Хиосе»

В истории почти каждого народа есть страницы столь трагичные, что они навсегда остаются в людской памяти — о них сочиняют стихи, слагают легенды, пишут картины. К примеру, испанцы никогда не забудут Гернику — маленький городок, уничтоженный фашистскими бомбами в 1937 году, а белорусы — деревню Хатынь, все жители которой были сожжены заживо или расстреляны немцами в 1943-м. Есть такая страшная страница и в истории Греции — это резня на острове Хиос, устроенная турками в 1822 году.

Турки пришли на земли Греции в середине XV века. С тех пор греческое сопротивление захватчикам не ослабевало ни на минуту. Греки, независимые, свято хранившие память о своем великом прошлом, не хотели жить по законам Османской империи, не желали подчиняться традициям ислама. В начале XIX века ситуация накалилась как никогда. По всей стране вспыхнули восстания, которые турки подавляли жестоко, безжалостно. Их не останавливало ничто — ни пол, ни возраст жертв. Ятаганский меч рубил всех без разбора, кровь лилась рекой...

В Европе с волнением следили за борьбой греческого народа за свободу. Во всех газетах можно было найти взволнованные репортажи или комментарии, отклики политических деятелей или представителей богемы. Несмотря на то, что конгресс держав Священного союза, состоявшийся в 1822 году, заявил в специальном меморандуме, в ко-

тором было указано, что «хотя участь этой христианской нации и желательно улучшить, но восстание против законной власти султана заслуживает решительного осуждения», греков поддерживали всюду — причем им помогали не только словом, но и делом. В ход шли обращения к османским властям, пожертвования, всяческая благотворительность, концерты и выставки. Горячо сочувствовали грекам и в России. Пушкин писал в своем стихотворении «Восстань, о, Греция!»

*Восстань, о, Греция, восстань!
Недаром напрягаешь силы.
Недаром потрясает брань
Олимп, и Пинд, и Фермопилы,
Под сенью ветхой их вершин
Свобода древняя возникла,
Святые мраморы Афин,
Гроба Тезея и Перикла.
Страна героев и богов,
Расторгни рабские вериги,
При пеньи пламенных стихов
Тиртея, Байрона и Риги!*

А его друг Вильгельм Кюхельбекер взывал:

*Друзья! Нас ждут сыны Эллады!
Кто даст нам крылья? Полетим!
Сокройтесь горы, реки, грады, —
Они нас ждут — скорее к ним!*

В 1821 году в Германии были организованы специальные комитеты, члены которых собирали деньги для греческих повстанцев. Позже такие комитеты появились и в Англии. Они так и назывались — филэллинские,

*Греция
на руинах
Миссолунги*

то есть любящие Элладу, Грецию. А потом в Грецию устремились добровольцы. (Пожалуй, самым известным борцом за права греков стал лорд Байрон. Купив на соб-

ственные деньги корабль и оружие, собрав отряд в полтысячи солдат, он 14 июля 1823 года отплыл в Грецию. Там он и встретил свою смерть. Ему было всего 36 лет!) А между

*Эжен Делакруа.
Автопортрет*

тем каждый день в европейских газетах появлялись новые сообщения о злодеяниях османцев. Особенно публику потрясло известие о страшной резне, устроенной турками в марте 1822 года на острове Хиос.

30 марта к берегам Хиоса подошли турецкие корабли. Их вел паша Кара-Али. Его задачей было покарать жителей острова за их поддержку повстанцев. Историки пишут, что большая часть хиосцев старалась не лезть в драку и изо всех сил демонстрировала лояльность по отноше-

нию к турецким властям. Но на Хиосе жили весьма состоятельные люди, к тому же они были греками, а еще у них было мало оружия — эти три обстоятельства давали туркам возможность делать на острове все, что им заблагорассудится. Сначала они бомбили город Хиос с кораблей, а затем высадились на берег. Еще на что-то надеявшиеся хиосцы добровольно отдали туркам несколько заложников, но это не помогло. Янычары Кара-Али начали свою страшную работу. Они убивали — методично,

*Сирота
на кладбище*

Справа:
*Смерть
Сарданопала*

без устали, наверное, получая удовольствие, — ведь с каждым ударом меча неверных на земле становится меньше. За сутки они лишили жизни около 10 тысяч человек — всех детей до 3 лет, всех лиц мужского пола старше 12 лет и женщин — старше 40 лет. Спаслись немногие молодые мужчины, изъявившие готовность принять ислам, но, к чести хиосцев, таких оказалось немного. Разграбив город Хиос, столицу острова, турки двинулись в деревни. Кто-то из крестьян успел скрыться в горах и лесах.

И тогда глава турецкого гарнизона объявил амнистию — он освободил часть заложников, чтобы они разнесли радостную весть всем сбежавшим. Те поверили — и вскоре были убиты, как и все заложники: и ранее освобожденные, и оставшиеся в тюрьмах.

До этих страшных событий на Хиосе жило около 120 тысяч человек, из них 23 тысячи были убиты, около 45 тысяч были проданы в рабство. 20 тысяч сумели сбежать, около 15 тысяч умерли от болезней и ран. В конце весны 1922 года на

острове осталось в живых не больше 2 тысяч жителей.

Как и все парижане, молодой художник Эжен Делакруа, заходя в любимое кафе, разворачивал свежие газеты, ища новости из Греции. Постепенно в нем зрел замысел — написать большую картину, посвященную трагической борьбе греков за свободу. Еще в 1822 году он написал две небольшие акварели — «Грек в засаде» и «Эпизод греко-турецкой войны». Как-то, увидев на улице смуглую девочку с большими печальными глазами, он тут же вообразил, что это сирота, у которой турки убили родителей. Эжен уго-

ворил ее пойти к нему в мастерскую и написал трогательную «Сироту на кладбище». Но это все были маленькие картины, а ему хотелось создать что-то грандиозное, которое потрясет публику, возбудит в душах добрые чувства, а еще покажет, что он, Эжен Делакруа, настоящий, большой художник. Он чувствовал в себе силы на создание такого полотна, дело было за сюжетом. И вот однажды, прочитав в газетах про страшную трагедию острова Хиос, он записал в своем дневнике: «Я решил написать для Салона сцену резни на острове Хиос». Это было в конце мая 1823 года.

Делакруа долго искал композицию — он думал о ней, и когда работал в мастерской, и когда в манеже рисовал лошадей, и когда играл в бильярд или встречался с друзьями, ходил в театр. Но в мастерской стоял огромный холст, и нужно было, наконец, начинать. И Делакруа начал — 12 января, в понедельник. Он зафиксировал эту дату в дневнике: «Итак, сегодня». Утром того дня он завтракал с неким мсье Вутье, только что вернувшимся в Париж из Греции. «Это красивый человек, у него наружность грека... — писал Делакруа в дневнике. — Он сотни раз, все с новым восхищением, наблюдал, как греческий солдат, опрокинув врага и подмяв его под ноги, восклицает в энтузиазме: «Тито Элевтерия!» Поведал Вутье ему и о том, как видел страшную сцену: на земле лежала мертвая молодая женщина, по которой ползал младенец, ища грудь матери. «Вернулся в свою мастерскую, полный воодушевления, и ... я тут же набросал несколько групп для моей картины...» На следующий день на холсте появилась голова умирающего мужчины. В пятницу и в субботу — женщина на первом плане. А за следующую неделю Эжен написал голову и грудь убитой женщины и ее ребенка, ползающего по ее телу в поисках уже мертвого, не способного дать ни капли молока, соска.

Шел апрель, а картина была еще не закончена. «Идет уже четвертый месяц с начала года. Не проспал ли я все это время?.. Какой удар молнии!

Я все еще не кончил картину. Я спотыкаюсь на каждом шагу. Сегодня переделывал фон... С раннего утра в мастерской; с жаром работал над женщиной в углу картины», — записал Делакруа в своем дневнике.

Эжен хотел представить свое новое творение на Салоне, а он открывался в середине июля. Многие художники уже развешивали свои картины в Лувре, а Делакруа все никак не мог завершить работу. «В моей картине появляется напряженность, энергичное движение, которое надо непременно еще усилить. Необходимо ввести еще этот хороший черный цвет, эту счастливую грязь... Мулат будет очень на месте. Надо заполнить холст теснее. Если это и менее естественно, то более богато и красиво. Только бы все это держалось крепко! О, улыбка умирающего! Последний взгляд матери! Объятия отчаяния, драгоценное достояние живописи! Безмолвная мощь, говорящая сначала только глазу и постепенно захватывающая и овладевающая всеми способностями души!..»

Наконец в середине июня картина была представлена жюри Салона. Один из членов высокого собрания, мсье Герен, заметил: «Этот молодой человек бежит по горячим крышам», другой, мсье Жироде, выразил свое недовольство полотном такими словами: «Это все очень трогательно, здесь много чувства. Но почему, когда я приближаюсь, я не могу ничего разобрать? Почему он не заканчивает свою живопись, столь экспрессивную?» А третий,

Медea

мсье Гро, просто назвал «Резню в Хиосе» «резней живописи».

Но, несмотря на сложное отношение жюри к творению молодого художника, картина все-таки была принята. Делакруа получил пропуск в Лувр и повесил «Резню на Хиосе» в обозначенном месте.

До открытия Салона оставалось совсем недолго, всего пару недель. Но тут случилось нечто, что, возможно, изменило путь развития европейской живописи, и уж, несомненно, творческий путь самого Эжена Делакруа. В одном из залов он увидел полотна английского художника

Фанатики Танжера

Джона Констебля. На его пейзажах трава имела настоящий, зеленый цвет, и небо было тоже настоящим, разным — то серым, то коричневым, а то голубым. Все было, как в жизни, все наполнено светом... Делакруа был настолько впечатлен, что решился на невероятный, беспрецедентный поступок — он почти полностью переписал свою картину! «Подумать только, — говорил позже Эжен, — «Хиосская резня», вместо того что она есть, едва не осталась серой и тусклой картиной. О, я — таки поработал эти

пятнадцать дней, вводя самые яркие краски...»

И вот, наконец, Салон открылся для посетителей. И они увидели «Резню на Хиосе», увидели в облаке дыма на заднем плане турецкий корабль, обстреливающий остров, умирающую мать и ребенка, ползающего по ее телу, тех самых, о которых Эжену рассказывал Вутье, увидели янычара на коне. Среди публики, заполнившей залы, фланировали журналисты, уже придумывавшие хлесткие фразы для своих статей. Был тут и сам Стендаль, признанный знаток и

Свобода, ведущая народ (Свобода на баррикадах)

ценитель высокого искусства. «Резня на Хиосе» ему решительно не понравилась. «Сколько бы я ни старался, я не в состоянии любоваться Делакруа и его «Хиосской резней». Мне все время кажется, что картина должна была первоначально изображать чуму, но затем художник, начитавшись газетных сообщений, сделал из нее хиосскую резню...» Один из критиков выразился еще жестче, сказав, что картина написана «пьяной метлой». «...Делакруа недостает скорее доброй воли, чем таланта, он считает прогрессом только те

нелепости дурного тона, которые делает», — писал репортер «Наблюдателя». А в другом почтенном издании написали так: «Художник морга, чумы и холеры». Правда, критик из «Журналь де Деба» все-таки заметил в живописи Делакруа нечто шекспировское.

Однако картина явно вызвала интерес, и это уже был некий успех, ведь столько полотен оставляли зрителей совершенно равнодушными, и спустя пару минут после встречи с такими «шедеврами» о них уже никто не помнил. А вот о Делакруа и его

«Резне на Хиосе» говорили! И чуткий Стендаль это тоже отметил: «Публике до того наскучили академический стиль и копии статуй, на которые была такая мода десять лет тому назад, что она останавливается перед наполовину написанными посинелыми трупами, которые предлагает нашему вниманию картина г-на Делакруа... У Делакруа всегда будет то огромное преимущество перед авторами картин, которыми увешаны стены главных залов, что, по крайней мере, публику его произведение очень занимает. А это поважней, чем читать себе похвалы в трех-четырех газетах, которые придерживаются старых понятий и искажают новые, не будучи в силах их опровергнуть».

Ну что ж, Эжен был вполне удовлетворен и даже отправил Стендалю благодарственное письмо.

Так или иначе, пафос картины совпал с настроениями во французском обществе. В декабре того же года в Париже было объявлено о создании Филэллинского общества, и один из его основателей и активных деятелей выдающийся французский писатель и дипломат Франсуа-Рене Шатобриан не скрывал своего восхищения картиной Делакруа. Возможно, она повлияла на его настроения, ведь совсем недавно он расценивал действия османских властей как вполне оправданные. Сочло картину достойной и правительство страны — Франция приобрела для коллекции Лувра «Резню на Хиосе» за 6000 франков,

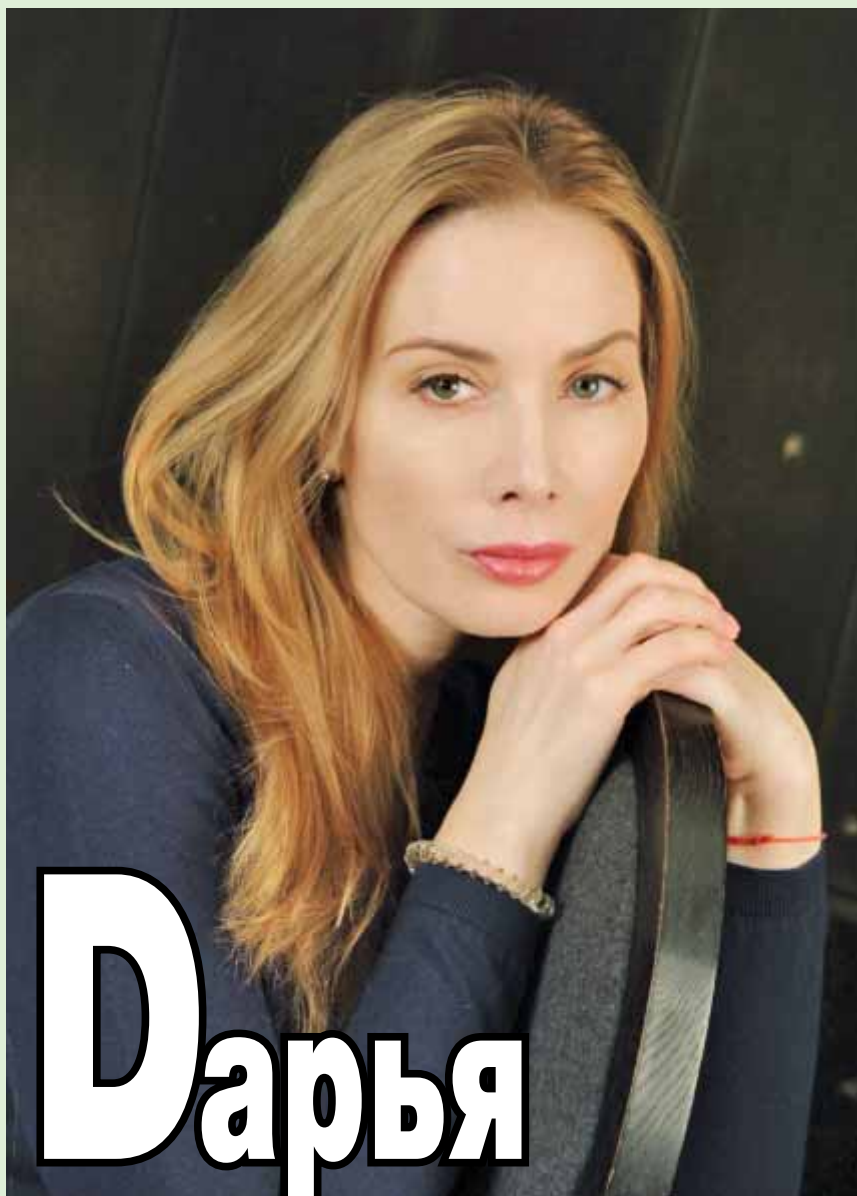
совсем немалую по тем временам сумму.

Делакруа было всего 26 лет. Впереди у него была долгая жизнь в искусстве, были великие полотна, и среди них знаменитая «Свобода на баррикадах», было обидное неприятие его живописи и искренние восторги почитателей и последователей. Была дружба с лучшими людьми того времени — со Стендалем, Жорж Санд, Шопеном, Бодлером, Мериме.

А к концу жизни в его душу пришло умиротворение и покой, и вместо кровавых сцен и ярких, наполненных страстями сюжетов на его картинах появились цветы и мирные животные. С большим удовольствием писал он и портреты дорогих его сердцу друзей.

Великий романтик Эжен Делакруа умер 13 августа 1863 года. Похоронили его на парижском кладбище Пер-Лашез. Через четыре месяца Шарль Бодлер написал настоящий гимн во славу великого художника. Он так и назывался — «Творчество и жизнь Делакруа». Великий поэт великому художнику...

А «Резня на Хиосе» по-прежнему украшает коллекцию Лувра. И по-прежнему призывает людей к милосердию. Прошло почти две сотни лет с ее создания, но эта картина нисколько не утратила своей актуальности. И сегодня мы каждый день узнаем о новых и новых злодеяниях, совершаемых людьми против себе подобных. Добра в мире, к сожалению, больше не становится... □

Дарья

Юрская!

«Современные истории про Золушку мне не подходят»

Дарья Юрская — заслуженная артистка РФ, актриса театра и кино, дочь известной актерской пары Сергея Юрского и Натальи Теняковой. Дарья окончила Школу-студию МХТ (курс Олега Табакова) и была принята в труппу Художественного театра, а с 2000-го года сотрудничает и с театром «Школа современной пьесы». В кино Дарья впервые снялась в возрасте 14 лет в фильме «Этот фантастический мир. Бездна». За ним последовали «Отель «Президент», «Женщины на грани», «Дневник доктора Зайцевой», «Закон и порядок», «Барвиха» и другие. А в своем любимом театре занята в спектаклях «Каренин», «Новый американец», «Обрыв», «Последняя жертва», «Ретро», «Пролетный гусь».

— Дарья, летом на Малой сцене Художественного театра состоялся ваш творческий вечер, где вы представили московской публике программу «От первого лица» в рамках цикла «Действующие лица».

В вашем исполнении прозвучали произведения Дмитрия Быкова, Дины Рубиной, Михаила Зощенко, Сергея Юрского, Татьяны Толстой. Расскажите, пожалуйста, об этом.

— Для меня это новое в моем актерском ощущении, потому что быть на сцене одной мне еще пока не приходилось, это огромная ответственность и стресс, и, признаюсь, что очень сильно волновалась перед выходом к зрителю, знаете, это как идти по канату без страховки. В пьесе актер получает роль, а здесь у меня была абсолютная свобода выбора, ведь я читаю произведения тех авторов, кто мне сегодня близок и нужен, и еще хочу добавить, что это очень хорошая литература. Читая прекрасную литературу, наслаждаешься каждой фразой, каждой строкой и получаешь истинное удовольствие.

Для меня очень важна эта программа, я двинулась вперед, и хотелось бы, чтобы в будущем последовало продолжение.

— Перед чтением каждого произведения Вы объясняете публике свой литературный выбор ...

— Посчитала, что так будет правильно. Все произведения, при своей

кажущейся легкости, достаточно сложны на слух, и, чтобы погрузить зрителя целиком и полностью, я как бы подвожу его, сразу же возникает общение, контакт с публикой. Во время спектакля, находясь на сцене, я не вижу людей, сидящих в зале, а здесь они все передо мной. Сразу видна реакция публики, в глазах зрителей все написано: да — нет, смешно, грустно...

— Что планируете сыграть в ближайшем будущем в кино?

— Очень хочется сняться в фильме про жен «изменников» Родины, про заключенных женщин лагеря А.Л.Ж.И.Р. Это аббревиатура Акмолинского 17 специального лагерного отделения, одного из трех «островов» «Архипелага ГУЛАГ». Заключенные туда женщины были репрессированы в соответствии с приказом НКВД СССР.

— Среди узниц была сестра маршала Тухачевского, мать балерины Майи Плисецкой — актриса Рахиль Мессерер-Плисецкая с грудным ребенком...

— Первые этапы пошли в лагерь в январе 1938 года. В самые сильные морозы. А.Л.Ж.И.Р. — это тридцать гектаров земли, обнесенные колючей проволокой. Заключенные строили саманные бараки для новых узниц и работали в поле. Во время Великой Отечественной войны там находилось более восьми тысяч женщин.

Меня предупредили, что не будет никакого макияжа, будешь сниматься в телогрейке, и все съемки пройдут в тяжелых условиях. Надеюсь, что меня утвердят на эту роль, она мне интересна и как актрисе, и как гражданину.

Один режиссер мне когда-то сказал: ваша беда в том, что вы не похожи на милиционера и на жену милиционера тоже. Ну, что тут скажешь? Я ему ответила, что это ваша беда, а никак не моя.

Мне не нравятся многие сценарии, поэтому я нередко отказываюсь от съемки. Очень важен хороший сценарий, текст, литературная речь. В кадре я жажду разговаривать на хорошем русском языке.

Современные истории про Золушек мне не подходят, на жену бандита я тоже не похожа, стерв-любовниц тоже играть не хочется, так что моя кинокарьера несколько приостановлена. В сериалах снималась, но, признаюсь, без увлечения. В одном из сериалов персонаж, которого я играю, лежит в больнице. Перед съемкой подсказывают ассистентки и вдруг начинают старательно красить мне губы. «Что вы делаете? Моя героиня себя очень плохо чувствует...» Пыталась возмутиться, но, увы, тщетно, как мне объяснили, таково распоряжение канала, в кадре вы должны выглядеть красиво... Ну, не переиграю я никогда эти яркие губы, будь даже Сарой Бернар! В малей-

С мужем и сыновьями

ших деталях важен профессионализм. Все должно выглядеть правдиво и убедительно.

Работать в кино я очень люблю, и все еще надеюсь найти себя. Мечтаю о Кино.

— Начиналась ваша кинокарьера ярко, с картины 1995 года «Графиня Шереметева», где вы сыграли Прасковью Жемчугову...

— Это была замечательная картина! Снимали в старинной усадьбе Кусково, красивые костюмы, декорации, одним словом, сказка! Режиссер — Тамара Павлюченко, команда прекрасных артистов: Андрей Ростоцкий, Евгений Князев, Борис Плотников, Игорь Ясулович... Андрей Ростоцкий играл графа Николая Шереметева.

— На Первом канале прошел сериал «Маргарита Назарова», где вы сыграли Галину Брежневу...

— Когда поступило приглашение на пробы, я задала вопрос, а почему выбрали меня? Совершенно на нее не похожа, и нет вообще ничего общего. Мне сказали, что внешнее сходство неважно, главное — вы должны убедительно сыграть Галину Брежневу — королеву «золотой молодежи» того времени. Мой имидж кардинально изменили: наvertели на голову черный парик, навели на глаза стрелы, обвешали как елку «бриллиантами». Работа была для меня очень запоминающейся.

— С кем из режиссеров было бы интересно встретиться на съемочной площадке?

— Андрей Звягинцев, Алексей Герман, Авдотья Смирнова... Мне нравятся фильмы и сценарии Смирновой, ее необыкновенное чувство юмора. У Мартина Скорсезе с удовольствием снялась бы...

— Актер театра и кино — это разные профессии?

— Две разные стороны одной профессии — Артист. Театр труднее, с моей точки зрения, затратнее, ответственнее. Кино — это режиссер, оператор, работа с камерой, многочисленные дубли, работа тонкая, каждое твое мимическое движение лица — уже мизансцена. Без практики не научишься работать на пло-

щадке, поэтому я соглашалась сниматься в сериалах.

— У вас двое детей, они продолжают династию?

— «Только не в артисты!», — говорят многие актеры, но у меня такого нет, пусть свой выбор сделают сами. Старший сын не актерского склада, он гуманитарий, младший еще маленький, дети с интересом ходят в театр, не пропускают премьеры, спектакли с моим участием. Театр воздействует. Даже маленький зритель, сидя в зале, проникается всей атмосферой, и если вам кажется, что он еще не все понимает происходящее на сцене, это не совсем так, впечатления у ребенка остаются.

Одного желанья быть актером недостаточно, должно быть ощущение, что не могу без этого жить — и все! Есть люди, которые считают, что актеру мозги совсем не нужны. А я считаю, что артист — это одна из самых интеллектуальных профессий. Нам приходится запоминать огромное количество текста, причем за очень короткий срок, а эта задача не каждому по силам, память должна быть хорошо тренирована.

— Дарья, а по жизни какие у вас интересы?

— Я очень люблю читать, смотреть хорошие фильмы, путешествовать, обожаю создавать дизайн интерьеров, люблю красоту, животных, с семьей нам нравится ходить в театр, на концерты, на выставки. Все ремонты, а их в моей жизни было не-

мало, все дизайны квартир я придумывала сама.

Мне нравится прикладная красота. Я интересуюсь историей моды, люблю смотреть модные сайты.

Сколько себя помню, в нашей семье всегда были животные, чаще всего коты! Три месяца назад к нам на дачу пришел котенок. Он бежал за детьми два километра, бежал, орал и буквально прорвался сквозь забор! Маленькое существо стремилось именно к нам! Дети умоляли его оставить, мой Гоша — старший сын, аллергик, так он ради кота мужественно согласился лечиться, делать уколы против аллергии. Кот остался, назвали Брюсселем, потому что он пришел в день брюссельского теракта. Сейчас Брюс подрос, стал красавцем!

— Какие книги вы посоветуете почитать? Что читаете сами?

— Булгаков, Чехов, Трифонов — определяющие писатели, это как часть меня самой. Чарльз Диккенс, наверное, мало кому интересен, но если в его произведения внимательно вчитаться, то можно понять очень многое, что происходит сегодня в мире. Я очень люблю современную литературу: Дину Рубину, Татьяну Толстую, Людмилу Улицкую, Бориса Акунина — его исторические книги, Дмитрия Быкова — прозаика и писателя, его ЖЗЛ, его романы, Денис Драгунский мне интересен.

Девушкам, от десяти до девяноста лет, посоветую почитать прекрасную шотландскую романистку

Розамунду Пилчер. Очень ценю в женщинах-авторах чувство юмора!

Самое же любимое мое произведение — «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова. Подросткам рекомендую почитать Евгению Пастернак. Вообще сегодня, к счастью, столько хороших книг можно приобрести, и когда я захожу в Дом книги, то начинаю все скупать!

— А как насчет путешествий? Есть такие места, где вы уже побывали, и хочется снова туда вернуться?

— Конечно, есть. Например, в Шотландию, в шотландскую деревню... Поскольку я очень люблю английскую литературу, находясь в Шотландии, не могла не посетить Эбботсфорд Хаус, замок писателя Вальтера Скотта. Это была золотая осень, красота невероятная! Из замка вышла седовласая дама, начала вести экскурсию, и так это было увлекательно, что у меня сложилось впечатление, будто эта дама сама жила во времена сэра Вальтера Скотта. Скотт славился как коллекционер исторических вещей, среди них каминные часы Марии-Антуанетты, распятие, когда-то принадлежавшее Марии Стюарт, мебель, подаренная ему Георгом Четвертым...

— А экзотический туризм вас не привлекает?

— Автостопом по Индии с рюкзаком — это не мое. Хотела бы посетить Японию, интересная страна с точки зрения культуры, философии.

— Какие люди вам могут понравиться? Что вы больше всего цените в людях?

— Ценю чувство юмора, доброту, талант, созидательность, индивидуальность, способность быть самим собой, искренность, открытость. Если есть хотя бы три качества из перечисленных, то уже такой человек ценен. Если у него есть чувство юмора, он не может быть глупым, юмор вообще спасает людей, где юмор, там и жизнь.

— Хотели бы что-нибудь пожелать своим зрителям?

— Не воспринимайте театр как отдых, не сидите в зале в обнимку с гаджетами. «Спасибо, мы так хорошо отдохнули!» — сказали мне как-то знакомые после сложного спектакля, и меня эта фраза покорила.

Театр — это труд и, понимающий зритель устает в зале, он сопереживает, страдает, радуется, да и на слух сложные тексты воспринимать совсем не просто. Хочу, чтобы зритель был пытливым, строгим, а не расслабленным. Мы, артисты, зависим от зрителя. Абсолютно!

В театр приходят совершенно разные люди, и так прекрасно, когда актеры и зрители становятся чем-то единым! Бывает зритель, который тебя любит, бывает скептически настроен, и его надо завоевать!

Когда в зале медленно гаснет свет и открывается занавес — это волшебные минуты... □

Беседовала **Елена Воробьева**

Иван Переверзин

ПОСТИЖЕНИЕ

Роман

(продолжение)

20

Дверь открыла Наталья в легком домашнем халатике, перехваченном в талии тонким пояском, с каштановыми волосами, волнами спадавшими на округлые плечи. Увидев брата, она радостно, как белая лебедь крыльями, всплеснула полными руками:

— Наконец-то! Самолет уже два часа назад приземлился — а тебя, извините, вас, — посмотрев на незнакомую ей молодую женщину, поправи-лась она, — все нет и нет! Мы уже хотели в милицию звонить.

— А я уже, ожидая, и вздремнул! — с добродушной улыбкой произнес басом Виктор, заслонивший своей огромной фигурой весь дверной проем гостиной. — Анатолий, а кто такая красавица, пришедшая с тобой?

— Красавица — это точно! Но кроме этого — знакомьтесь! — она моя жена! Звать ее Мария! Ну что вы, зять и сестра, рты от удивления раскры-ли? Повторяю, для большей убедительности — да, моя законная супруга! Прошу ее любить и жаловать больше, чем меня!

Первой опомнилась Наталья:

— Дорогие гости, а что вы, так у порога и будете стоять? Давайте ско-рей снимайте обувь, надевайте домашние, между прочим, мной лично свя-

занные шерстяные тапочки и, помыв руки в ванной, проходите на кухню! А я пока еще раз разогрею ужин!

Приведя себя в порядок, молодожены сели за стол, полный всевозможной закуски, над которой, поблескивая в электрическом свете потолочной лампы стеклянными боками, возвышались две открытые бутылки — одна с водкой, другая с красным сухим грузинским вином. Виктор, предвкушая близкую выпивку, заразительно потер ладони, налил себе в стопку любимого напитка, сказав:

— А ты, Анатолий, поухаживай за дорогими женщинами! Хотя моя дражайшая супруга ни вино, ни водку не любит, но, надеюсь, за приезд брата с женой хоть глоток вина выпьет с удовольствием!

— И что? Выпью! Только не вина!..

И, встав из-за стола, достала из холодильника пузатую бутылку «Советского шампанского», передала брату, чтобы он осторожно открыл ее, а сама поставила на стол два хрустальных фужера.

— Что вы, Наталья, никакого другого алкоголя я и не пью!

— Вот и отлично!

— А я, как всегда, — сказал Анатолий Петрович, — останусь верен сухому вину! Так за что, мои дорогие родственники, выпьем?

— И снова нальем! — не без радости произнес Виктор!

— Может быть! Но все-таки?..

— Тут и думать нечего! — произнесла Наталья. — Конечно, за тебя, мой дорогой брат, и за твою красавицу-жену!

— Согласен, ох и как же я согласен, сестра! Но пьем, как всегда: мужчины — стоя, женщины — до дна! Шучу, конечно! Но, как говорится, в каждой шутке доля правды есть!..

— Подождите, подождите! — сказал Виктор. — Я вот на полном серьезе кричу: горько! горько! горько!..

— Мой супруг совершенно прав! — поддержала мужа Наталья. — Я тоже прошу, нет, требую: горько! горько! горько!

Анатолию Петровичу с засмущавшейся Марией ничего не оставалось, как, сделав несколько глотков из бокалов, встать и под дружное хлопанье родных, как у друга юности Иннокентия в вечер, посвященный бракосочетанию молодых, соединиться в длительном, сладко-нежном поцелуе, от которого головы невольно слегка, как от хорошего сухого вина, закружились. Вернувшись к закуске, они, изрядно проголодавшиеся, быстро доели ее, а когда Наталья на второе подала плов, то и его принялись поедать с таким удовольствием, что Виктор, снова налив в рюмку водки, напористо, как на рабочем собрании, запротестовал:

— Подождите! Подождите! Плов, тем более что, гарантирую, вкусно приготовленный, никуда не денется, а вот желание выпить может за-

просто пропасть! А у меня кроме произнесенного тоста еще и вопрос к дорогим гостям имеется, который почему-то не был задан еще до ужина!

— Дорогой муженек, это у тебя-то пропадет интерес к алкоголю?! Ну и сказал — курам на смех! — не дала договорить мужу Наталья.

— Сестра, подожди, не перебивай мужа! Пусть Виктор удовлетворит свой интерес! — быстро сказал Анатолий Петрович и, весело, с душой, по которой волнами расходилось тепло, продолжил: — Спрашивай, зять! Мы с Марией — одно сплошное внимание!

— Во! Я всегда считал, что мужская солидарность незыблема!.. А вопрос у меня, друзья, самый простой: — В нашу разлюбезную столицу с какой целью приехали?

— Мария, — за себя и жену ответил Анатолий Петрович, — проведать своих друзей в республиканском объединении «Сельхозхимия», где она, учась в сельскохозяйственном институте, каждое лето проходила предсессионную практику, можно сказать, в нескольких шагах от вашей дачи — на опытных участках в Кильдямцах, то есть, Наталья, на родине нашего с тобой отца Петра Борисовича! А я прилетел на утверждение в обкоме партии на должность директора совхоза!

— Я как в воду глядел, — словно предчувствовал, что для второго тоста очень уж серьезная причина объявится, воскликнул Виктор и, вдруг на несколько секунд замолчав, посмотрел пытливым взглядом на Анатолия Петровича и всерьез произнес: — Если я не ошибаюсь, то за последние три года ты уже в третий раз получаешь все более ответственные должности! Ничего не скажешь, молодец! Поэтому, дорогие женщины, второй тост за моего дорогого зятя!

И тотчас, вскинув голову, приняв на грудь очередные пятьдесят грамм водки, вкусно закусил квашеной капустой, выдохнув: «Ух! — как же хорошо пошла и в этот раз, проклятая!..»

— Брат! — произнесла Наталья. — Отец всегда самые большие надежды из всех своих детей возлагал на тебя! Представляю, как же он обрадуется твоим успехам! Я тоже от всей души поздравляю с новой, более высокой, должностью. Но, извини, этот тост поддержи смородиновым соком!

Тоже соком поддержала ее и Мария, трогательно улыбнувшись своей белоснежной милой улыбкой, излучая глазами жизнерадостный свет.

— Спасибо, родные, за поздравление и теплые слова, — то ли с грустью, то ли с каким-то непонятным сожалением сказал Анатолий Петрович. — Но я должен признаться, что никакой особой радости не испытываю, а вот громадную ответственность, навалившуюся на меня тяжелой гранитной плитой, — в полной мере! Это, скорей всего, потому, что я еще все-таки до конца не уверен в своих силах! Нет, их у меня хоть отбавляй!

А вот практического опыта все же маловато! Приходится буквально на ходу, руководя огромным коллективом, постигать высшую математику управления... Единственно, что позволило мне согласиться стать директором, честно говоря, так это память о нашем с тобой, Наталья, отце, при котором центральное отделение совхоза, которое он целых пятнадцать лет успешно возглавлял, процветало, а теперь, как все хозяйство, лежит на боку... Я просто обязан сделать все для его возрождения! Ну и, конечно, еще раз на излом проверить свою волю, свои мозги! Хотя признаюсь, что мне порой все больше и больше кажется, что в этот суетный, пестрый мир я пришел для чего-то ну совершенно другого, пусть не столь карьерного, но намного богаче в духовном плане!

— И я, брат, с тобой согласна! — сказала Наталья. — Ты по зодиакальной системе Рыба, значит, твоя стихия — творчество! Не зря же тебе было дано свыше сначала ваять, а потом и писать стихи! Мы всей семьей радовались каждому твоему творческому успеху! Тем не менее, ты окончательно забросил первое, разлучился аж на целых десять лет и с поэзией, правда, в пользу публицистики, но, по моему мнению, это шаг в сторону, а не вперед! А жизнь, к великому сожалению, на месте — и хорошо, что так! — не стоит: оглянуться не успеем, как она пролетит стремительной птицей, — но ты, кому от природы дано больше, чем кому-то другому, как бы, в конце концов, не остался у разбитого корыта! Вот обидно-то будет, да так, что и высказать тяжело, насколько!

— Наталья, что ты такое говоришь! — перебил жену Виктор. — Мой дорогой зять уже столько сделал, несмотря на молодость, что мне и не снилось! Ну не стал он по своей воле скульптором и поэтом, значит, тому были серьезные причины, это во-первых! А во-вторых, если человек талантлив, то во всем! И на новом посту директора, уверен, он оставит заметный след в жизни района. Не удивлюсь, если местная власть Ньюи, построенную им улицу назовет его именем. И народ возрожденные поля будет называть не иначе, как Романовскими!

— Виктор, ты, когда я говорила, — перебила мужа Наталья, — где был? В каких заоблачных небесах витал?

— Ты это о чем?

— О том, что я в своих суждениях касалась творчества, а не совхозного или какого другого производства! И вообще, вы с моим любимым братом дальше вдвоем поговорите, а мы с Марией уединимся для своих сугубо женских разговоров!

Едва мужчины остались одни, Анатолий Петрович, как бы в поддержку Виктора, выпившего третью стопку, не закусывая, освежил бокал вином и для продолжения разговора спросил:

— Слушай, твое мнение по отношению к рабочим не поменялось?

— Пожалуй, нет! Разве что менее категорично стало!

— Интересно, почему?

— Посуди сам. Когда мои подчиненные — экскаваторщики, бульдозеристы, асфальтоукладчики и водители самосвалов — работают в поле, то есть непосредственно на строительстве и ремонте городских дорог, в песчаном и галечном карьерах, то я за них не нарадуюсь — план перевыполняют на сто двадцать-сто тридцать процентов! Но стоит выйти из-за поломки техники из строя, так они в гараже часами то в домино козла забивают, то в карты играют, а то и вовсе на троих соображают!.. В общем — хоть увольняй за грубое нарушение производственной дисциплины! Да жалко — ведь почти у всех семьи!.. Да немалые!

— А тут, Виктор, судить нечего! — сказал Анатолий Петрович. — Ибо причина их, как тебе кажется, наплевательского отношения к ремонту, заключается в том, что ваш заведующий мастерскими просто занимает не свое место, поскольку не может обеспечить твоих подчиненных в срок исполнением токарных, сварочных, кузнечных и других работ! Не случайно же ты, работая бульдозеристом, за этим столом разносил в пух и прах свое начальство — механиков, главного инженера! А теперь, став одним из них, вместо того чтобы с пеной у рта отстаивать интересы своих бывших коллег-работяг, ты поешь с чужого голоса! И если бы на ремонте платили больше, чем, как ты выразился, в поле, то я с тобой согласился бы, а поскольку все наоборот, то, извини, ну никак не могу! Что тобой движет? Животный страх — из механиков снова в одночасье по воле начальства оказаться в простых бульдозеристах?

— Даже точно и не знаю! — несколько удрученно ответил Виктор. — Но, во всяком случае, не боязнь черной работы до десятого пота и сжигающей гортань жажды, тем более, что сейчас я получаю, с учетом всех премиальных — ежемесячных, квартальных и годовых, — намного меньше, чем прежде, когда в карьере рычагами двигал!..

— Вот мы и пришли с тобой в разговоре к главному вопросу сегодняшних дней, к сожалению, пока только на кухнях обсуждаемой проблемы, получившей название застоя. Но рано или поздно она перенесется в трудовые коллективы, а оттуда — и на улицы!

— А в чем, по-твоему, Анатолий, заключается сегодня этот пресловутый застой? — выпив еще одну стопку водки, спросил с заметно посоловевшими глазами, но все еще твердым голосом Виктор.

— В первую очередь в том, что в нашем обществе так и не построенного социализма — заметь, о коммунизме я вообще даже не смею говорить, — в сфере оплаты труда все поставлено с ног на голову. Ну разве можно считать нормальным, что, к примеру, ученый, от вклада которого в современную науку, а потом его передовых технологий, новейших конструктивных

решений — и в производство может значительно увеличиться жизненный уровень миллионов человек, но, несмотря на это, он получает в два раза меньше, чем городской таксист, к тому же потративший на получение своей профессии значительно меньше времени и усилий? Нет! Вот они, эти научные светила при удобном случае, каким в основном у нас является заграничная туристическая поездка, и просят якобы политического убежища в капиталистической стране, а на самом деле они просто хотят, во-первых, иметь необходимые условия для претворения в жизнь своих передовых идей, изобретений, во-вторых — получать по праву, в соответствии с вкладом умственного труда, заработную плату, чтобы — заметь! — лишь содержать в достатке семью и дать своим детям прекрасное образование, а вместе с ним и гарантированное обеспечение светлого будущего! Хоть до упаду всей страной, к примеру, гребь совковой лопатой, но без высоких технологий немыслимо успешное развитие таких отраслей, как медицина, машиностроение, электроника, та же культура, пусть в меньшей степени, но — тоже. Вот мы и топчемся на месте, словно в ступе воду толчем.

— Да, Анатолий, слушаю тебя — и радуюсь, что на дворе не тридцать седьмой год, что нас никто из работников КГБ не подслушивает, а иначе тебе бы не только директорства, как своих ушей, не видать, но еще и из партии в три шеи в один миг выгнали бы!

— Не сомневаюсь! Причем, ничуть! Но, поверь мне, что и там, наверху, власти предрержащие не могут не понимать, что экономика нашей страны находится в тупике, что необходимо ее в срочном порядке перестраивать! И уже давно начали бы это делать, да все никак не могут избавиться от коммунистических, ничего общего с природой человека не имеющих, страх как губительных догм!

— Анатолий, ты говоришь о перестройке! И получается, что, к примеру, я, честно работающий, отдающий родному предприятию все силы, практические знания, здоровье, наконец, топчусь на месте! Или как?

— А так, что твой труд, как, впрочем, и мой, обезличен и не имеет верных ориентиров! А главное, мы — наемные работники, которые напрочь лишены чувства хозяина. А без него невозможно раскрыть в полной мере своих природных способностей! Хотя, уверен, на геномном уровне оно еще живет, как бы его все советские годы в нас и ни пытались благополучно умертвить, чтобы можно было нами легко управлять, бросать, как мечтал полусумасшедший людоед Троцкий, с одной великой стройки на другую, платя, в общем-то, грошовую зарплату, позволяющую лишь с голоду концы не отдать да мало-мало одеваться. Поэтому в первую очередь не нам с тобой надо перестраиваться, а руководству государства исполнить обещание первых, главных революционных вожаков, к примеру, того же Ленина, а именно — лозунги: «Вся власть Советам!», «Заводы

и фабрики — рабочим!», «Земля — крестьянам!» — как можно скорее превратить в жизнь.

— Ты говоришь такие заумно смелые вещи, что, не выпив, понять их ну совсем невозможно! — заметил Виктор. И еще одну стопку водки махом опрокинул в рот, немного скривил лицо, но упрямо ничем закусывать не стал, а лишь глубоко вдохнул запах черного хлеба, нарезанного аккуратными ломтями, и вновь устремил на шурина вопросительный взгляд.

Как Анатолию Петровичу ни хотелось скорее закончить слишком затянувшийся разговор, он не мог сделать это, не высказав затаившейся где-то в самой глубине своего разума выношенной давно мысли:

— Вот ты, Виктор, про КГБ говорил!.. А я тебе расскажу, какими же крамольными мечтами мы с моим отцом, между прочим, сыном самого настоящего по-сталински кулака, а по человечески — рачительного хозяйственника-крестьянина, жили, когда я, окончив школу, пошел на производство. Так вот, бывало, лежим вдвоем, закинув руки за головы, на раскладном диване, слушаем транслируемый по радио эстрадный концерт с участием наших любимых артистов: моего — Муслима Магомаева, отцовского — Иосифа Кобзона... И потихонечку говорим, что как было бы хорошо вернуть времена столыпинских реформ, когда каждому крестьянину, пожелавшему трудиться самостоятельно, выделяли земельный надел, выдавали для закупки семян и техники льготный кредит — и будь здоров с душой да песней от зари до зари возделывай родную землю, выращивай, что рынку угодно, — и будь счастлив! Причем — вдвойне! Ведь над тобой в виде надсмотрщика никого, кроме твоей совести, нет! Не то что сейчас! Всяк выше стоящий чиновник: хоть инструктор райкома, хоть представитель народного контроля, хоть следователь прокуратуры, — всех не перечесть! — только и смотрит, как бы совхозные директора по команде, спущенной из министерства или обкома партии, в срок и неуклонно шли, как лошади на вспашке, строго одной бороздой, по которой еще хаживали деды, нет, прадеды!

— Обидно?! — спросил Виктор замолчавшего шурина.

— Противно! Но главное — бесперспективно!

— В таком случае, как же ты совхозом руководить будешь?

— Есть такая пословица: «Капля камень точит!..» Вот я и возьмусь за самое первостепенное, без чего не может быть поднята сполна производительность труда, — за пробуждение у своих рабочих, к счастью, все еще окончательно не убитого, а только заснувшего в подкорке сознания, чувства хозяина той земли, на которой он работает!

— А разве такое в наше время возможно?

— Возможно! Конечно, не с таким большим размахом, как страстно хочется, но повторяю — возможно! И не на пустом месте, а через те же не-

большие сельскохозяйственные кооперативы, которые наконец-то пусть через пень-колоду, но стали появляться и у нас в районе! Вот только, чувствуя, много чего придется пересилить, а может, просто стиснув зубы, переждать. Не может быть, чтобы наверху, в Кремле, в конце концов, окончательно не поняли всю необходимость не только жить по-человечески, но хозяйствовать на земле!

Тут в кухню вошла Наталья:

— Мужчины! Время позднее — пора на отдых! Анатолий, я вам с Марией постелила на диване в гостиной! Спокойной ночи!

— Приятных снов! — ответно тепло пожелал сестре Анатолий Петрович, а Виктора, заметно охмелевшего, спросил: — Ты завтра после обеда не сможешь меня с женой свозить в Кильдямцы — что-то больно тянет побывать в родовых местах?

— О чем речь! Хоть с самого утра!

— Вот и хорошо! А сейчас действительно пора укладываться!

— И что же мы с тобой, дорогой родственничек, на сон грядущий да после такого задушевного разговора и не выпьем? — уже с трудом ворочая языком, спросил Виктор.

— Хозяин — барин! А я — пас!.. Пока!

Двухстворчатые двери были плотно закрыты. Анатолий Петрович осторожно открыл их и, войдя в гостиную, затворил за собой. С минуту постоял, позволяя глазам привыкнуть к темноте. И, когда это случилось, то увидел, что она, показавшаяся ему сначала густой, на самом деле была как бы светящейся из-за небесных, лунных лучей, широкими волнами лившихся сквозь оконный прозрачный тюль. Стараясь сильно не шуметь, он лег под одеяло, сразу ощутив всем телом нежное тепло, исходившее от пахнущего резедой и мятой упругого тела жены. По ее неровному дыханию понял, что она еще не заснула, и тихо спросил:

— А ты почему еще не спишь?

— Да что-то от стольких треволнений прошедшего дня все никак не могу душой до конца отойти! В глазах постоянно мелькают то лица, то машины, то уличные фонари!

— А если честно, как на духу?!

— Как на духу, говоришь! Ну, конечно, жду тебя!..

Анатолий Петрович, опершись на локоть, приподнялся так, что сверху вниз посмотрел на казавшееся в лунном свете матовым красивое лицо Марии. Глаза ее жарко блестели, сочные губы были чувственно приоткрыты, на чистом лбу лежала нежная прядь духмяных волос. Он легким движением ладони отвел ее в сторону, коснулся горячей щеки — и по его телу вих-

рем пронесся сладостный огонь глубокой нежности, быстро переходящий в сладостное желание близости. Сердце, словно объятые пламенем, часто-часто забились, в висках заухала наполненная страстью молодая кровь, дыхание, как перехваченное, стало порывистым, жарким... И он, лишь горячо прошептав: «Как же я тебя люблю!..», в каком-то полуобморочном состоянии осознал, что оба огромных мира — земли и неба — сузились до таких пленительных, таких удивительно милых губ жены, и ему нестерпимо захотелось с головой зарыться в жаркий сугроб ее натянувшегося до стонущего звона ядерного, молодого тела.

Вселенная постепенно стала расширяться до своих привычных границ... Анатолий Петрович, немного досадуя, что Мария продолжала сохранять молчание, за исключением того момента, когда в страсти на его вопрос: «Тебе хорошо, милая?», она ответила с придыханием: «Очень!..», откинувшись на спину, взял жену за руку, слегка сжал ее и, усмиряя частое дыхание, взволнованно, с глубокой проникновенностью, проговорил:

— Знаешь, чем я больше думаю о нашей встрече, тем сильнее верю, что она послана нам свыше. Но каждый из нас к ней шел своим путем, на котором было все: и радость, и горечь, и смех, и слезы, и, конечно, глубокие разочарования, — и вынес из всего этого свое отношение к жизни. Лично я понял, что без любви — неважно, ответной или безответной, — человек постепенно превращается в бесчувственное животное... Поэтому до встречи с тобой, сколько бы раз я ни ошибался в выборе своей половинки сердца, как бы в кровь ни терзал душу обидой на самого себя, что в очередной раз чувственный розовый мираж принял за единственную любовь, я упрямо искал свою женщину. Вспоминать об этом нестерпимо тяжело, да и стыдно. Но вот появилась ты — и пусть в мое сердце ворвалась не весенним ветром, не морской волной, как бывало прежде, а вплыла солнечным облаком, затопив все уголки, проникнув в самые сокровенные места, зато я понял: ты — моя судьба!

И поскольку понимание этого пришло не в чувственной горячке, не в пылкой одноразовой страсти, а с четким осознанием всего своего земного предназначения, то я уже, как мне все больше и больше кажется, никакую другую женщину не смогу полюбить. Несмотря на это, ты в своем окончательном выборе мужчины свободна, словно птица, летающая высоко в небе. Поверь, брачный штамп в паспорте для меня, в общем-то, ничего не значит. Одни считают, что браки свершаются на небесах, другие — в храмах, третьи — в загсах, и все по-своему правы! Но, прежде всего, необходимость его должна, как получилось у меня, созреть в душе! А о твоей свободе я сказал потому, что считаю: если что спасет мир, то это будет не красота, не любовь, а именно возможность каждого человека чувствовать себя до конца своих жизненных дней вольным в своих чувствах и поступках. Но без

четкого понимания, что брак — это великий праздник, мужественно сотворенный руками двоих любящих друг друга людей, без этого осознания в семье никогда не будет царить солнечный лад и покой. Никогда!

Мария слушала мужа, не перебивая. Она, младше его на целых десять лет, конечно, многое из того, что он говорил, до конца не понимала, но по уверенной речи, когда каждое слово ложится в строку, как кирпич в кладку стены, намертво, не могла не проникнуться чувством уверенности в завтрашнем дне. Ее чуткая душа наполнилась таким глубоким умиротворением, что она прижалась к мужу так жарко, что их сердца, может быть, в первый раз забились как одно...

21

Когда Анатолий Петрович, проснувшись, встал, Виктор уже уехал на работу. Наталья, собрав дочку Анжелику, повела ее в детский садик, оставив на кухонном столе записку, в которой просила брата дождаться ее. Мария тоже успела не только принять душ, но и позавтракать. Но и она, поцеловав мужа и пообещав к обеду вернуться, отправилась в управление республиканской «Сельхозхимии» проведать своего старого друга — пожилого начальника отдела кадров, к которому совсем не случайно питала дочерние благодарные чувства. У Анатолия Петровича до заседания бюро обкома было еще уйма времени, поэтому он не спеша подкрепился и только стал пить чай, как вернулась Наталья. Не переодеваясь, прошла на кухню, бодро поздоровалась с братом и, сев напротив него, заговорила:

— Анатолий, я специально решила задержаться, чтобы поговорить с тобой, как прежде, по душам, — ведь другого времени у нас для этого не будет — после обеда уедешь в Кильдямцы, а завтра утром улетишь домой, в свой совхоз, где за суматошной работой все подзабудешь!..

— Хорошо! Давай поговорим! Я очень рад, что в наших отношениях сохраняется глубокая доверительность и теплое участие... Спрошу сразу: ты удивлена моей женитьбой?

— Представь себе, нет!

— Это почему же?

— Потому, что слишком хорошо тебя знаю! Ты, как почти все мужчины, чем самостоятельней на людях, в работе, тем больше нуждаешься в домашнем уюте, женском тепле. Но скажи мне, что тебя подвигло взять в жены именно Марию?

— Месяц назад сказал бы, не кривя душой, что только производственная необходимость! Да-да! Именно она самая! И не смотри на меня такими

недоуменными глазами, ведь сама же, извини, вышла замуж не по любви! А мне Мария хотя бы нравилась!

— Да, вышла не за того, кому безвозвратно отдала сердце, — и живу! А у тебя это ведь второй брак! Впрочем, я тебя не дослушала!

— Вот-вот! В настоящее время, когда, наконец, сам разобрался в своей поспешной женитьбе и характере Марии, могу твердо заявить: она именно та женщина, которую я столько лет искал!

— Допустим, я за тебя рада! Но как собираешься противостоять природе, верней, небесным, звездным силам?

— Ты это о чем, дорогая сестра?!

— О том, что вы с Марией по зодиакальной системе совершенно не подходите друг другу! Если ты — камень, то она — железо! А что бывает, когда одно находит на другое, сам знаешь!

— Знаю, — треск с искрами, а верней, самая настоящая ссора!

— Так на что же надеешься? На чудо? Но, если это так, то мне совсем не смешно, а обидно за тебя!

— Ну, во-первых, чудес не бывает, значит, верить в них — быть дураком! А этого обо мне, надеюсь, ты не скажешь! Во-вторых, рано или поздно звезды, какими бы они ни были разными по величине и по энергии тепла и света, сходятся. Но я в надежде на семейное счастье уповаю на разум и свою любовь к Марии!

— А она-то тебя любит?

— Не знаю! И, может, не узнаю никогда! Но будь я ей безразличен, она не приняла бы мою руку и сердце! Или я ошибаюсь?

— Скорее всего, нет! Но, мой дорогой, горячо любимый брат, выражение: «Блажен, кто верует!» точно, как ни к кому другому, относится к тебе! Но помни: ты вновь пошел по пути наибольшего сопротивления, то есть устланному совсем не розами, а ветками шиповника. И будут ли розы — только время покажет!

— Вот на этом, дорогая сестра, и закончим наш разговор! — сказал Анатолий Петрович и, посмотрев на часы, добавил: — Да и пора уже выезжать на заседание бюро!

Наталья словно не услышала брата. В светлой надежде, что, если ей не удастся вернуть его с тех сияющих солнечных высот любви, куда он со всей силой своей страстной души вознесся — и теперь там блаженно парит, как молодой орел, впервые поднявшийся на прежде недосыгаемую высоту, то хотя бы открыть ему до конца, что совместная жизнь с избранной — это, прежде всего, уверенность в том, что в горький час испытаний есть на кого надежно опереться, кому излить до конца душу, она взволнованно сказала:

— Извини, но давай поговорим еще, ведь другой случай у нас с тобой вряд ли скоро представится!.. — Не услышав возражений, уже более

спокойнее, продолжила: — Так вот, когда ты ушел от Зинаиды я, честно говоря, сильно расстроилась, конечно, в первую очередь за тебя, но и за нее мне тоже было обидно! Ведь вы с ней вместе прожили больше десяти лет, она родила тебе прекрасного сына, которого ты, как сам не раз говорил, очень любишь! Понимаешь, твоя первая жена, как и я, относятся к той категории женщин, которым небесами дано любить только раз — жертвенно, преданно и до конца!.. А вот, извини, Мария совсем другого душевного склада. Может быть, она тебя никогда и ни в чем не предаст, но, поверь мне, — и в полной мере не разделит ни твоих радостей, ни твоих горестей, какими бы они сильными не были. А вот своими бесконечными проблемами по полной нагрузит так, что мало не покажется! Скажу больше — твои успехи в лучшем случае ею будут как бы игнорироваться, а в худшем — восприниматься чуть ли не враждебно! Да-да! Именно так! Ибо, видя их, она невольно, в силу своего эгоизма, проникнется сожалением, что, попадись ей другой мужчина, духом слабее, чем ты, и, глядишь, она бы в полную силу проявила свои лучшие качества. Не была бы твоей слабой тенью, а сама лучезарно сверкала бы в глазах людей!.. Таким образом, сделав выбор жениться на ней, ты сам, по своей воле, обрекаешь себя на непонимание и вечное одиночество. Может быть, для творческой натуры это, бесспорно, является одним из условий высоких достижений, неважно — в поэзии или в прозе. Но находиться постоянно в психологическом напряжении, что тебя с трудом слушают, но совершенно не слышат, а вернее, слышать не хотят, — поверь мне, на это никакой воли, никаких сил не хватит!

Тут Наталья внезапно замолчала, с раздирающей ее сердце острой болью глубоко, словно в бездну, посмотрела брату в глаза и, с горячностью взяв его руку, с силой сжала ее, как бы стараясь помочь родному человеку, и только потом вновь заговорила:

— И тогда жизнь для тебя обернется самым настоящим земным адом, с честью пережить который дано не многим! Брат, я очень переживаю за тебя, очень! Прости, если вдруг не то говорю! И последнее. Ты за многие годы никак не мог, или просто из-за обиды, которая, наверное, до сих пор саднит и саднит в твоём сердце, не захотел простить Зинаиду якобы из-за обмана в отношении ее беременности — и в какой-то мере был прав. Но пойми, она пошла на эту исключительно вынужденную меру во имя защиты, нет, спасения своей огромной любви к тебе. Будь я на ее месте, то, возможно, поступила бы если не точно так, то все равно совершила бы какой-нибудь отчаянный шаг! Единственно, что действительно можно было бы всерьез поставить ей в некоторую вину, так это только то, что она, видимо, из-за неумения хоть как-то предвидеть свое будущее, не су-

мела одновременно с тобой упрямо расти духовно, да и профессионально тоже, и в итоге между вами окончательно образовалась глубокая пропасть, которую, увы, не перепрыгнуть, не перелететь...

Но ведь то же самое, если не хуже, может запросто получиться и с Марией, хотя бы потому, что она со своим чудовищным самолюбием и невыносимой самовлюбленностью вряд ли будет, преодолевая себя, вместе с тобой хватать звезды с высоких жизненных небес. А вот пользоваться теми благами, которые ты заработаешь своим талантом, заплатишь за них потом, а, может, и кровью, она никоим образом не сочтет для себя зазорным! Ты ведь в работе и в творчестве так целеустремлен, что порой совсем забываешь о себе. Помню, ходил в одном и том же пальто аж десять зим подряд и делал бы это еще неизвестно сколько, если мы с матерью тебя всерьез не пристыдили бы и заставили купить новое.

Анатолий Петрович беспокожно посмотрел на часы и, посчитав, что сестра если не все, то самое главное для себя сказала, с вежливой улыбкой, как бы извиняясь, перебил ее:

— Ты так уверенно, настолько рельефно, такими, как сказал бы художник, пастозными, сильными мазками охарактеризовала Марию, словно самая настоящая ясновидящая, увидела ее душу насквозь! И я не буду с тобой спорить, переубеждать тебя. Поздно... Да и надежда, сама знаешь, умирает последней! А поскольку я свой выбор сознательно сделал, то мне теперь остается только уповать на лучшее... И прости, сестра, но, кажется, ты все-таки глубоко заблуждаешься!..

— Считай как хочешь — не маленький! Только ведь любому известно, что женское сердце редко когда ошибается... И не забывай о моем природном даре — уметь читать будущее по звездам!

Поняв, что сестра обиделась, Анатолий Петрович, чтобы хоть как-то снять возникшее напряжение, спросил:

— Неужели я настолько не слежу за собой, что мне, здоровенному мужику, и правда в некотором роде нянька нужна?

— Нужна! И знай, не в некотором, а в полном, как, впрочем, всем настоящим мужчинам. Только, к сожалению, далеко не каждая женщина, даже горячо любящая, понимает это.

— Вот оно как оказывается... Может, ты и права... Но извини, дорогая сестра, мне все же надо бежать — иначе, слушая тебя, не только без новой жены останусь, но еще и без директорской должности! Шучу, шучу... Но за твою заботу без шуток спасибо! — И Анатолий Петрович прочувственно обнял на прощание дорогого и, может, самого близкого ему человека.

Обком партии находился в монументальном, отделанном коричневым мрамором четырехэтажном здании, стоящем на площади имени Ленина с огромным гранитным памятником вождю всемирного пролетариата

в самом центре. Поднявшись по широкой, со сплошными перилами лестнице на крыльцо, Анатолий Петрович прошел через двойные двери и был остановлен молодым милиционером в новенькой форме с лейтенантскими погонами, с твердым взглядом узких якутских глаз и аккуратно подстриженным ровным ежиком. Милиционер вежливо попросил предъявить паспорт. Не спеша, внимательно сверив его данные с данными, занесенными в дежурный журнал, отдал молодцевато честь:

— Проходите, пожалуйста!

— А не скажете, в каком зале проходят заседания бюро? — спросил дежурного офицера Анатолий Петрович.

— В десятом! На четвертом этаже!

— Спасибо!

Утверждение действительно прошло в чисто формальной форме. Один из членов бюро лишь кратко представил Анатолия Петровича и спросил своих поседельных, умудренных большим опытом партийной работы коллег, есть ли у них к нему вопросы. Но поскольку они почему-то промолчали, то председательствующий на заседании бюро первый секретарь обкома партии тотчас предложил утвердить молодого руководителя в должности директора совхоза, что и было сделано почти одновременным поднятием не менее двадцати рук. Анатолий Петрович понимал, что надо обязательно сказать ответное слово, но то ли от волнения, то ли от неожиданно быстрого решения своей производственной судьбы, чувствуя, что щеки буквально пылают, лишь твердо произнес: «Высокое доверие партии, уважаемые члены бюро, оправдаю!»

Выйдя на улицу, посмотрел на часы — процедура утверждения директором совхоза «Ньюский» вместилась в десять минут. Так как времени до обеда был еще почти час, Анатолий Петрович решил, чтобы немного успокоиться, пройтись по городу пешком. Любуясь современными высотными, из камня, стекла и бетона, жилыми и производственными зданиями, которыми был застроен проспект имени Ленина, с мчащимися лавиной по ровному бетонному полотну автомашинами, он неожиданно ясно, как наяву, вспомнил, что всего каких-то двадцать с небольшим лет назад отец из Капитоновки, где они тогда жили, привозил его девятилетним парнишкой на санях, с впряженной в них черной резвой лошадей, на эту площадь, в магазин «Детский мир», располагавшийся в угловом двухэтажном деревянном здании, за многие десятки лет чуть ли не по самые льдистые окна ушедшем в топкий грунт.

В торговом зале сновало столько народа, что он, страшно боясь потеряться, не выпускал полу отцовского полушубка. Но едва под стеклом прилавка увидел коробки с разноцветным пластилином, как тут же забыл о всего лишь минуту назад понравившейся машинке — игрушечном само-

свале. Глаза вспыхнули, как спички, от жажды получить в свое распоряжение хотя бы коробочку этого волшебного, этого сказочного материала! И как же он был счастлив, когда щедрый отец, вняв его чуть ли молитвенной просьбе, купил ему целую упаковку пластилина! Вернувшись домой, он все свободное от уроков время с упоением лепил и лепил разные человеческие фигуры, средневековые замки и даже метровые военные корабли, вплоть до линкоров!

Ах, какое же у него было прекрасное детство! Да и юность тоже! Но почему жажда ваять с прежней силой не перетекла в молодость, не расцвела в ней пышным цветком успеха и признания?.. Почему?! Пропала?! Сгинула?! Бог дал — Он и забрал назад сказочный дар?! Сказать: «Так и есть!» — солгать, поскольку упоительная жажда ваять трансформировалась в желание строить, творчески руководить! Ничего просто так не делается даже там высоко, на этом синем-синем, с ослепительно ярким якутским солнцем, словно насквозь прозрачном небе! И, конечно, ничего без следа не проходит! И Анатолий Петрович, довольный, что пришел к такому жизнеутверждающему выводу, еще с час погулял по городским улицам и вернулся к Ивановым, где Мария с Виктором, одетые по дорожному, уже ждали его во дворе, сидя в салоне когда-то подаренной им сестре вездехода «Нива».

На выезде из города остановились у цветочного магазина, где Анатолий Петрович купил три букета с четным числом чайных роз. Садясь обратно в машину, кстати, работающую, как хорошо отлаженные швейцарские часы, отливающую на изгибах кузова в полуденных лучах кофейными, матовыми переливами, он на вопросительный взгляд Виктора с глубокой, идущей из самых глубин души грустью ответил:

— Надо будет непременно заехать на старое кладбище! Деда с бабой и тетей Викой проведать! Когда еще приеду!

— Понятно!

Езды до родового села отца Анатолия Петровича было не больше тридцати минут — сначала по асфальтированной трассе, как бы рассекающей долину Туймада пополам ровно посередине, потом, повернув налево, как раз напротив конца взлетной полосы аэропорта, — по гравийной дороге через якутское поселение Тулугино. Не доезжая до родового села Кильдямцы метров двести, у самого деревянного, довольно крепкого моста, перекинутого через проточное длинное озеро с топкими берегами, сплошь поросшими густой зеленой осокой, Анатолий Петрович с Марией вышли из машины. Но прежде чем пойти дальше пешком, он показал жене на стоящую впереди под самой песчаной сопкой на крутолобом взлобке пятистенную избу с четырехскатной высокой крышей из обрезного теса в два ряда, с небольшими окнами с резными ставнями, с палисадником, в котором

росли кусты рябины и черемухи, с вкопанной в землю лавочкой рядом с глухой калиткой в высоком заплоте.

— Представляешь, в этом старом, почерневшем от времени доме родился и вырос мой отец! — восторженно сказал Анатолий Петрович. — Кто в нем живет в настоящее время, я, увы, не знаю! А жаль!.. Но из родни, кому он принадлежал, последней была тетя Маруся. Я тогда был совсем маленький — еще даже в школу не ходил. Но всякий раз, когда отец зимой на санях-розвольнях с подбитыми полосовым железом полозьями, а летом на двухколке с пружинистыми рессорами отправлялся в Кильдямцы проведать свою старшую сестру, то непременно брал меня с собой. Тетя Маруся ставила старый, еще царских времен, пузатый медный самовар с вылитыми медалями и при помощи кирзового сапога распалила заранее приготовленные угли. Вскоре вода вскипала — и мы пили свежезаваренный, с коровьим молоком такой вкусный чай, что поныне, как вспомню о нем, так слюнки текут...

— Что ты говоришь! — воскликнула Мария. — Получается, что мы, студенты, на летней практике каждый день ходили на опытные участки мимо дома твоих отца и деда! Даже сразу как-то в такое и не верится!..

— Вот как! Но мне же это счастливо говорит о том, что наша с тобой встреча словно заранее была предопределена свыше! — сказал восхищенно Анатолий Петрович, взяв за руку жену. — Еще несколько лет назад, когда мы жили за тысячи километров друг от друга, судьбе было угодно, можно сказать, заочно познакомить нас через прошлое моих предков. А потом, неважно, где и когда, но свести для совместной жизни, лишний раз доказав мою правоту, что мы сейчас неслучайно находимся здесь. И мне, как никогда, хочется с тобой рядом — плечо к плечу! — пройти по этому старинному селу, чтобы, дыша воздухом, насквозь пропитанным прошлым, в котором жили и умирали мои предки, укрепиться их несгибаемой волей и жизнеутверждающей силой! Понимаешь меня?!

— Понимаю, милый!

И они, не отпуская рук, пошли мимо изб, выстроившихся вдоль озера в одну улицу, переживающих второе столетие, рубленых в лапу из сосновых бревен, звенящих от удара обухом топора или тяжелой палки, как медный колокол, гулко, протяжно, словно говоря: «Пройдет еще не одна сотня лет, а мы все так же будем стоять на этой суровой якутской земле, приютившей и обогревшей в страшном холоде, на снежных, колючих ветрах наших исконно русских ликом и характером хозяев, не побоявшихся в поисках лучшей жизни за несколько тысяч верст от родных мест забраться в таежную глухомань и жить в ней так, что она со временем стала их второй родиной!»

В этот день, то ли потому, что он был рабочий, то ли по причине переезда многих селян в город, улица казалась пустынной. Лишь одинокие бабушки, несмотря на августовское тепло, укутавшись в теплые, вязанные ими же шерстяные платки, сидели возле своих изб на скамейках и, проводя двоих незнакомых молодых людей пытливым взглядом, мысленно вопрошали: «Кто такие? Что они делают здесь, в забытом селе?..»

Мария интуитивно понимала, что творится на душе мужа, после многих лет оказавшегося, наконец, у истоков, можно сказать, и своей жизни, потому шла молча, лишь плотнее прижавшись к родному плечу. А Анатолию Петровичу почему-то из всех своих четырех дядей по отцовской линии вспомнился вдруг самый старший — Андрей, который, как он знал пусть не по частым, но ярким рассказам отца, был статен — высок, широкоплеч, при этом очень подвижен, с черными, как смоль, волнистыми густыми волосами, зачесанными назад, с цыганскими, горящими, словно костровый уголь на вешнем ветру, большими, синими-синими глазами, с грудным басистым голосом, краснощек. Не мужик, а огонь! Даже в самые лютые крещенские морозы прогуливался по селу в полушубке нараспашку, без шапки и рукавиц.

От него исходила такая молодецкая сила и удаль, что не каждый из местных задир осмеливался даже повысить на него голос. В Масленицу, настоящий, уходящий в глубину многовековых лет, самый русский зимний праздник, дядя Андрей в обязательном порядке из отцовской конюшни выбирал самых нахрапистых, быстрых на ноги трех лошадей разной масти, впрягал в сани-розвальни с задней стойкой, украшал их разноцветными лентами, еловым лапником, на днище, под ноги бросал охапку сена, рассаживал поудобней молодых — кровь с молоком! — краснощеких девок и, под неугомонный, залиvistый лай уличных собак и серебряный перезвон колокольчиков, подвешенных к самой цветасто раскрашенной дуге, упершись ногами в настил и слегка отпустив вожжи, давал такую волю лошадям, что они, хрипя и выдыхая с шумом из легких воздух, который на сорокоградусном морозе мгновенно превращался в клубящийся пар, неслись во весь дух, на крутых поворотах раскатывая и ударяя сани о сугробы с такой силой, что молодухи от страха вывалиться в снег визжали, как оглашенные, но счастливые безмерно!

Густой, белесый пар от спин, казавшихся дымящимися, несущихся галопом разгоряченных лошадей стлался белесым шлейфом далеко за саними, подхваченный ветерком, восходил в поднебесье, где медленно, словно нехотя, таял... От захватской скорости длинные густые волосы дяди Андрея, как конские гривы, развивались на ветру, глаза полыхали солнечным, но ядреным, как мороз, задором — только что огонь и пламя с силой не вылетали из вздувающихся ноздрей!

Но жизнелюбивое, большое сердце двадцатилетнего парня пленила не молодуха-красавица, а сорокалетняя вдова, причем с ребенком. И как его родные ни увещевали отступить от нее, он взял да и женился на своей зазнобе. И так уж любил да миловал, так желал ее, что односельчане только диву давались: бывало, суровой зимой в домово́й ограде огромные березовые чурки раскалывает колуном на поленья, да вдруг бросит хозяйское дело, как ошпаренный ворвется с мороза в избу, подхватит своими здоровенными ручищами, точно птичью пушинку, жену-любовницу да снесет на кровать...

Насколько удастся, пригасит разбушевавшуюся страсть, как огонь обложной дождь, — да по новой на улицу с чурками играючи расправляться. Так и работал с перерывами на любовь — до позднего вечера! Ох, и завидного же здоровья был человек!

Только не долго пришлось ему пожить счастливо, — вскоре в жизнь каждого советского человека, как ураганный вихрь, сметая все на своем кровавом пути, ворвалась проклятая война. Одним из первых в селе, уже осенью сорок первого года, дядя Андрей был призван в действующую армию и в составе сибирского полка брошен на защиту родной столицы. Но в первом же жестоком бою вражеский снаряд попал ему прямо в грудь — и разорвал все тело на такие мелкие кусочки, разбросав по всему полю, что собрать их воедино не представлялось никакой возможности. Весной, после зимнего наступления Красной армии, в котором немецкие захватчики были отброшены на сотни километров от Москвы, колхозники при весенней вспашке завалили остатки дяди Андрея землей — таким образом, его могилой, можно сказать, стало все большое, усыпанное неисчислимыми осколками снарядов и мин, колхозное поле. Не потому ли однажды Анатолий Петрович, словно слыша с небес голос души родного дяди, и написал, как сам считал, одно из своих лучших стихотворений: *«В небе черном гроза прогремит,/ тело дрогнет, душа отлетит,/ но пойдут и пойдут ковыли/ светлой вестью до края земли./ Ты могилы моей не найдешь, —/ я повсюду, где поле и рожь,/ я под снегом, родная, я здесь,/ словно светлая-светлая весть...»*

Кладбище, на котором были похоронены дед с бабой и младшая тетя Аня, возникло почти одновременно со строительством села на опушке разлапистого, густого, вечнозеленого ельника, поднимающегося по пологому склону сопки на самую вершину. Приняв в себя многие десятки переселенцев, оно после войны было закрыто. Когда-то крепкая изгородь со временем пришла в ветхость, во многих местах и вовсе завалилась. Печать запустения и разрушения легла и на могилы. Невысокие бревенчатые срубы, которыми были обнесены земляные холмики, почернели, покрылись густой зеленоватой замшелостью, а кое-где и вовсе

превратившись в труху, развалились. Православные кресты, хотя и продолжали стоять, но уж как-то неестественно-косо, словно готовые рухнуть. А вот двухскатные навесы, построенные из теса для защиты могил от дождей и снегопадов, хоть и обросли сплошной, вверху мягкой, волнистой, как лесной мох, зеленой плесенью, каким-то чудом продолжали ровно стоять на листовничных столбиках-стойках. Давно уже почти все родственники умерших разъехались по всей стране, поэтому редко на каких могилах, заросших лебедой, пыреем и полынью, терпко пахнущей горечью, лежали свежие цветы. Но, словно навсегда прощая родственников упокоившихся, сердобольная природа летом каждый могильный холмик украшала якутскими розами-саранками со светло-красными бархатными лепестками, и не было на тысячи верст вокруг красивей этих цветов!..

Родные Анатолия Петровича были похоронены рядом — друг за другом в самом центре погоста. В глубокой скорби, в кладбищенской тишине, нарушаемой лишь нудным зудом редких желтых комаров да хриплым поскрипыванием на ветерке железных, покрывшихся коричневой ржавчиной, самодельных венков, он со слезами на глазах возложил на дорогие его сердцу могилы по букету четных чайных роз и погрузился в тяжелое, словно гранитная плита, молчание. Ему было в этот день, как никогда, до слез досадно, что никого: ни деда, ни бабу, ни тетю Анюту не застал в живых — не слышал их добрых голосов, не видел их светлых, светящихся к нему нежной любовью лиц.

А повезло бы ему застать их в юном возрасте, когда полным ходом формируется человеческий характер, утверждаются на всю жизнь многие привычки, приоритеты, пристрастия, то сколько же глубоко поучительного, полезного они смогли бы внуку передать — и, глядишь, в этой до предела сложной, порой навзрыд суматошной жизни ему удалось бы избежать многих ошибок, ибо уж кто-кто, а его дед с бабой в свою очередь сформировались как люди еще во времена степенной, словно разложенной по годам жизни с таким расчетом, чтобы исполнить сполна все, ради чего они и появились на свет. Анатолию Петровичу невольно подумалось: «Мы, современные люди, ищем счастье по всему свету, когда оно — бесконечно щедрое, дарующее жажду жить и творить добро во имя добра, образно говоря, — среди дедовских могил... Ох!» □

Продолжение следует.

Сергей Цигаль:

«Мама
всю
жизнь
считал
меня
бездель-
ником...»

Сергей Цигаль — известный художник, его картины хранятся в Пушкинском, Русском, Дарвиновском музеях, частных коллекциях США, Европы, Израиля, Японии. А вот широкую популярность он получил как телеведущий, кулинар, «охотник за рецептами». Парадокс? Возможно. Но сам Сергей Викторович успешно успевает все: и картины писать, и в кулинарных шоу сниматься, и получать адреналин в своих многочисленных увлечениях. Ведь, помимо всего прочего, он еще и удивительный путешественник, дайвер, теннисист, рыбак...

— Сергей, у вас еще масса профессий, я уж не говорю об увлечениях, которым можно позавидовать... А с чего все началось?

— Сначала я чуть не стал ихтиологом. В девятом классе учительница по биологии отвела меня в университет на биофак, на кафедру ихтиологии. Я там вскрывал каких-то рыбок, даже написал статью про малоценную сорную рыбу острова Кунашира, где я никогда не был. А летом полетел на Южный Сахалин в экспедицию. Больше месяца мы сидели на ледяной реке, просчитывали скат молоди горбуши. Я там по тросу ходил в водолажном костюме, опускал специальные сетки. Нужно было посчитать мальков, которые «прокатываются» за минуту. Это была моя первая экспедиция, отрыв от родителей, мне было тогда шестнадцать лет.

— Ваш отец — народный художник Виктор Цигаль, бабушка — знаменитая писательница Мариэтта Шагинян, многие ближайшие родственники — знаменитые художники, скульпторы. А вы увлекаетесь рыбками... Странно.

— Что ж тут странного? Мне нравилось ловить рыбу летом в Коктебеле, я там очень много времени проводил, и вот решил заниматься рыбками. Дома мне никто никогда не перечил. Хочешь рыбок изучать — пожалуйста! Я окончил географический факультет МГУ. Интерес к био-

логии привел меня в замечательное место — в гельминтологическую лабораторию Академии наук, которой руководил Константин Иванович Скрябин, отец русской гельминтологии, науки о паразитах. Там я написал диплом по паразитам лососевых рыб... Затем работал во Всесоюзном НИИ морского рыбного хозяйства и океанографии. Ходил на полгода в экспедицию в Индийский океан. Попал в Сингапур, на Цейлон, в Мозамбик...

— При слове «Сингапур» сразу в памяти всплывают стихи Вертинского, Северянина и картинки, где бананы сами падают с дерева в рот, а чайные плантации, как у нас — поля, заросшие бурьяном...

— В бананово-лимонном Сингапуре мы буквально умоляли наше руководство купить нам бананов. Нет! По раскладке должен был быть борщ, поэтому нам купили польскую (!) картошку... Но поскольку нам «накапали» какие-то «морские» деньги, аж целых 227 сингапурских долларов, мы бананы купили себе сами. Кстати, по тем временам для советского человека это были громадные деньжищи — на эти доллары в Сингапуре я столько всего ценного накопил.

— Например?

— Ой! Рубашки, очки, джинсы... Самое главное — был куплен кассетный магнитофон с приемником — какой-то «Панасоник», который потом проработал «сто лет». Кто-то

продал фотоаппарат «Зенит» за «три сингапурские копейки». Но на эти деньги можно было купить джинсы «Леви страус». Это был такой гениальный гешефт!

— Тем не менее, несмотря на «гениальный гешефт» и романтику странствий, вы по возвращении уволились из своего НИИ. Почему? Миллионы советских людей мечтали оказаться на вашем месте...

— Я ушел по одной причине: по шесть месяцев находиться в море — удовольствие ниже среднего. Во-первых, меня укачивает в полный штиль на весельной лодке, а в Индийском океане 6–7 баллов — норма. Во-вторых, там ограниченное пространство, сильно отличающееся от сухопутных условий. Мы болтались по таким местам, где до ближайшей земли было 500 миль. Центр Индийского океана!..

К тому же я понял, что ходить на работу каждый день и пребывать там с утра до ночи (как было до этого) — вообще не мое. Я вернулся из того плавания и сразу отправился в Коктебель... Когда меня в Крыму догнала телеграмма из института: «Собирайтесь в рейс в Юго-Восточную Атлантику!», я, нисколько не сомневаясь, уволился и стал свободным человеком. Мне было тридцать лет, и я свою жизнь развернул тогда на сто восемьдесят градусов. Примерно в это время Паша Чухрай снял меня в своем фильме «Люди в океане». К тому моменту я уже вступил

в молодежное отделение Союза художников, начал с друзьями лить «ювелирку» из серебра и продавать ее через салоны. Наши серебряные колечки с «камушками» из перламутра, сердолика, малахита улетали на раз! Я начал ходить в студию рисунка, потом закончил Строгановку. И стал свободным художником — писал маслом этюды, крымские пейзажи, затем освоил технику офорта.

— Как отец оценивал ваше новое увлечение?

— Папа был очень строг и скуп на похвалу. Много лет прошло, пока он похвалил какие-то мои офорты. Говорил: «Делая офорты, ты хочешь спрятаться за приемчиком. А от меня приемчиком не спрячешься. Потому что главное — рисунок!» Вот это я запомнил. Между прочим, он всю жизнь меня считал бездельником. И это действительно так. Но только по сравнению с ним, потому что рядом с ним бездельниками были все. В молодости для него работа по 16–18 часов в сутки была нормой — он был блестящим рисовальщиком. Даже когда в последние годы жизни папа перестал ходить в мастерскую, он без дела сидеть не мог — иллюстрировал книжки, писал маслом замечательные натюрморты, писал стихи, книги, великолепно знал историю искусства. Словом, был очень разносторонним...

— Сейчас вы рисуете в основном животных. Когда и как вы нашли этот свой «конек»?

— Мое увлечение началось с того, что папа как-то привел меня в зоопарк, где был кружок рисования от Союза художников. Нам приносили небольшие клетки на четыре часа, и мы рисовали петуха, куницу, хорька, зайца... Я сразу заметил, что у меня животные получаются лучше, чем что-то другое, и по-настоящему увлекся. Может, потому, что люблю животных... мне кажется, что я их чувствую. В нашем доме всегда жили кошки, собаки. На первых моих офортах я изобразил нашу борзую Дуню и кошку Кисю.

— **Оказывается, мы очень мало знаем про вашу замечательную бабушку. В моем советском восприятии Мариэтта Шагинян — это «книжки про дедушку Ленина». А она еще и автор первого советского детектива "Месс Менд"...**

— Между прочим, детектив замечательный — запутанный, захватывающий! Да, он тоже был пропитан некой трудовой моралью, но все равно интересный. Возьмите и прочитайте! По этой книжке сняли знаменитый фильм с Игорем Ильинским... Бабушка написала удивительное исследование «Воскрешение из мертвых» о чешском композиторе Мысливичеке, «Гидроцентрале», «Путешествие по Советской Армении», детскую книжку «Повесть о волшебной стране Мерц». Да много всего! Бабушка умерла в 82-м, не дожив одного дня до 94 лет. Но успела сделать многое...

— **А вы какой ее запомнили?**

— Невероятно эрудированной и потрясающе щедрой. Она обожала делать подарки, особенно в свой день рождения. Знала английский, французский, немецкий, латынь... В 70 лет перед отъездом в Италию она за несколько месяцев выучила итальянский.

— **Она была, как говорят, «пламенной коммунисткой»?**

— С одной стороны, да. Но странное дело... Когда она умирала, у нее под подушкой было две книжки. — «Государство и революция» Ленина. И — Библия. Так что бабушка была далеко не простая, не однозначная, очень противоречивая, и, слава Богу, не дожила до того, что знаем мы сейчас.

— Новый виток в вашей жизни — увлечение путешествиями, экстремальными видами спорта. А это откуда?

— Когда «железный занавес» распахнули, появилась возможность получать визы и летать по всему миру. А поскольку я во многих журналах вел и веду разные рубрики, меня все время посылают в командировки, пресс-туры — то с винными критиками, то с кулинарами... Еще я обожаю рыбалку. Могу в течение года съездить, например, в Астрахань, потом на Баренцево море — на треску, в Южную Африку и на Байкал. Люблю понырять с аквалангом в морскую пучину, несколько лет назад специально брал уроки. Что касается экстрима, то я давно люблю мотоциклы. Например,

у меня есть антикварный мотоцикл R-35, недавно друзья подарили мне «Урал» с коляской, на котором я собираюсь ездить в Крым... А гонки на выживание — это вообще такой класс! Лет десять назад совершенно случайно приехал поболеть и сам «заболел».

— Можете назвать самое экзотическое из своих путешествий?

— Пожалуй, Намибия. Страна фантастической красоты! Там мы с друзьями заманивали мясом, на запах крови, затем вытаскивали гигантским спиннингом трехметровых акул на берег и фотографировались с ними, летали на четырехместном самолетике над знаменитым «Берегом скелетов» — там до сих пор тор-

чат из песка остовы погибших кораблей. В Атлантике огромный дикий тюлень к нам прямо на корабль запрыгнул, мы кормили его селедкой. У меня есть фотографии, где мы сидим с этим тюленем в обнимку.

— Говорят, акулы — умные, хитрые, коварные, красивые...

— Мы же на них не охотились в прямом смысле. Там это такая традиционная забава для туристов. Поймали и отпустили. А насчет красивые, хитрые, коварные... У меня дома есть челюсть большой китовой акулы. Вот она была красавица! 3 метра 90 сантиметров! Огромная, тяжеленная...

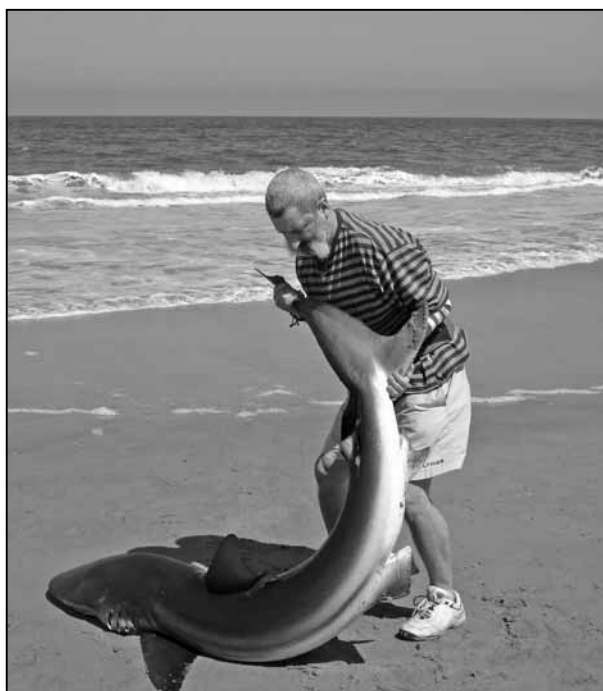
— Светлана Светличная рассказывала, что когда они с Ивашовым оказались в Африке на каком-то фестивале советских фильмов, главное для нее счастье заключалось в том, что их не съели. У вас не было ощущения, что вы путешествуете по стране, где живут людоеды?

— Ни секунды! Не знаю, что было раньше, но, когда мы с друзьями приехали в намибийский Свакопмунд, то попали в абсолютно европейский цивилизованный городок, где живут немецкие пенсионеры, где из рыжей кожи морских котиков делали ботинки. Вообще там было очень симпатично и комфортно. Рыбалка, четырехколесные мотоциклы, машины напрокат... Блеск! И никаких людоедов.

Кстати, никогда не видел на воле леопарда, большую змею не встречал. А в Намибии был такой случай. В Ноа-Ноа, где мы остановились, нам устроили фотосессию с... гепардами. В определенном месте привязали мясо проволокой, они его глодали, а мы стояли рядом в трех метрах. Спросил у хозяйки: «Почему в столовой у вашего здания отбит угол?» Она говорит: «На днях заползла тигровая змея, очень ядовитая и опасная. Я ее застрелила из дробового пистолета». Спрашиваю: «А если ко мне в номер заползет?» Отвечает невозмутимо: «Мне скажите, я ее тоже застрелю»

— Ваши работы находятся во многих известных музеях. Для художника это важно?

— Важно — мягко сказано. Это великая честь, особенно когда речь идет о таких музеях как Пушкинский

или Русский. Если это случилось, художнику можно уже спокойно «умирать» — его творчество уже высоко оценили. Кроме того, это еще важно для тех людей, которые потом приходят к тебе в мастерскую купить работу и удивляются: «А что так дорого? Обалдел, что ли?» А ты им с улыбкой отвечаешь: «Загляни, в каких коллекциях они хранятся!»

— Вы согласны с тем, что «художник должен быть голодным, слегка поддатым, свободным и в оппозиции ко всему неидеальному окружающему миру»?

— То, что вы сейчас перечислили — это стереотипы. Голодать не должен ни один человек. Должен быть поддатым? Допускаю. Это со-

всем не плохо, если печень выдерживает. У Жени Моргулиса есть такие строчки: «Поднят ворот, пуст карман. Он не молод и вечно пьян. Он на взводе — не подходит. Он уходит всегда один. Но зато мой друг лучше всех играет блюз...» Это я к чему? Художники все разные. Один может быть успешным, богатым, с дачами, яхтами, и при этом быть замечательным художником. А другой будет вечно пьяный, в оппозиции... и так далее, и при этом никому не нужный. Тут нет четких правил.

— Говорят, что признак гениальности художника — это когда его картины либо украдут, либо серной кислотой обольют, как «Данаю» Рембрандта?

— Признак гениальности — это когда пройдет лет двести после его смерти, а этого художника будут вспоминать. У нас же сейчас любят раздавать эпитеты — «гениальный художник», «гениальный актер», «гениальный писатель»... А «звезды» у нас вообще все! Только время может расставить все по местам: кто гений, кто фуффло.

— Сергей, сегодня вы известный «охотник за рецептами», издали кулинарную книгу «Полная чаша». Откуда и в кого у вас такой дар?

— Готовить я умел с детства. В нашем доме все прекрасно готовили — и мама, и бабушка, и моя старшая сестра. А «профессионально» я стал заниматься кулинарией

с 1996 года, когда мои знакомые пригласили меня в одну газету писать о еде. Я написал про осетровую солянку. С тех пор и понеслось... Потом Миша Ширвиндт предложил идею — нам с Любой Полещук вести на Первом канале кулинарную программу «Охотники за рецептами». А Любе всего этого не надо было вообще. Она сказала: «Ну ладно, раскручу я тебя!» Мы ездили в Венгрию, Среднюю Азию, Израиль, Коктебель и сняли 16 программ для ОРТ. А потом... Любы не стало. Через какое-то время мы эту же передачу стали вести с нашей дочерью Машей на Домашнем канале. Вот так я стал «кулинаром». До сих пор пишу статьи в разные издания.

— Тысячелетиями люди спорят о правильном питании, что

нужно есть, чтобы быть здоровым, жить долго и счастливо. У вас есть свой рецепт?

— У нас на Арбате раньше был рыбный магазин на углу, его сейчас уже нет. И там я прочел такие строчки: «Быть здоровым и красивым хочет каждый человек. И ему поможет в этом рыба — серебристый хек!»

— Вы с такой иронией это цитируете...

— Я говорю с иронией, потому что есть люди, которые делают все неправильно, но, тем не менее, живее и здоровее всех живых. Когда речь идет о здоровом питании, я всегда привожу в качестве примера мою бабушку — как она ужинать садилась. Бросала на сковородку большой кусок сливочного масла, вареные, оставшиеся от обеда ма-

кароны и жарила это все с луком. Сверху разбивала яйцо, ставила на стол банку шпрот. Заваривала кипятком в большой гжельской чашке кофе покрепче. Рядом обязательно огромными стопками стояли томики Агаты Кристи, Сименона (естественно, в подлиннике!) Если у нее болела голова, завязывала на голове чулок, садилась есть и параллельно читала. Говорила, что на ночь человек должен наедаться — тогда вся кровь приливает к желудку для переваривания пищи, голова отдыхает, и он высыпается прекрасно! Надо сказать, что бабушка была здоровой и бодрой практически до самой своей смерти.

Что касается меня, то... Хороший врач недавно мне честно сказал: «Серег, если ты будешь жить так, как мы тебе посоветуем, зачем нужна такая жизнь? Живи на всю катушку и радуйся жизни!» Я так и делаю. И чем старше становлюсь, тем больше довлею к простоте. Простой, но хороший кусок мяса, простой кусок сыра, кусок хлеба. И много-много печеного лука... Для меня ничего вкуснее нет на свете! Но, тем не менее, день я начинаю с овсяной каши. Это очень полезно! Надо, как говорила Люба, «смазать кишку». Утром вообще надо плотно есть, потому что это заряд, если не на целый день, то на полдня точно. Безусловно, полезны первые блюда. Овощные крем-супы, щи, борщи — мы с дочкой все время их готовим. Это недорого, вкусно и полезно! Есть какие-то вещи, которые я

безумно люблю и делаю их часто. Например, кислые щи с грибами. Что может быть легче? Замочил, затем процедил сухие грибы, немножечко зажарил лука с морковкой на сковородочке, зарядил все это кислой капустой. Все! А суп гороховый с копченой рулькой или копчеными ребрами?! Отварил их, снял шкурку, вынул косточки, мелко нарубил... Хотя по ингредиентам вреднее трудно что-либо придумать. Горох — это чистый крахмал, свинина — самое жирное холестеринное мясо. А вкуснятина такая, что можно язык проглотить.

— Можно сказать, что вы — гурман, любите, когда вкусно...

— Если исходить из того, что гурмэ — это тонкий ценитель еды, а гурман — это обжора, то, конечно, я, скорее, обжора. Люблю много поесть...

— По вашей фигуре этого не скажешь.

— А я 15 раз в день стою на весах и слежу за весом. Сейчас во мне есть лишний вес. Поэтому я играю в теннис, стараюсь вести активный образ жизни. Теннис — это святое, если меня зовут играть, бросаю все!

— Когда не стало Любви Полещук, столько на страницы СМИ вылилось всякого вранья, сплетен. Как вы все это пережили?

— Пережил. Хватило, значит, сил, здоровья. Подобное происходило,

когда ушли Саша Абдулов, Олег Янковский, Михаил Козаков... Людям нужны жареные факты, им не интересна правда. Противно! Без Любы... я много стал ездить. Так мне легче, я все время занят и спешу куда-то. Это помогает, человек постоянно должен быть чем-то занят.

— Правда, что после того, как не стало супруги, вы перестали верить в высшую Справедливость?

— Когда не стало Любы... Если на этой земле раньше времени, ни за что ни про что, уходят самые лучшие, никому не сделавшие зла, а всякие откровенные мерзавцы и ворье, подонки и убийцы живут и здравствуют до самой смерти, — невольно разуверишься.

Но я считаю, что со всеми своими проблемами справляюсь самостоятельно. Так вот и живу. □

Беседовал **Андрей Колобаев**

Дорогие читатели!

Спасибо всем, кто принял участие в нашем конкурсе! На этот раз участников было даже больше, чем в предыдущем году, всего в конкурсе «Житейские истории» приняли участие более 2 тысяч человек. А победителями стали:

1-е место — денежная премия в размере **3999 рублей** и публикация в номере — Анна Попова, г. Рязань (рассказ «Одесский дворик»)

2-е место — денежная премия в размере **3000 рублей** и публикация в журнале — Сергей Рыжков, г. Санкт-Петербург (рассказ «У бабушки Катерины»)

3-е место — денежная премия в размере **2000 рублей** и публикация в журнале — Всеволод Власов, г. Москва (рассказ «Сделаем все, что сможем»)

Удачи всем и счастья в Новом году!

Анна Попова

ОДЕССКИЙ ДВОРИК

Утро в одесском дворике всегда начинается рано. Едва только солнышко поднимется из морских волн и робко заглянет во дворики Молдаванки и Пересыпи, жизнь в них начинает бурно кипеть. Одесса не может себе позволить долго спать. Раннее утро зовет моряков в море за уловом и капризной рыбацкой удачей, у грузчиков в порту много работы: одни корабли надо разгружать, другие загружать. Ни свет ни заря, спешат рабочие

на судоремонтный завод. Рано утром просыпается Привоз, на который хозяйки торопятся с корзинками: ряды «синеньких», «красненьких», душистых персиков ждут своих покупателей. А рыбные ряды? Разве могут ждать рыбные ряды? То, что совсем недавно плавало и наслаждалось вольной жизнью, в своем огромном разнообразии лежит на прилавках еще практически живое, безмолвно хватая ртом воздух. Именно сейчас оно самое вкусное, именно сейчас его надо как можно скорее нести домой, чистить, а потом жарить, тушить, варить.

В это утро во дворе на Болгарской улице было все как обычно. Его обитатели тоже не привыкли залеживаться в постелях. Еще не коснулась малая стрелка часов на брегете дяди Фимы цифры 7, а к уборной выстроилась традиционная очередь. На этом своеобразном построении присутствовали все члены маленькой дворовой коммуны, которая по праву может считаться вполне репрезентативным срезом всей Молдаванки, а, может, и всей Одессы. Подождите, а вы знаете, что такое Молдаванка? Если нет, то тогда слушайте сюда. Молдаванка, как район города, возникла недалеко от главного торгового сердца Южной Пальмиры — Привоза. Почему Привоз? Так это вообще очень просто: когда этот рынок только возникал, не было ни павильонов, ни торговых рядов. Торговали прямо с телег, ну и, естественно, все друг друга спрашивали, а что ты привез? А привозили на Привоз не пучок петрушки или пару ведер «красненьких» (это уж знают все — «красненькими» в Одессе называют помидоры), здесь просто посмеялись бы за эту пару ведер. «Красненькие», впрочем, как и «синенькие» (конечно же, вы поняли, что речь идет о баклажанах), полосатые арбузы, желтые дыни привозили телегами. Понятно, что за день это не продашь. Следовательно, нужны были постоянные дворы с сараями, конюшнями, трактирами. Так и возникла Молдаванка — самый многонациональный и самый многоликий кусочек Одессы. В одном дворе соседями могли оказаться люди разного вероисповедания, разного уровня образования, мелкий жулик мог иметь в соседях профессора, директора магазина и даже милиционера.

Так было и в этом дворе. Самой приметной фигурой в очереди к отхожему месту была тетя Сима, дородная брюнетка неопределенного возраста. Муж у нее пропал без вести в военную пору, оставив ей двух сыновей, которые давно уже выросли. Сама Сима работала буфетчицей на Привозе в одной из закусовых. Послевоенное время сытым не назовешь, но тетя Сима худобой не отличалась, когда она возникала в середине двора, многим невольно хотелось подвинуться. А если к этому добавить громовой голос, похожий на звук большой трубы в духовом оркестре, то становится понятно, что тетя Сима по праву может быть названа фельдмаршалом этой коммуны. А какой маршал без армии? Конечно, сосед дядя Вася — уличный сапожник — это

не совсем полноценная армия, но для руководящих действий вполне подойдет. Дядя Вася и тетя Сима официально не были расписаны, но кого волнуют такие мелочи, когда обоим уже не по 18 лет. Их общей дочке исполнилось восемь.

Не менее примечательной фигурой был и дядя Фима. Дядя Фима считался самым образованным в этом дворе. Он окончил математический факультет, до войны учительствовал в школе. Мог бы и в институте, но туда его не брали из-за того, что не был членом партии, а в партию не брали из-за пресловутого «пятого пункта». Когда враг начал рваться к Южной Пальмире, учитель эвакуироваться не успел и, невзирая на сложные отношения с советской властью, сам нашел партизанское подполье и стал связником в отряде Бадаева. Худой, сутулый, нескладный, да еще в очках, то бледнеющий, то краснеющий, он умел производить на румын и немцев нужное впечатление — заморыш и недотепа, которого постесняются взять в свои ряды даже самые неуспешные армии мира. В то же время прекрасная память, феноменальная наблюдательность, свободное владение немецким языком делала дядю Фиму незаменимым для отряда. В общей сложности учитель несколько недель прожил с партизанами в катакомбах, чем окончательно подорвал свое здоровье, преподавать в школе уже не мог, жил тем, что делал на дому бухгалтерские расчеты для пары артелей. Он часто болел, о его приближении можно было узнать по шаркающей походке и надрывному кашлю. Выхаживать дядю Фиму было некому. До войны у него были жена и дочка, но в оккупацию им не посчастливилось оказаться на улице, когда фашисты хватали всех подряд для карательной акции.

Во дворе было принято обращать внимание, а вышел ли сегодня из своих комнат дядя Фима? В случае отрицательного ответа к нему отправлялся гонец, который, обнаружив бывшего партизана в кровати, давал команду разворачивать весь спектр необходимых действий: бежали в аптеку, в магазин, приносили в комнату теплую грелку, кастрюльки, от которых шел ароматный запах. Через пару дней дядю Фиму совместными усилиями получилось поставить на ноги, и он возвращался к обычной жизни.

Чаще всего к бывшему учителю заходил одиннадцатилетний Юзик, который жил в этом дворе с матерью Фаиной и старшим братом Яшей. Дядя Фима охотно помогал детям с уроками. Впрочем, отец у мальчиков тоже имелся. Марк Моисеевич мог быть назван местной элитой: он прекрасно играл на скрипке, зарабатывая игрой по вечерам в ресторане. Скрипка для него была практически одушевленным предметом, даже жене он не разрешал к ней прикасаться. Он всегда говорил, что, если бы не скрипка, то не выжил бы в годы войны. Марк Моисеевич служил сапером и утверж-

дал, что именно этот музыкальный инструмент научил его точно чувствовать мину и предсказывать ее поведение.

Завершают портретную галерею этого одесского дворика еще два персонажа. Старая старуха Матильда, немка, в годы войны она не только не афишировала свое происхождение, но тщательно старалась его скрыть, требуя, чтобы ее все называли исключительно Мотей. С ней жил внучатый племянник Витька, балбес лет девятнадцати, не имеющий постоянного места работы. То он нанимался на рыболовецкое судно, то таскал ящики в порту, то подряжался в артель, которая плела сети. Пару раз он имел конфликты с милицией по поводу мелких краж и драк.

В то утро именно он стал элементом, который задерживал продвижение очереди в ее обычном ритме. После некоторого томительного ожидания первой подала голос тетя Сима:

— Витек, ты долго будешь делать там сон?

— Мадам, шо вы так кричите? — попытался вступиться Марк Моисеевич. Ему не надо было утром спешить на работу, поэтому он мог себе позволить быть снисходительным к другим людям. — Может, мальчик съел што-то не то, таки шо ему теперь за это — умереть?

— А нам за шо умирать? Таки надо соображать за то шо ешь, тогда не будешь думать за свою жадность в тот момент, когда всему двору надо. — «Фельдмаршал» была неумолима. Это некоторым надо на работу только тогда, когда другие уже домой возвращаются, а у нее Привоз ждать не будет, кому-то и выручку надо делать. Возмущенный возглас был подкреплён пинком в дверь.

— Осторожнее, Серафима Львовна, таки можно и сломать общественное имущество. А кто потом будет делать починку? — покашливая, вступил в этот концерт дядя Фима.

— Фима, я, конечно, вас уважаю, но зачем он делает нам всем нервы? А починить — Василий починит. У него хоть и руки задом наперед пришиты, но где и за шо чинить, ему известно. — Реплика сопровождалась соответствующим взглядом в сторону Василия, который, впрочем, не проявлял никаких эмоций. И это было понятно, в данной ситуации говорить что-то бесполезно, это все равно, что пытаться остановить боевой корабль.

— И в самом деле, сколько можно? Таки весь двор скоро побежит к соседям, словно на праздник, только не поест, а наоборот, — взяла сторону тети Симы Фаня. Бить в дверь ногой она не решилась, только постучала своим худым кулачком по двери:

— Витя, ты случайно не продал вчера свою совесть старьевщику за пару шариков на резинке?

Наконец дверь деревянного строения отворилась, и на улице, смущенно улыбаясь, показался Витек.

— Ты шо, обалдел? Таки не мешало немножко думать за других! Еще пару минут, и всем это учреждение было бы без надобности! — посыпался со всех сторон поток претензий..

Виновник недовольства поспешил ретироваться, трудно спорить со всеми сразу, а уж если во главе всех стоит тетя Сима! Однако вирус скандала был посеян. Ареной новых военных действий стал общий стол, который стоял во дворе рядом с колонкой. Колодец или колонка были традиционным атрибутом всех одесских дворов, как и общий большой стол. В теплое время года процесс приготовления пищи переносился на улицу, на стол хозяйки выносили свои примусы, кухонные доски и прочие орудия труда домохозяек. Тут чистили рыбу, а точнее, рибу, мыли фрукты и овощи, обсуждали новости, тут ставились еще и плошки с водой для обязательных обитателей одесских дворов — котов и кошек. Представить Одессу без дворовых котов так же невозможно, как представить море без чаек и кораблей, Потемкинскую лестницу без Дюка, а Привоз без рыбных рядов. Учитывая портовый характер города, в Одессе всегда была актуальна борьба с грызунами, поэтому к хвостатым и усатым сожителям обитатели всех районов Одессы относились с уважением.

Тут вместе отмечали дни рождения, государственные праздники или просто приезд какого-нибудь родственника из другого города. Однако именно здесь возникали также и многие скандалы и споры. Так было и на этот раз.

— Мотя, а не много ли вы заняли места? Вы таки решили, шо остальные умерли, и им место нужно только на кладбище, а не за столом? — Реплика тети Симы была обращена к Матильде, которая задумала готовить икру из «синеньких» и аккуратно разложила на столе несколько пузатых баклажанов, ряд румяных помидоров, луковиц, чесночную головку и стручок красного перца. Доля правды в этом была: стол, конечно, большой, но аккуратная немка выложила овощи стройными рядами с четкими интервалами в несколько сантиметров. А овощей, естественно, было много. В Одессе готовят не только вкусно, но и много. И если в утренней перепалке Матильда уклонилась от участия, то здесь она имела, шо сказать.

— Тетя Сима, шо вы сделали манеру меня учить? Можно подумать, шо этот стол был дан вам в качестве вашего приданого! Не капайте мне на мозги, тем более шо вы сейчас ничего не готовите.

Тетя Сима и в самом деле ничего не готовила. Она стояла у колонки и смолила папироску. Впрочем, к колонке она вышла за новостями, но новостей не было, в такой ситуации небольшой скандалячик тоже сойдет.

— Сима, шо вы делаете нервы из-за пустяка? Вы сейчас и в самом деле ничего не готовите, — вступилась за старую немку Фая.

— А вам какое дело, готовлю я или нет? Вы таки должны делать понимание, шо данный стол не является частной собственностью. Местами он мне тоже бывает нужен. Можно подумать, что эту мебель делал ваш скрипач. Он же ничего тяжелее скрипки не держал в руках. Где он думал, когда учился этой музыке?

— А шо вам сдалась эта музыка? Мой муж работает не абы где, он служит искусству! — Фая была искренне оскорблена.

— Ха, не делайте мне смешно! «Служит искусству»! Где делают это искусство? Можно подумать, ваш Марк Моисеевич служит в оперном театре. Вы мне не напомните, он там первая или вторая скрипка? — Тетя Сима выпустила вверх струю дыма.

— Соня, напрасно вы так, играть в ресторане, это, конечно, не самый цимес, но тоже искусство. Марк доставляет своей скрипкой радость людям, которые пришли культурно отдохнуть, — возразила Матильда. «Синенькие» и «красненькие» потихоньку исчезали со стола, но о первой причине конфликта уже все забыли, на повестке дня был более важный вопрос.

— О, да, это я понимаю, они пришли культурно отдохнуть! Пожрать еды, которую погано приготовили, и выпить пиво, которое разбавили. Вы просто не умеете готовить, шо говорите за культурный отдых в ресторане! — Словам тети Симы — опытному работнику общепита — не было оснований не верить.

— Нет, вы мне просто начинаете нравиться! Я не умею готовить! Это вы не умеете готовить! Где вы есть со своей стряпней? — Матильда дошла до кондиции и уже пускала в ход самые тяжелые бронебойные снаряды. Снаряд достиг цели. Одесситка, которая не умеет готовить, — это глубокий нонсенс, а уж про тетю Соню такое сказать... На кухне она была таким же богом, как Марк Моисеевич в музыке, а дядя Фима в бухгалтерии. Поэтому реакция была соответствующая:

— Вы таки посмотрите на эту мадам! Можно подумать, шо она целый Паганини на кухне. Таки вам надо заготовить вывеску: «быстрый морг», и поставить ее рядом с вашим примусом, шоб никто не попробовал на раз вашу стряпню — на два он уже пробовать не сможет. Не случайно ваш Витек сегодня из сортира выйти не мог.

— Я вас умоляю, не надо делать всем смешно, он вчера дома даже не столовался. Ему Фанька супчика налила, вот его и пронесло, — отбивалась Матильда.

Информация о том, что Витек ел супчик у Фани, вызвала оживленный интерес у публики, кажется, на эту новость среагировали даже лежащие в тенечке коты, они лениво подняли головы и повернули их в сторону женщин. Тетя Сима тоже не смогла остаться равнодушной:

— Я интересуюсь знать, а за шо вы Витька кормите? Может, вам очень скучно, пока Марк Моисеевич играет свои шлямсы в ресторане?

— Как вам не стыдно! Отдохните от этой мысли! — возмущилась Фаина. — Нужен он мне, как зайцу стоп-сигнал! Просто нам надо было повесить полку для книг, вот я Витька и попросила.

— Здрате вам через окно! А шо, у Марка немножко отсохли руки, и он не может вбить гвоздь? — У Матильды проснулся интерес к похождениям своего племянника.

— Марк — на минуточку музыкант, и он должен беречь руки, он зарабатывает ими на жизнь. Мы и позвали Витька, а в благодарность я налила ему юшки. Мотя, вы сами просили дать вашему мальчику подзаработать.

— Да, именно заработать, но не травить его вашей юшкой! Вы таки ее готовили, видимо, из бычков, по которым поминки справили еще в прошлом году.

Оставить это без ответа Фаина не могла, ибо честь хозяйки ей была не менее важна, чем честь порядочной женщины:

— Вот только не надо делать невинность на лице, Мотя, будто бы вы не знаете за то, шо ваш Витька шмурдяк какой-то пил, странно, шо его только несет, как он вообще еще немножко не умер.

Силы в домашней ссоре передислоцировались, то Фаня и Матильда держали оборону вдвоем против тети Симы, то сейчас Матильда и Фаня нашли повод, чтобы скрестить шпаги друг с другом. Естественно, интригой дня был вопрос, какой лагерь поддержит тетя Сима. Она поддержала Фаню:

— Таки и в самом деле, где ваш племянник думать начнет? Если Витек решил угробить себя через эту водку, то это его глубоко личное дело, но за шо он и приличным людям спать не дает? На прошлой неделе чуть не всю ночь гарланил песни, когда я на минуточку собралась поспать. Такого босяка еще поискать по всей Одессе!

Не успела Матильда открыть рот для достойного ответа, как из дома вышел сам Витек. Проблемами со слухом он не отличался, поэтому решительно вступил в разговор:

— Дико извиняюсь, но я интересуюсь знать за босяка? Таки с какой стати я босяк?

— Так ты и есть босяк! И не делай морду, шо не гарланил песни за ночь назад. — Тетю Симу было трудно смутить.

— И шо с того? Можно подумать, я один выпиваю. Можно подумать, Васек не употребляет!

— Ты себя, босявка, не сравнивай с трудовым человеком! — нарисовалась во дворе фигура самого Василия. Природа наделила его высоким

ростом и широкоплечей фигурой. На фронте он воевал в разведротте, не раз ходил за линию фронта за «языком», причем последнего он чаще всего вырубал кулаком, а потом приносил на плечах как барана. И сейчас вид у него был внушительный. И аргументы у него тоже были внушительные:

— Ша! Я каждый день на работу хожу! Чиню сапоги и туфли честным труженикам! А по тебе участковый сколько раз заходил! Матильда, ловите ушами моих слов: будете передачи за Чумку носить, если племянник будет делать манеру без работы сидеть!

За Чумкой находилась тюрьма, поэтому Витек отреагировал резко:

— А щас, разбег возьму! Решил за себя, шо почти самый умный на этой улице?

У Матильды положительных эмоций замечания бывшего разведчика тоже не вызвали:

— Типун тебе на язык! Смотри, сам не присядь туда! Мальчик просто ищет себя!

— Вот зря вы ему защиту делаете, тетя Мотя! И в самом деле, пойдет он у вас скоро по этапу, если за ум не возьмется! — включилась в обсуждение новой темы Фаина.

— Ой, тоже мне труженица нашлась, мадам, вы же сами целый день дома сидите! — парировал Витек.

— За шо ты говоришь? Да, я не хожу каждый день на службу, но я же работаю, я работаю на дому! — изумилась Фаина.

По профессии она была портнихой, все войну в эвакуации проработала на фабрике, выпускающей военное обмундирование, сейчас шила на дому. Законы тех лет вполне допускали подобную индивидуальную трудовую деятельность на дому. Делала Фаня работу качественно и быстро, поэтому заказчиков у нее хватало, порой женщина целый день не поднимала голову от шитья. Однако в глазах тех, кто ходит каждый день на работу, в том числе и в точку общепита, надомница выглядела тунеядкой.

— Я дико извиняюсь, но шо это за работа? Ковырять иглой много ума не надо! Можно подумать, шо я не умею заплатки ставить! — У тети Сони за аргументами не заржавеет.

— Таки вам никто и не мешает вместо гешефта с разбавленным пивом сидеть дома и ковырять иглой, — вступился за жену Марк Моисеевич.

— Шо? Это я делаю гешефт разбавленным пивом? — Тетя Сима была оскорблена до глубины души. — Да у нас самое лучшее пиво на Привозе! И самые вкусные биточки из тюлечки! Готовить биточки из тюлечки — это не заплатки ставить и не на скрипке пиликать!

— Убиться веником! Моя скрипка служит народу! Это сапоги шить может любой, а вы, если не понимаете, то замолчите свой рот! — Марк Мои-

сеевич мог простить многое, но только не наезды на музыку, скрипку и искусство в целом.

— Тогда ходите на улицу и шейте! Это пиликать на струнах может каждый, а сапоги шить — тут мозги надо иметь! — Васек тоже не мог спокойно относиться к попыткам недооценивать его вид деятельности.

— Может, тогда мы будем иметь за счастье услышать от вас полонез Огинского?

— Зачем мне эта ваша буржуазная музыка? Мне достаточно того, шо вы делаете нам нервы каждый день этим полонезом!

Во дворе не осталось уже практически ни одного участника этой словесной баталии. Впрочем, в разборке не участвовали дворовые коты, дети (они были в школе) и ... дядя Фима, который был очень тихим человеком, а кричать на уровне тети Симы не позволяли больные легкие. Однако сегодня все случилось иначе. Негромкий кашель известил о появлении еще одного жильца этой небольшой коммуны.

— Я дико извиняюсь, но какой гец вас всех укусил? Вы делаете такой бардак, шо слышно, наверное, в городском саду. И самое главное, вы мне-таки мешаете! — Голос дяди Фимы звучал укоризненно.

— Убиться веником! Мы ему мешаем! Можно подумать, шо он министр финансов! Хорошо устроился — два плюс пять складывать и иметь возможность сильно спать, пока другие на работу идут. — Витьку понравилась идея обвинять надомных работников в тунеядстве.

— Уважаемый Виктор, если бы вы не бросили школу, то вполне тоже могли бы служить счетоводом или бухгалтером.

Неожиданно дворового балбеса поддержал Василий:

— Да за шо ему сдалась эта математика? Я помню, он через эти уравнения чуть больным не сделался!

— Я предлагал свою помощь! Я же мог заниматься с ним.

— И это правда. Дядя Фима помогает моему Юзику делать уроки по математике и физике, — вставила Фаня.

— И шо с того? Все равно оболтусом вырастет ваш Юзик: он у меня сигаретки стрелял, — с удовольствием заложил представителя подрастающего поколения Витек.

— А зачем же ты ему их давал? — возмутились в один голос Марк Моисеевич и Фаня.

— Дядя Фима, неужели вы не замечали, шо от нашего сына табаком несет, когда ему за математику толковали? Не могли ему замечание сделать? — У скрипача возникли претензии к бывшему партизану.

Естественно, это вызвало возражение:

— Нет, мне это нравится! Я должен делать пригляд за их сыном? Может, я еще должен и с ложечки его кормить?

Неизвестно, сколько продолжалась бы эта словесная баталия, если бы тетя Сима не спохватилась, что ей надо спешить на работу. С собой она увела и Василия. Дядя Фима тоже не мог продолжать ссору, во-первых, он не был любителем подобных действий, во-вторых, расчеты не могли ждать. Не могли ждать и клиенты Фани. А у Матильды на повестке дня была икра из «синеньких». Зря она, что ли, овощи чистила? У Витьки тоже нашлись какие-то дела. Словом, все участники конфликта разошлись, крайне недовольные друг другом и в твердом убеждении никогда больше не общаться.

Вечером, когда солнце стремилось к закату, во двор вернулся Василий. После рабочего дня душа просила отдыха, под которым понималось: хороший обед, выпивка и, конечно, разговор по душам. С первым пока не склеивалось — тетя Сима приходила позже. А вот со вторым и третьим, похоже, что-то намечалось: только Василий переступил калитку, в чугунных воротах ему на глаза попался Витек. Первым движением было отойти сторону или хотя бы отвернуться после утренних разборок, но тут зоркий взгляд бывшего разведчика разглядел выглядывающее из кармана горлышко бутылки.

— Стой, опять пьешь? Матильде скажу! — Угроза имела четкий смысл, и он легко был угадан молодым человеком:

— Не надо! Давай ее вместе, а?

Собственно, именно это и требовалось. Вот только чем закусить? Впрочем, ответ на этот вопрос тоже стал вырисовываться: на крылечке сидел Марк Моисеевич и курил. У него сегодня был выходной, и он только что вернулся из булочной. На перилах крыльца висела авоська, в которой виднелась буханка черного хлеба и пучок лука, купленный, видимо, прямо на улице. Чем не закуска? Поэтому прозвучал классический вечный вопрос: третьим будешь? Марк Моисеевич пил редко и мало (иначе руки будут не слушаться), но в честь выходного мог пропустить рюмку. С закуской вопрос решили. Теперь оставалась еще одна насущная проблема: где? Необходимо было скрыться от женской и детской части двора. Дядя Фима! Вот к кому надо обращаться, и компания мужчин робко постучалась в дверь счетовода.

— Дядя Фима, ты как? — робко спросил Василий. — Я вот за шо подумал, может, у тебя сапоги порвались, или тебе надо шо, ты скажи.

Дядя Фима кивнул головой, он сразу понял, что к чему, и возражать не собирался: пить он не пил, но посидеть в хорошей компании тоже мог. Не может все время человек жить только своей болью и одиночеством, поэтому он не только с радостью бесплатно занимался с детьми математикой и физикой, но также мог и составить компанию в задушевном мужском разговоре.

В это время во дворе тоже жизнь не стояла. Когда тетя Сима вернулась, она сразу увидела, что ее восьмилетняя дочка сидит за деревянным столом и ест борщ, причем из чужой тарелки. Чужой, но хорошо знакомой: такой сервиз с голубыми незабудками был в семье скрипача. Рядом с девочкой сидел Юзик и тоже ел борщ, дети ели борщ сосредоточенно и одновременно обменивались последними школьными новостями.

— А у нас сегодня был диктант! — гордо сказала девочка.

— А у нас Колька окно разбил! — ответил мальчик.

Тут появилась Фаня. Увидев тетю Симу, она напряглась и, как бы извиняясь, произнесла:

— Я вот тут борща наварила. Гляжу, ваша девочка во дворе ходит, из школы пришла, а накормить некому, вот я ей тарелочку и налила.

Это одна из примет одесских дворов: дети всегда становились объектом защиты и пригляда всех жильцов дома. Накормить чужого слоняющегося по двору ребенка было обычным делом, при этом склока с матерью этого дитя не была преградой, он же ни в чем не виноват! Девочка доела борщ, положила ложку и произнесла:

— Спасибо, тетя Фаня, было очень вкусно!

Обе женщины с умильной улыбкой посмотрели на ребенка. Взгляд тети Симы потеплел, это не могла не уловить и Фаня.

— Хотите, и вам налью тарелочку?

— Да уж шо там, налейте. Устала, как лошадь на свадьбе, сил готовить нет!

Фаня отошла за тарелкой и в это время во двор вышла Матильда.

— Мотя, вы не видели Василия? — спросила тетя Сима.

— Я сама за своего Витька хотела спросить, — ответила пожилая женщина.

— Кажется, я знаю за них. У дяди Фимы они, — выходя с тарелкой в руках, выдвинула версию Фаня.

— Шо делают? — Вопрос Матильды Генриховны звучал наивно, что сразу озвучила тетя Сима:

— Таки пьют, небось, и опять без закуски.

— Так надо их позвать, я много борща наварила, — предложила Фаня.

Тетя Сима подняла голову и произнесла своим громовым голосом:

— Граждане, ваша явка провалена, следуйте сюда!

Естественно, информация дошла до адресата: в теплую погоду окна практически не закрывались, и все, что происходило во дворе, было прекрасно слышно в комнатах. Поэтому неудивительно, что в проеме окна появилась широченная фигура Василия, который коротко и ясно доложил:

— Идем!

Минут через десять за деревянным столом у колонки опять собрались все члены этой небольшой коммуны. Недопитая бутылка была поставлена в центр стола, рядом пристроили недоеденный хлеб и лук, огурцы. Фаня спешила с новыми тарелками.

— Ой, а икру из «синеньких» я чуть не забыла! — спохватилась Матильда Генриховна.

И тарелка с икрой была торжественно принесена на стол. Плюс ко всему этому, тетя Сима достала из сумки кружок колбасы.

Обитатели двора на Болгарской ели, нахваливали борщ Фани и икру Матильды Генриховны, говорили о жизни.

— Витек, я слышал за место на судоремонтном заводе. Хочешь, за тебя похлопочу? — предложил соседу Василий. — Ты пойми, нельзя всю дорогу в этой жизни ничем не заниматься. А там коллектив хороший, зарплата тоже ничего!

Матильда Генриховна с испугом посмотрела на племянника, но тот, вопреки ее опасениям, не стал отбиваться надуманными причинами, а коротко проговорил:

— Хочу, попроси, на заводе по любому лучше будет, чем в этих артелях. Две большие разницы.

— Вот и умница, — кивнул головой дядя Фима, — будет шо не ясно, не стесняйся, приходи, спрашивай.

— Спасибо, дядя Фима, если тебе шо надо сделать, ты меня зови, ты же знаешь — у меня руки золотые.

— И правда, золотые, — согласился Марк Моисеевич, — все может, полку вот нам в один момент прибил.

— Таки и у тебя тоже ничего, так сделать музыку на скрипке только ты способен, — ответил Витек.

— Марк Моисеевич, таки, может, вы нам сыграете? — проникновенно попросила тетя Сима.

По двору поплыли волшебные звуки полонеза Огинского. Затем все вместе завели:

Споемте, друзья, ведь завтра в поход...

Они сидели за большим деревянным столом и дружно пели. Эти люди пережили самую страшную в истории человечества войну, вместе мужественно преодолевали трудности послевоенного десятилетия. Они были разные по судьбе, возрасту и образованию. И казалось, что нет силы, которая способна их разъединить. Они всегда будут вместе и рядом. И их дети, внуки и правнуки тоже будут вместе радоваться и переживать общие беды, вместе отмечать новые юбилеи Великой Победы. Так хочется в это верить! □

Светлана
Бестужева-Лада

СТАРООБРЯДЦЫ И РЕВОЛЮЦИЯ

У многих историков и просто думающих людей обычно вызывает удивление тот факт, что огромные деньги на революции 1905 и 1917 годов в России жертвовали богатейшие купцы и промышленники: Четвериковы, Рукавишниковы, Дунаевы, Живаго, Щукины, Востряковы, Морозовы, Мамонтовы и многие, многие другие. Зачем? Чем им-то не угодило российское самодержавие, да так, что его любим способом надо было свергнуть, не особо задумываясь о последствиях?

Ответ прост и сложен одновременно. Подавляющее большинство этих «спонсоров революции» были старообрядцами или, как их до сих пор кое-где называют, «раскольниками». Отказавшись принять церковную реформу патриарха Никона в 1650–1660 гг., часть русского православного общества поставила себя этим в положение изгоев в глазах основной части населения.

Но опять-таки все не так просто...

Старообрядцев в научной литературе иногда сравнивают с европейскими протестантами, что совершенно неверно. Во-первых, раскол в православной церкви обошелся минимальным количеством жертв и не разорвал государство на разные страны (что произошло в Европе), старообрядцы оставались жить в государстве, где власть принадлежала идейно-религиозным противникам. Но условия существования для них были откровенно дискриминационными, что побудило большинство из них переселиться за Урал. Несмотря на это, раскол был почти бескровным: православные старообрядцев не убивали. Но были жуткие случаи самосожжения целыми деревнями, когда власть пыталась приобщить старообрядцев к своим военным мероприятиям или (гораздо реже) насильно перекрестить. Их часто сажали в тюрьмы — вспомните знаменитую картину Сурикова «Боярыня Морозова» — истовую староверку в цепях везут в острог...

Современным людям, большинство из которых плохо разбирается в церковных таинствах, совершенно непонятно, почему все-таки произошел раскол в православной церкви, и какую роль в этом сыграл патриарх Никон.

Первым шагом Никона, сделанным сразу после вступления на патриаршество, было сравнение текста Символа Веры в московских богослужебных книгах с текстом Символа, начертанного на саккосе ми-

трополита Фотия. Обнаружив расхождения между ними, патриарх решил приступить к исправлению книг и чинопоследований. Примерно через полгода по воцелении на патриарший престол он указал опустить в издании Следованной Псалтири главы о числе поклонов на молитве преподобного Ефрема Сирина и о двуперстном крестном знаменнии и разослал по московским церквям «Память» о об этой замене. Так началась реформа, приведшая впоследствии к расколу в русской православной церкви.

Казалось бы, ну что изменится, если слово «аллилуя» вместо двух раз за службу произнести три раза. Для нас с вами — ничего. Для верующих людей того времени — практически все. Потому что для современных людей вера — это религия, а для наших предков вера была сутью и смыслом жизни.

Церковное размежевание XVII века поделило общество на два непримиримых лагеря: тех, кто не изменил старому обряду, и тех, кто послушно принял реформы патриарха Никона. Таким образом Россия разделилась внутри себя: на географической карте она была единой, на деле же образовалось два социума с разной социальной и культурной идентификацией.

Сам по себе термин «старообрядчество» возник вынужденно. Дело в том, что Синодальная церковь, ее миссионеры и богословы называли сторонников дораскольного,

дониконовского православия не иначе, как раскольниками и еретиками. Делалось это потому, что древнерусские старообрядческие церковные традиции, существовавшие на Руси почти 700 лет, на новообрядческих соборах 1656, 1666–1667 годов были признаны раскольническими и еретическими. Даже такой величайший русский подвижник, как Сергей Радонежский, признавался не православным, что вызвало явный глубокий протест у верующих.

Эту позицию Синодальная церковь взяла как основную и пользовалась ей, поясняя, что сторонники всех без исключения старообрядческих согласий отпали от «истинной» Церкви из-за своего твердого нежелания принимать церковную рефор-

кольниками, переложив на них ответственность за раскол русской Церкви, за якобы отделение от православия. До начала XX века во всей полемической литературе, издаваемой господствующей церковью, христиане, исповедующие дораскольнические церковные традиции, именовались «раскольниками», а само духовное движение русского народа в защиту отеческих церковных обычаев называли «расколом».

В книге «Пращица духовная», изданной по благословению новообрядческого Синода, так и говорилось:

«Раскольники не суть сынове церкви, но сущие преслушницы. Они достойны предании бытии к наказанию

Раскол православной церкви в России был почти бескровным: старообрядцев не убивали, но при этом были жуткие случаи самосожжения целыми деревнями, когда власть пыталась насильно их перекрестить. Староверов также часто сажали в тюрьмы — вспомните знаменитую картину Сурикова «Боярыня Морозова», в которой староверку Морозову в цепях везут в острог

му, которую начал приводить в жизнь патриарх Никон и продолжили в той или иной степени его последователи, включая императора Петра I.

На этом основании всех, не принимающих реформы, называли рас-

градского суда... достойны всякого наказания и ран.

А по не исцелении, и смертного убийения».

Староверие — это была та проигравшая религиозная конфессия,

которая подвергалась гонениям и давлению очень долго, едва ли не до второй половины XIX века. Для того чтобы выжить в чужеродной для них среде, в конфессиональном плане, прежде всего, конечно же, требова-

лось соединение каких-то коллективных усилий. Поэтому все развитие и выстраивание жизни староверов происходило не вокруг утверждения института частной собственности, а вокруг коллективных общинных

начал. То есть «все вместе должны поддержать жизнь и сохранить нашу веру». Именно так поступали и поступают все малые народы, потому выживают и преуспевают, как правило, больше, чем остальные. За что их, естественно, любят еще меньше.

Немаловажно, что среди верующих «по-старому» термин «старообрядчество» долгое время не использовался потому, что сами верующие так себя не называли. В церковных документах, переписке, бытовом общении они предпочитали именовать себя «христианами», иногда «староверами». Термин «старообрядче-

ство», легализованный светскими авторами либерального и славянофильского направления во второй половине XIX века, считался не вполне корректным. Смысл его указывал на сугубое главенство обрядов, тогда как в реальности старообрядцы считали, что старая вера — это не только старые обряды, но и совокупность церковных догматов, мировоззренческих истин, сохранение духовности, культуры и быта.

Поскольку в момент церковного раскола XVII века старообрядцы не вносили никаких нововведений, а остались верными древней православной церковной традиции,

то нельзя назвать их «отделившимися» от православия. Они никуда не уходили. Наоборот, отстаивали православные традиции в их неизменном виде и отказались от реформ и нововведений. Старообрядцы представляли собой значительную группу верующих древнерусской Церкви, состоящую как из мирян, так и из духовенства. По далекой от совершенства статистике тех времен их насчитывалось более двух миллионов, а некоторые ученые даже предлагают помножить это число на десять.

Не менее судьбоносны последствия раскола и в экономической сфере. Как известно, Петр I, давший импульс фабрично-заводскому развитию, столкнулся с нежеланием дворянства погружаться в производственные хлопоты. В дальнейшем уже само правительство не поддерживало хозяйственных инициатив дворянства, полагая, что его главная миссия состоит в служении царю и Отечеству, извлечение же коммерческой выгоды рассматривалось как своего рода «конфликт интересов».

Другое дело — старообрядцы, чье участие в подъеме российской промышленности хорошо известно. Однако староверческие реалии при этом имели мало общего с так называемыми «буржуазными ценностями». Находясь под государственно-церковным прессом, староверы вынужденно нацеливались не на получение прибыли в пользу кон-

кретных людей или семей, а на обеспечение жизнедеятельности своих единоверцев. Только такие общественно-коллективистские механизмы оптимальны в том положении, в котором жило русское старообрядчество. А потому его религиозная идеология освящала экономику, предназначенную не для конкуренции хозяйств и обоснования отдельной избранности, а для утверждения солидарных начал, обеспечивающих существование во враждебных условиях.

Даже частенько вынужденные переселяться на новые места, эти цельные люди обладали крепкой общинной и религиозной спаянностью, взаимопомощью, трезвым и здоровым образом жизни, любовью к земле-матушке, неистощимым трудолюбием, наблюдательностью и смекалкой, выносливостью в борьбе с суровой природой, стойкостью перед невзгодами, деловым практицизмом и трезвым расчетом. Путешественники и очевидцы утверждали, что поля у них отличались ухоженностью, села — довольством и зажиточностью, культура земледелия была высокой, славилось их пчеловодство.

Везде у староверов господствовал культ чистоты. Поддерживалась чистота жилища, усадьбы, одежды, тела. В среде староверов не было обмана и воровства, в селах не знали замков. Давший слово, как правило, держал его. Старших староверы почитали. Молодежь до 20 лет

не пила водки, курение вообще считалось страшным грехом. Крепость нравов ставилась в пример.

Это к концу XIX века запреты стали нарушаться, и за самовольство, непослушание предавали анафеме, не пускали в церковь. Только покаяние позволяло послушнику восстановить свою репутацию в обществе.

Повседневные религиозные отправления состояли в следующем. Каждый день старовера начинался и кончался молитвой. Рано утром, поднявшись и умывшись, молились, затем принимались за трапезу и за труды праведные — основу крестьянского благосостояния. Перед началом любого занятия обязательно творили Иисусову молитву, осеняя себя двуперстием.

Казалось бы, все дела и помыслы староверов были направлены к одной цели — сохранить те общественные отношения, которые существовали до утверждения крепостного права в России, сохранить старину — национальную одежду, обычаи и обряды, старую веру. Но не только в прошлое были обращены помыслы староверов. Они внесли большой вклад в развитие торговли и промышленности.

Институт частной собственности не играл в этом существенной роли. Все основывалось на общинном кредите, которым наделялись наиболее расторопные и предприимчивые. Движение капитала определялось внутренними потребностями, малопонятными для внешнего, офи-

циального мира. Особенно это касается этапа первоначального накопления, на что в царской России указывали многие. В купеческо-крестьянской экономике эти процессы протекали слишком стремительно. Данное обстоятельство подметил А.Н. Островский в своих «Записках замоскворецкого жителя» (1846). Его рассказ об одном купце-раскольнике начинается так: «Как он сделался богатым, этого решительно никто не знает. Самсон Савич был простым набойщиком в то время, как начали заводиться у нас ситцевые фабрики; и вот в несколько лет он миллионщик».

Подобное в российской действительности — правило, а не исключение. Знакомясь с историями успешных предпринимательских родов, сталкиваешься обычно с одним и тем же явлением: большие средства внезапно оказывались в распоряжении людей, ранее занимавшихся разве что незначительной торгово-кустарной деятельностью.

Взять, например, столь любимое историками семейство Рябушинских, точнее один факт, сыгравший ключевую роль в их восхождении. Основатель династии Михаил Рябушинский перешел в раскол из православия в 1820 году, женившись на старообрядке. До этого он был обычным мелким торговцем, но благодаря коммерческим задаткам стал купцом третьей гильдии.

В 1843 году произошло важное событие: супруги Рябушинские уст-

роили брак своего сына Павла с Анной Фоминой, внучкой священника Ивана Ястребова — одного из самых влиятельных деятелей Рогожского кладбища, где ничего не происходило без его благословения, в том числе и выделение общинных средств.

Доступ к деньгам сделал свое дело: через три года у Рябушинских появилась крупная фабрика с новейшим оборудованием, и это позволило им подняться на вершины предпринимательства Москвы.

Вот на таких основах раскол превратился в огромную конфес-

в руках дворянства, иностранных купцов и в стоимостном выражении не превышала 250 миллионов. Причем внутренняя торговля протекала преимущественно вне бирж. Этот торговый институт европейского типа не привлекал внимания русского купечества.

Например, московская биржа, открывшаяся в 1839 году, не очень интересовала местные деловые круги: большинство не спешило посещать ее, предпочитая собираться в трактирах по окрестностям.

Однако к концу XIX века ситуация в обществе и Российской империи

Староверие — это была проигравшая религиозная конфессия, которая подвергалась гонениям и давлению очень долго. Чтобы выжить в чужеродной для староверов среде, требовалось соединение коллективных усилий. Поэтому выстраивание жизни староверов происходило вокруг коллективных общинных начал

сионально-хозяйственную корпорацию, действующую на внутрисосисском рынке.

К середине XIX века обороты внутренней торговли, достигавшие ежегодно примерно 900 миллионов рублей, практически целиком приходились на произведенные и потребленные внутри страны промышленные товары. В то же время внешняя торговля, на 96% состоявшая из вывоза зерна, леса и сырья, находилась

начала меняться. Правительство с большим вниманием стало относиться к нуждам и запросам старообрядцев, и их деятельность стремительно расширялась.

Старообрядцы в начале XX века позитивно восприняли, что в официальной прессе термины «раскольники» и «раскольничий» стали постепенно заменяться на «старообрядцы» и «старообрядческий». Слово «старообрядчество» принималось

В.И. Ленин и В.Д. Бонч-Бруевич (дядя Том)

не только верующими. Публицисты и писатели, общественные и государственные деятели все активнее использовали его в литературе и в официальных документах.

В истории староверческого купечества есть две узловые точки. Об одной уже сказано — это середина XIX века, когда они, собственно, вошли в гражданское поле империи. И вторая узловая точка, которая отразилась на судьбе всей Российской империи, — это конец XIX-начало XX века, связанное с изменением курса царизма.

В чем, собственно, это было изменение? Министр финансов Витте выдвинул следующую идею, которая состояла в привлечении иностранного капитала в объемах, невиданных ранее. Логика была простая:

«Русское купечество — хорошее, никто не говорит. Но ждать, пока они достигнут нужных кондиций, когда они вырастут, можно очень долго. Мы безнадежно отстанем от запада. Поэтому нужно немедленно сделать рывок. Нужно сюда открыть ворота для иностранного капитала, прежде всего. Пусть они приходят сюда, обо-

рудуют производства, предприятия, делают какие-то промышленные активы. Это позволит сделать рывок вперед. А купечество? Хорошее, но пусть подождет».

То есть тем самым им указывалось на вторую роль, а они претендовали на самую главную «скрипку» в экономике. Им же было сказано, что ни о каких первых ролях с этих пор речи быть не может.

Это было для них столь обидно, что в результате купечество заняло особое, можно сказать, уникальное положение в оппозиционном движении. Они вложили огромные суммы в формирование механизма ограничения правящей бюрократии во главе с императором, и их интерес был прикован ко всем, кто разделял эти идеи. А идеи эти всегда тлели в среде интеллигенции и земцев...

Купечество прекрасно понимало, что разных там респектабельных земцев дворянского происхождения и умудренных знаниями профессоров недостаточно для продавливания модели по ограничению самодержавия и правящей демократии. Гораздо убедительнее, если все эти идеи будут звучать на фоне взрывов бомб и выстрелов из ружей. И тут нужны люди, способные обеспечить этот фон. И купцы охотно общались как с профессорами и земцами, некоторые из которых были князьями и графами, так и с теми слоями, которые могли осуществлять террористические акты и что-то тому подобное...

К концу XIX века на экономическом ландшафте России присутствовали три основные группы: старообрядческие купцы и промышленники, иностранный капитал и аристократы-помещики.

Самыми многочисленными, активными и деловитыми бизнесменами были старообрядцы — в то время на них приходилось около 60% всех капиталов империи. Но доля эта год от года, начиная с 1860-х годов, понемногу уменьшалась в пользу «иностраных инвесторов». Иностранцы отгрызали куски собственности и у аристократов — а те были только рады: новые собственники были близки им по духу, рассматривали Россию как колониальную территорию, а проживающий тут народ — как папуасов или индийцев. В общем, были своими.

В это время старообрядцы стояли перед выбором: сгнать под натиском иностранцев или выстроить в пику режиму русский, социально ответственный бизнес. Нормальный путь для всех стран того и более позднего времени, освобождающихся от колониальной зависимости и строящих национально-буржуазное государство.

Но ситуация осложнялась тем, что они были лишены политических прав — то есть легальных способов ведения борьбы за свои права. Более того, законы Российской империи ставили их в разряд низших каст, формально даже безграмотный, но православный крестьянин

из глуши по статусу был выше московского старообрядца-купца I гильдии.

Поэтому неудивительно, что старообрядцы вынуждены были войти в нелегальную политику, чтобы добиться ее легальности. Первым ша-

Тогда одна из представительниц могущественного старообрядческого клана Морозовых внесла 85 тысяч рублей на строительство трехэтажной марксистской школы. Землю под школу выделила Городская дума, которую возглавлял старообряд-

казалось бы, староверы стремились к одной цели — сохранить свои общественные отношения, сохранить старину — национальную одежду, обычаи, обряды, старую веру. На самом же деле помыслы их были направлены не только в прошлое, они внесли большой вклад в развитие торговли и промышленности

гом в этом направлении стала революция 1905 года.

Ей предшествовал примерно 10-летний период, когда старообрядческая буржуазия готовила кадры для террора и восстания.

Важную роль в замыслах русской буржуазии (сразу следует отметить, что на тот момент русская буржуазия на 90% состояла из старообрядцев) призван был сыграть марксизм. Еще в 1897 году старообрядцы основали у себя в Замоскворечье легальные «Пречистенские курсы», где рабочим и мещанам читали лекции о социализме. К 1905 году на них обучалось около 1,5 тысяч человек. Могло бы учиться больше, но старые здания не вмещали всех желающих ознакомиться с идеями Маркса-Энгельса.

дец Гучков, и в которой они составляли большинство, до 1917 года включительно. Более того, эта школа на изучение марксизма получала субсидию из городского бюджета в 3 тысячи рублей ежегодно.

После теории последовала практика. Русский буржуа Хлудов так описывал революцию 1905 года:

«Старообрядцы-рабочие убедились, что социальная справедливость не вечна, если зависит от воли иноверных частных собственников, и даже единовверных предпринимателей, вынужденных играть по правилам падшего мира. Старообрядцы стали бороться не с владельцами фабрик, а с антихристовой властью, мешавшей по-христиански распоряжаться фабриками и заводами».

Старообрядский буржуа Прянишников в конце 1890-х годов внедрил в марксистско-сектантские ряды эсдека, студента из Женевы Владимира Бонч-Бруевича, которому присвоил псевдоним «дядя Том». Бонч-Бруевич осенью 1898 года отправился в Англию в качестве организатора переселения духоборов с Кавказа в США и молокан — в Канаду. На деньги старообрядских купцов «дядя Том» устраивал там сектантов, а в 1904 году стал издавать для их российских собратьев журнал «Рассвет», где фигурировал как «старообрядец Семен Гвоздь». После победы революции 1917 года «дядя Том» стал главным посредником между сектантами всех толков и верхушкой советской власти. В частно-

сти, он возглавил и провел операцию по возвращению из-за границы десятков тысяч инакомыслящих, бежавших от царского режима (его брат Михаил, кстати, был активнейшим участником заговора против царя в 1917 году, а затем стал первым генералом, перешедшим на сторону большевиков).

В воззвании, распространявшемся в США и Канаде, говорилось:

«Рабоче-Крестьянская революция сделала свое дело. Все те, кто боролся со старым миром, кто страдал от его тягот, — сектанты и старообрядцы в их числе, — все должны быть участниками в творчестве новых форм жизни. И мы говорим сектантам и старообрядцам, где бы они ни жили на всей земле: добро пожаловать!»

После Февральской революции старообрядцы и масоны в России поделили места во Временном правительстве почти поровну — 4 на 6.

Но чередой непонятных событий пронеслась осенью 1917 года — сепаратизм на национальных окраинах (особенно неприятен он был нефтяникам, ведшим дела в Азер-

байджане), бунты в армии и, наконец, Октябрьская революция.

Казалось бы, левые движения, участвовавшие в перевороте — анархисты, эсеры и большевики, — были прикармлины русской буржуазией, и в предшествующие 20 лет были надежным инструментом в ее руках. Но в ход событий вмешалась какая-то иная сила, кото-

рую русская буржуазия упустила из виду.

К 1924 году все сектанты подписали с советской властью «Акты о лояльности». Все они были примерно такого содержания:

«Мы убедились в том, что Бог в своем провидении расположил сердце и дал мудрость нашему незабываемому В.И. Ленину и его ближайшим сотрудникам в деле мудрой организации единственного в мире прогрессивного и своевременного аппарата».

О том, что через несколько лет у них отнимут все — не только деньги, но и имущество, и даже жизнь, староверы, к счастью своему, не догадывались. Но наверняка впоследствии не раз думали о том, что же они натворили, сменив одну власть на совсем другую, которая религию не признавала вообще.

Впрочем, большевики не оставили наиболее активную часть русской буржуазии без средств к существованию. Даже в эмиграции миллионеры-старообрядцы получили свой кусок пирога, связанный с экспортно-импортными, а также тайными делами советского правительства.

Например, Павел Рябушинский уже в 1918 году стал официальным представителем советской власти по продаже антиквариата в Европе. А старообрядец Лианозов — таким же монопольным представителем в Европе по поставкам черной икры из СССР. Сергей Третьяков и вовсе

был назначен ОГПУ руководителем сети советских агентов в Европе. Его желание помочь рабоче-крестьянскому государству иногда доходило до фанатизма — Третьяков, например, лично участвовал в 1937 году в похищении руководителя белогвардейской организации РОВС генерала Миллера.

Сегодня представители новообрядческих церквей очень редко называют старообрядцев «раскольниками», термин «старообрядчество» прижился как в официальных документах, так и церковной публицистике.

Собор Русской Православной Церкви 1971 года признал старые и новые обряды абсолютно равноправными, равночестными и равноспасительными. Таким образом, форме обряда ныне придается второстепенное значение.

С учетом всего выше сказанного, можно, в итоге, дать следующее определение:

СТАРООБРЯДЧЕСТВО (или СТАРОВОЕРИЕ) — это общее название русского православного духовенства и мирян, стремящихся сохранить церковные установления и традиции древней русской православной церкви и отказавшихся принять реформу, предпринятую в XVII веке патриархом Никоном, продолженную его последователями, вплоть до Петра I включительно.

Это — люди, которым мы фактически обязаны событиями 1917 года.

Прости их, Господи, они явно не ведали, что творили! □

Иосиф Гольман

Эта книга вряд ли была бы написана без предшествующих, длинных и захватывающих, бесед с адвокатами Мариной Вячеславовной Кащенко и Александром Всеволодовичем Алексеевым. Тем не менее, все нижеизложенное — это литературное художественное произведение, в связи с чем претензии от «опознавших себя» персонажей категорически не принимаются.

От автора

ЛЮБОВЬ, ХИМИЯ

и кредитка депутата

Глава 8

СИЗО «Матросская тишина». Как избавиться от подзащитного?

В это утро Ольга Шеметова плотно занялась химиками, бывшей гордостью школьных и студенческих международных олимпиад.

Сидели они в «Матроске», куда уже перевели и Явузова-старшего. Сидели очень неплохо, если так можно выразиться о человеке, находящемся в тюрьме. Со всем уважением окружающих, с обильной едой, явно превышающей нормы передач, и даже иногда с маленькими радостями типа

Окончание. Начало в №12, 2016.

пива. Все это было следствием их делового знакомства с Явузовым, который действительно мог многое.

Вором в законе он не был, хотя в авторитете, несомненно, находился, демонстрируя некоторые свои возможности не только сокамерникам и поделщикам, но даже собственной адвокатессе.

Деньги по договорам о защите выплачивались аккуратно. Правда, в контору их приносило, по понятным причинам, его доверенное лицо, назвавшееся Мухтаром Ахмедовым.

Ахмедов, такой же крайне неприятный тип, как и его босс, заходил к Ольге в кабинет со сладчайшей улыбкой, выпаливал сто высокопарных комплиментов и вручал пачку денег. Потом Шеметова приглашала Валентину Семеновну, которая одновременно была кассиром конторы. Мухтар махал рукой, типа, зачем нам формальности? Однако та пробивала чек и отдавала его вносителю. Ахмедов всегда сначала отказывался от чека, а в конце встречи, как бы между делом, забирал отчетный документ с собой.

Ольга все эти мелкие хитрости отчетливо понимала. Не пробьешь чек, возьмешь деньги «вчерную» — и Явузов, конечно, на тебя в налоговую не «накапает», но ты будешь чем-то повязана с этим человеком. А вот этого Шеметова не хотела категорически.

В последний свой приход Мухтар огорошил Ольгу настоятельной просьбой: требовалось занести подзащитному во время свидания «ма-а-аленькую такую бумажную трубочку». Объяснил, что эта «услуга» будет оплачена по дополнительному, особому тарифу. Ольга жестко и недвусмысленно отказала. Есть, правда, некоторые тюремные правила, которые адвокат с совестью может нарушить — например, передать задержанному необходимое лекарство, записку от близких или просто кусочек чего-нибудь вкусенького. Однако пронос в тюрьму наркотиков в этот список точно не входил. Так что она открытым текстом объяснила Ахмедову, что не собирается поставлять в тюрьму ни оружие, ни наркотики. Мухтар в ответ только расстроено поцокал языком. Сегодня он опять позвонил Ольге и напомнил про свою «маленькую» просьбу. Как говорится, гонишь его в дверь — он лезет в окно...

Короче, Явузов-старший постепенно становился ей крайне неприятен. Она не любила наркодельцов, убийц и «скупщиков невинных душ» — как раз все это и олицетворял собой Махмуд Атаевич Явузов.

Поэтому Ольга даже обрадовалась, вспомнив, что сегодня в СИЗО не увидит его наглые глазки: ее задачей было согласовать линию защиты с обоими химиками-новаторами. По телефону она с ними уже разговаривала, но лично пока не общалась.

Конвойные один за другим привели подследственных — двойное свидание разрешил следователь Копцев.

Владик Авдеев оказался худеньким шатеном с умными глазками и тихим голосом. Сергей Агапов, белоголовый здоровяк, на вид был гораздо старше, хотя они все трое с Явузовым-младшим точно были одногодки.

Шеметова удовлетворенно отметила, что парни не казались сильно подавленными. Впрочем, это же и насторожило. Понимают ли они, что им может «светить» при неблагоприятном раскладе? Ведь права на ошибку у них нет.

Выяснилось, что ребята все-таки не понимали.

— Мы ж не наркотик синтезировали, — густым басом говорил Агапов. — Махмуд Атаевич принес старый журнал на английском. Там формула в полстраницы. Мы прикинули — под двадцать этапов синтеза минимум. Хорошая диссертация. Вот и взял нас «на слабо».

— Слабая позиция, — покачала головой Ольга.

— Почему? — не сдавался Сергей. Владик пока в основном помалкивал.

— Потому что, получается, вы статью читали.

— Ну, читали, — неохотно согласился Агапов.

Ольга тоже видела этот журнал и эту статью, любезно продемонстрированную все тем же Копцевым.

— Английским, значит, владеете? — уточнила она.

— Ну, постольку-поскольку, — начал понимать Сергей.

— Там в тексте сказано про наркотические свойства.

— Но там написано и про то, что задачей будущих исследований станет сохранение сладости вещества при уменьшении наркотического эффекта, — тихо проговорил Владик.

— Правда? — обрадовалась Ольга. Она неплохо владела английским, но за пару минут знакомства с текстом, конечно, не успела вникнуть в тонкости, тем более что в статье было полно специальной терминологии.

— Там так и сказано, — подтвердил Владик и по памяти процитировал: — «В нынешнем состоянии вещество непригодно для использования в пищевой промышленности ввиду того-то и того. Однако сохраняется интерес к его доработке...» Как-то так. Иначе бы просто не публиковали материал.

— Что ж, это хорошо, — торопливо записывала Шеметова. — И все же успокаиваться нельзя ни в коем случае.

— А что вообще нам грозит? — спросил Владик. — Следак пугает двадцатью годами. — От волнения он даже начал слегка заикаться.

— Пугает, — басом подтвердил Сергей.

— И пугает тоже, — вздохнула Ольга. — Но статья действительно реально серьезная. Изготовление и сбыт — могут и на двадцать лет потянуть. Тем более, синтез нового вещества. Тем более, смерть человека.

— Не мы ж ему вещество давали, — опять забасил Сергей. — Наоборот, мы Махмуда Атаевича сто раз предупреждали, чтобы без клинических испытаний людям ни в коем случае не давали.

— А как вы себе представляете клинические испытания подпольно синтезированного наркотика? — спросила Шеметова. — И подтвердит ли Махмуд, что вы предупреждали его о возможной токсичности препарата?

— Конечно, не подтвердит, — глухо проговорил Владик. — Он звонил нам.

— Когда звонил?

— Позавчера.

— И что он сказал?

— Чтобы все показания согласовывали с ним, — ответил Агапов.

— Не со мной? — усмехнулась Ольга. Так как парни промолчали, она уже серьезным тоном продолжила: — Вот что, ребята. Легкой жизни в суде не ждите. Мы еще много будем об этом говорить, выстраивать позицию. Но, предупреждаю вас: ваши интересы и интересы Махмуда Явузова могут расходиться. И советую вам концентрироваться только на ваших интересах.

Потом они еще минут сорок обсуждали, что и как отвечать на вопросы следователя — о суде говорить пока было преждевременно.

А на прощание неожиданный вопрос задал тихий Владик:

— Вы сказали, чтобы мы старались защищать себя, а не Явузова. А как вам-то быть, если наши показания будут против него? Он же тоже ваш подзащитный.

Хороший вопрос задал Владик. Даже нечего сразу ответить. Требовалось подумать.

А, подумав, Шеметова вдруг поняла, что никаких противоречий в свои рассуждения не закладывала. Просто сработало внутреннее решение отказать от защиты Явузова-старшего. Причем, по предельно простой причине: она не хотела его защищать никоим образом.

— Ты прав, Владик, — сказала Ольга. — Я сделаю все, чтобы расторгнуть с Явузовым соглашение о защите.

Конвойные увели ребят, а Шеметова, пройдя все кордоны в обратном порядке, получила документы, телефон и сумку и, направляясь к выходу, вдруг подумала, что надо бы позвонить Гескину и посоветоваться с ним. Набрав номер, она сказала в трубку:

— Это я. Вы уже выписались из больницы?

— Я в конторе, — не без гордости ответил Аркадий Семенович. — У тебя что-то срочное?

— Похоже, да. Хочу избавиться от Явузова-старшего. Что посоветуете?

— Помнишь, ты рассказывала о его просьбе, э-э-э, специфической?

— А как же! Сегодня даже «смс» прислал, видать, неймется.

— Я думаю, у него сейчас нет другого канала, иначе бы не настаивал, — сделал вывод Аркадий Семенович.

— И что?

— Приди на личную встречу, все равно тебе ходатайство готовить об изменении меры пресечения. И дай понять, что его просьба не будет выполнена никогда. Он тебя, конечно, ценит. Но физиология будет против. Если нового канала не найдет, сам от тебя откажется.

— Отлично! — оценила идею Ольга и отправилась в контору.

Глава 9

.....

Шеметова и Настя Савоськина. Как нечаянно украсть «лимон» у депутата

Утром, забежав в контору за парой необходимых официальных бумажек, Ольга обнаружила там свое девятнадцатое дело. В принципе, она не горела желанием в данный момент увеличивать свой и без того немалый портфель. Но, во-первых, дело не выглядело сильно замороженным, а, во-вторых...

Короче, дело обнаружилось даже не на столе в кабинете или у контороуправительницы, Валентины Семеновны Царевой. Оно, можно сказать, сидело на диванчике для посетителей и представляло собой тип девиц, не сильно симпатичных, с точки зрения Ольги Викторовны Шеметовой.

Точеная фигура, познавшая все виды фитнеса. Белокурые локоны, познавшие все виды краски и парикмахерских услуг. Макияж, не слишком заметный, но опытному глазу мгновенно подсказывавший, сколько он стоит, и, главное, сколько на него уходит драгоценного рабочего времени. Дорогая одежда, купленная никак не на зарплату обычной служащей. В общем, это был явно не шеметовский стиль.

И еще имелась одна деталь, которая не сближала Ольгу Викторовну с потенциальной доверительницей (уголовщина здесь, скорее всего, не предвиделась). У этой современной отечественной «бизнес-Барби» была некая четко просвечивающая аура. Прямо как «каинова печать». Такое характерное

выражение лица имели дамы, достигшие больших деловых успехов на стыке капитализма и госуправления.

Ввиду перечисленного букета качеств, Шеметова, провожая посетительницу в свой кабинет, мысленно процентов на девяносто уже отказала ей в услугах.

Как выяснилось — поторопилась.

Потому что штампованная «бизнес-Барби», присев на стульчик, вдруг потеряла свое лицо высокопоставленной коррупционерки и превратилась в обычную несчастную девчонку, Настеньку Савоськину. И слезы из голубых глазок полились неудержимо, точно так же, как у всех других несчастных девчонок.

Кстати, отчество у нее также имелось — Васильевна. Но, как выяснилось из рассказа, папашку своего она ни разу не видела, а мама, безвыездно так и проживающая в городе Кемерове, вовсе не пылает желанием поведать ей тайны своей романтической юности, как и ее старшему брату.

— А чем занимается брат? — спросила Ольга.

— Он в тюрьме уже давно, — со вздохом ответила Настя. — И не скоро выйдет.

«Вот тебе раз», — подумала Шеметова. Неужели ее первоначальные предположения полностью ошибочны?

Как показало дальнейшее — все же не полностью.

К госвласти дочь матери-одиночки и сестра долгосрочного сидельца все же отношение имела. Впрочем, сейчас ей это отношение уже не казалось столь желанным. Совсем не как пару лет назад, когда она искренне считала, что познакомившись с депутатом Государственной думы Магомедом Годжаевым, вытянула заветный билетик с миллионным призом.

Миллион-то как раз состоялся. Но вовсе не в том виде, о каком мечталось. Ибо сейчас депутат из всесильного союзника превратился во всесильного врага.

И здесь Ольга свое первоначальное решение отказать просительнице отменила. А чтобы эффективно противодействовать в суде людям такого ранга, нужно очень и очень хорошо подготовиться.

Та аккуратно вытерла бумажным платочком слезы и на мгновение задумалась, с чего начать.

— Давайте с жизни, предшествовавшей встрече с чиновником, — предложила Шеметова. Ей было важно понять, что же скрывается под оболочкой «бизнес-Барби».

— Окончила институт, заочный, — вздохнув, заговорила Настя. — На дневной денег не было, мама моя почти ослепла. Да и брату что-то посы-

лать нужно. — Она как будто оправдывалась за свое нелегкое материальное положение.

— А что с таким стеснением говоришь? — спросила Ольга. — Этим, вообще-то, гордиться нужно: и образование получала, и мать с братом кормила.

— Ну да, — снова вздохнула Настя. — наверное. Но только если ты где-то про отсутствие денег скажешь — то тебе ни должности, ни денег в будущем не видать.

— Я бы не стала обобщать, — улыбнулась Шеметова. — В некоторых кругах людей ценят не по деньгам, а по мозгам и трудолюбию. И если они есть, то и деньги рано или поздно появляются. Ты же в итоге нашла хорошую работу? Расскажи, как попала к Годжаеву.

— Я всегда хотела работать в политике, — честно призналась Настя.

— Почему? — удивилась Ольга. Не так уж часто попадались на ее пути девушки, мечтавшие о политической карьере.

— Вы меня не так поняли, — увидев ее удивление, ответила Настя. — Я не надеялась стать политиком. Я хотела помогать политику. У них же куча мелких дел, которые нужно выполнять. И куча денег.

— Ну, не у всех политиков куча денег, — усомнилась Ольга. — И все-таки, как же он тебя взял?

— Я старалась ходить на все встречи с политиками. В конференциях участвовала. Даже доклады делала. Как нам изменить Россию.

— И как же? — не удержавшись, хмыкнула Шеметова. Ей тоже многое хотелось изменить в России.

— Я уже не помню, — серьезно ответила Настя. — Все равно из Интернета качала. В общем, набралась я смелости, подошла после выступления к Магомеду Нурахметовичу и прямо сказала, что хочу работать у него, чтобы поддержать семью.

— И как он отреагировал на твои слова?

— Сразу проникся, пригласил на встречу в гостиницу. Нет, не подумайте чего. Он не приставал ко мне. Ни тогда, ни потом...

— Настя, — перебила девушку Ольга, — мне вы можете говорить абсолютно все, что сочтете нужным и важным. Но в общении с другими — и особенно в суде — пожалуйста, будьте крайне осторожны в высказываниях.

— Я поняла, извините. Просто когда мне вас посоветовали, сказали, чтобы я ничего не скрывала.

— И что было на встрече в гостинице? — спросила Шеметова, возвращая Савоськину к главной теме.

— Он начал выяснять, что я умею. По паблик рилейшнс, по работе со СМИ, прежде всего. А я честно ответила, что ничего не умею, — вздохнула

Настя. — Вечернее образование. А потом я вообще на заочный ушла. Работала на машиностроительном заводе. Уставала очень. Он тогда спросил, как же я планирую работать, если ничего не умею, а я ответила, что очень быстро на практике учусь и могу работать сутками, даже без отпуска. Он улыбнулся и сказал: «Сначала научись, а потом и приходи».

— И чем закончился ваш диалог?

— Ничем. Заревела в три ручья. Моих денег никак на троих не хватало. А тут еще и зарплаты начали задерживать. В общем, все сошлось в точку. Как сейчас. — Тут Настя не выдержала и расплакалась.

Ольга сходила за водой, заодно взяла у Валентины Семеновны домашний пирожок. Зажевать проблему — один из лучших способов. Правда, помогает не надолго.

Немного успокоившись, Настя продолжила свое печальное повествование.

Оказывается, безутешные девичьи слезы на матерого политика подействовали, и он принял ее на должность помощника его помощника.

— Необычная должность, — заметила Ольга. — Помощник помощника.

— А ее официально и не было. Я помогала Шурику оформлять билеты, бронировать гостиницы, готовить встречи — но не касаясь сути бесед.

— Понятно. А разве Шурик сам не справлялся?

— Справлялся. Мне показалось, что Магомед Нурахметович меня тогда пожалел. Он мне потом сказал, что у него тоже была очень тяжелая полоса в жизни. Когда умер отец, он был еще совсем молодым, а на его руках остались младшие братья и сестры.

— А сколько он вам платил?

— Не очень много, но раза в два с половиной больше, чем я получала оператором сварочного автомата. Плюс отпал вопрос питания. Он сам мне после каждой тусовки предлагал пакеты с оставшейся едой. Я никогда так вкусно не ела. Особенно крабы поразили.

— Крабы многих поражают, — усмехнулась Ольга. — Хотя и не всем нравятся. А на жилье денег хватало?

— У меня очень дешевое жильё. В гостинице его брата. Он и после моего увольнения меня оттуда не выгнал. Может, забыл.

— Давайте еще раз, Настя. Из вашего рассказа получается, что Магомед Нурахметович очень добрый человек. К вам не приставал, взял неподготовленного человека, просто пожалев его. Так?

Девушка задумалась. Потом ответила:

— Получается, что так. Правда, я действительно очень быстро всему научилась. Когда Шурик ушел, я все делала сама.

— За ту же зарплату?

— Нет, Магомед Нурахметович мне поднял. Но все равно намного меньше, чем было у Шурика.

— А откуда вы знаете, сколько получал прежний помощник?

— Шурик меня замуж звал, — улыбнулась Настя. — Вот и раскрыл секрет. Вообще о зарплатах в окружении Магомеда Нурахметовича говорить не положено.

— А почему ушел Шурик?

— Его Магомед Нурахметович выгнал.

— За что?

— Тот билеты покупал выше их цены. Сверху накручивал, а турбюро ему возвращало.

— И что Годжаев сделал? Подал на него в суд?

— Нет, — нахмурилась Настя. — Орал на него полчаса. Называл «крысой». А потом вlepил пощечину. Шурик когда вышел, вся щека была красная.

— А вас шеф ни в чем не подозревал? — на всякий случай спросила Ольга.

— Я так никогда не делала. Максимум — «откат» с продавца услуг. Но никогда не выше их прейскуранта.

— Тогда за что он и вас выгнал? — взяла быка за рога Шеметова.

— Не знаю, — покачала головой Настя. — Думаю, он и сам уже не помнит. Знаете, там совсем дурацкая история вышла. Он злющий тогда пришел, наорал на меня. А потом, когда я передавала стакан с чаем, немного облила его гостя.

— А говорите, не знаю... — засмеялась Ольга. — Гость-то важный?

— Гость важный, — подтвердила Савоськина. — Но чай-то был не горячий. Он сам так попросил. Магомед Нурахметович опять раскричался на меня и объявил, что я уволена. Гость начал заступаться, говорить, что вся эта ситуация смешная, и он не в обиде.

— И что, депутат вас простил?

— Он тогда ничего не сказал. Просто перестал орать. И я доработала до конца дня, а потом вышла на следующий снова.

В этот момент в дверь постучали, и в проеме показалось скорбное лицо Волика Томского. Оказывается, он стучался уже дважды, но, видимо, недостаточно громко. Заинтересовавшись рассказом Насти, Шеметова просто не услышала его робкого стука. Она взглянула на часы. Ох, ты, и в самом деле, Волькин обед уже сдвинулся минут на сорок. Для него это хуже всемирного дефолта.

— Может, сходим? — жалобно проговорил Томский. — И девушку возьмем с собой, я угощаю.

— Вы не торопитесь? — повернулась Ольга к Савоськиной. — Обедать-то все равно надо.

— Конечно, конечно, — подхватила та. — Я подожду вас, сколько нужно.

— Нисколько не нужно, — отрезал Волик. — С нами пойдете.

Настя как-то странно замешкалась, но Ольга, правильно поняв причину ее замешательства, рассмеялась:

— Пойдемте, Настенька. Он из нас самый голодный, он и платит. Да, и при нем можно говорить все, что угодно. К тому же, Волик отличный адвокат, может, чего подскажет.

В ресторане Шеметову несколько удивили два обстоятельства, связанные с Савоськиной.

Она явно стеснялась, что не очень вязалось с ее Барби-стилем. И еще — ну, пусть ее уволили. Но почему она осталась совсем без денег? И разве не поднакопились за эти годы полезные связи? Да и деньги тоже, не постеснялась же она упомянуть про «откаты». Кстати, брать эти самые «откаты» она также не постеснялась.

Впрочем, очень скоро все станет ясно.

Сели в небольшом отдельном кабинетике и, по совету Волика, заказали шашлык из свежей баранины. Он поклялся, что в Москве такой шашлык можно поесть разве что местах в трех-четыре. Поскольку мангал разожгли по предварительному Воликиному звонку, его приготовили быстро.

Два официанта внесли четыре больших керамических блюда, и ноздри у собравшихся хищно раздулись — настолько прекрасным был аромат только что приготовленной баранины.

Воликино лицо сразу сделалось невероятно счастливым. И пребывало в таком состоянии ровно до того момента, когда три блюда с шашлыком на шампурах и всем сопутствующим — зеленью, луком, грунтовыми помидорами, зернами граната — оказались перед ним, Ольгой и Настей.

Утолив первый голод, начали беседу.

Ольга повторила Савоськиной, что может все рассказывать смело. Утечки никакой не будет, а дополнительные качественные мозги в таких делах лишними не бывают.

— Вы доработали тот день, когда произошла история с чаем, — напомнила она Насте. — И что дальше?

— Вышла на следующий день, как всегда.

— Магомед Нурахметович вам что-то сказал?

— Нет. И я решила, что он забыл. А, может, он действительно забыл. Он никогда не был злым, но очень уж вспыльчив. Как бомба сразу взрывается.

— И долго вы еще проработали?

— Три месяца.

— А потом опять на кого-нибудь что-нибудь пролили?

— Ничего подобного, — возразила Настя. — Наоборот, все было нормально. Я даже пиар на себя взяла, Шурика ведь уже не было.

— И что все-таки произошло?

— В тот день Магомед Нурахметович был весь на взводе. С самого утра. Я принесла ему на подпись его интервью для газеты. Он сел вычитывать. А потом говорит, а разве я тебя не уволил? Я говорю — вроде нет. А он опять разорался — типа, если мужчина сказал, то два раза повторять не надо. А у меня еще и зарплата за два месяца не была выплачена.

— Почему?

— Не знаю, — пожала плечами Настя. — Всегда так было, не аккуратно, но гарантированно.

— А на что же вы жили?

— Еда бесплатная. За жилье тоже не платила, пока он не отдавал. А маме и брату я с его карточки сняла немного. Меньше, чем он мне был должен. Примерно половину.

— Как это, — занервничала Шеметова. — Что это за его карточка, с которой вы снимали деньги?.

— Ну, — начала объяснять Настя, — у меня и Шурика были карточки, привязанные к одному счету. Его постоянно пополняли с какой-то коммерческой фирмы.

— А зачем вам это? Для корпоративных покупок?

— Да. Те же билеты. Или столик в ресторане заказать. Или гостиницу.

— То есть, на себя лично, кроме денег для мамы в счет зарплаты, вы с нее не тратили?

— Постоянно тратила, — без смущения ответила Савоськина.

— Без разрешения Годжаева? — загрустила Ольга.

— С разрешения. Например, он велел мне гостя в аэропорту вечером встретить. А я в спортзале. Говорю ему, я переодеться не успею. А он говорит: у тебя ж карточка есть! Чтоб гостя встретила красивой. Или один раз ему пальто мое не понравилось. Велел срочно купить новое, даже магазин сам назвал. И так очень часто, то парикмахерская, то сапоги. Но, в основном, по его приказу.

— А без его приказа было? — спросила Шеметова.

— Конечно, — ответила Настя. — Да и не смогла бы я покупать такие вещи, как он требовал, на свои деньги. Он не возражал, сам же говорил мне, как одеваться, где причесываться. И в фитнес-клуб велел ходить.

— А после второго увольнения вы брали деньги с карточки?

— Да, — вздохнула девушка. — Зарплату за месяц примерно. Может, чуть больше — я точно высчитала, что он мне остался должен. Ну, и за два месяца вперед. Как положено при увольнении, вы ведь знаете.

— А вы были официально оформлены? — поинтересовался Волик.

— Нет, конечно, — качнула головой Настя.

— Тогда получается кража, — подвел итог Томский.

— Как же кража? — снова чуть не расплакалась Савоськина. — Все же по-честному!

— По сути — по-честному, — подтвердила ее слова Ольга, — а по Кодексу — кража. — Ей уже все более-менее было ясно. — И много он вам насчитал? — спросила она.

— Больше миллиона, — ответила бывшая помощница доброго, но вспыльчивого депутата.

— Отдать, в случае чего, есть чем?

— Нечем, — горестно развела руками Настя и тихо добавила: — Я еще хотела и ваш гонорар попросить по частям выплатить. Но я обязательно заплачу, вы не бойтесь.

— Мы-то не боимся, — усмехнулась Ольга. — Просто за доказанный изъятый миллион можно и в тюрьму сесть. Вот чего надо бояться.

— Мне сказали, что вы этого не допустите, — прошептала Савоськина, вновь готовая расплакаться.

— Постараюсь не допустить, — невесело ответила Шеметова и обратилась к Волику: — Ну а ты что думаешь?

Волик в этот момент не думал ничего, потому что втихаря уже подцепил вилкой принесенный официантом эклер. Мгновенно проглотив его, он с важным видом заговорил:

— Итак, что мы имеем? Мы имеем горячего кавказского мужчину, с огромными амбициями и бешеным темпераментом. При этом не жадного и не чванливого. На мой взгляд, не так уж и безнадежно. Давай, Олечка, звони депутату. Глядишь, и суда не будет.

Савоськина дала требуемый номер, и Шеметова отправила свой вызов Магомеду Нурахметовичу Годжаеву.

Тот ответил сразу, без перепасовок через секретарш и помощников.

Ольга вежливо представилась, но не успела изложить суть своей просьбы, как тут же получила целую словесную атаку. Отдельные слова были различимы: негодяйка, воровка, имеет наглость идти к адвокатам, миллион и тому подобное. Остальное шло мощным фоном. Так на фоне мощного морского прибой слышен треск мачт и проламываемых бортов тонущего корабля. Только в данном конкретном случае тонули Ольгины мечты о досудебном соглашении с потерпевшим.

— Вот и поговорили, — произнесла она, услышав, наконец, короткие гудки отбоя. — Ладно. Первый блин комом. Значит, пора печь следующий.

Глава 10

.....

Переславль-Залесский, Ярославская область. Контора на отдыхе

А тем временем снова пришла весна.

Это только в книжках адвокаты в суде мгновенно скручивают в бараний рог своих оппонентов. А в жизни этого самого суда надо еще дожидаться. Серьезное дело может расследоваться и год, и два, и больше.

В случае с папашей Явузовым и его юными химическими гениями до суда прошло два с половиной года. Все это время подельники — разумеется, ввиду общественной опасности их промысла — провели в СИЗО. Дополнительная задержка произошла из-за огромного количества химических экспертиз. В кастрюльках, во множестве изъятых из их квартиры-лаборатории, чуть ли не через одну находилось неизвестное или мало известное науке вещество.

Оно и не удивительно: бывшие победители международных химических олимпиад со скрытой гордостью говорили о двенадцати реализованных этапах синтеза. На кандидатскую диссертацию — с головой хватит. А довели бы до конца — могли бы претендовать на докторскую. Если бы, конечно, работали на науку, а не на подпольного наркодельца.

Жизнь же у адвокатов течет неупорядоченная. Иногда, по закону подлости, приостанавливались два, а то и три дела сразу. И выпадали свободные деньки. Хотя чаще было наоборот: текущие дела сгущались, а к ним внезапно добавлялись новые «нежданчики», от которых профессионал не имел права отказаться.

Сейчас, в середине весны, в преддверии летних отпусков следователей, судей и прокуроров, концентрация нагрузки постепенно стремилась к максимальной. Однако у всех случались и какие-то запинки.

Хотя нет, не у всех.

Старик Гескин в последнее время не был сильно загружен. А если брал ношу посложней, то молодые коллеги старались ему тактично помочь. В основном же он «дрессировал» своего Тошку, да так успешно, что парень в феврале выиграл очень непростой процесс, избавив своего подзащитного не только от рейдерского захвата его предприятия, но и от лет пяти

реальной тюрьмы. Да, опять-таки Антону помогали все конторские адвокаты, не считая Гескина, который и так был личным Тошкиным ассистентом. Но победа-то случилась! И именно юный Крымов ее добился.

У Багрова как раз была заминка: заболел подзащитный из большого процесса. Олегу удалось убедить судью помочь отправить подсудимого в специализированную, не тюремную клинику. Остальные дела Олег заранее перераспределил, чтоб полностью отдаться самому трудному. В итоге — полупростой.

У Ольги два процесса также затормозили. В одном заболел судья, в другом — судье понадобился краткосрочный отпуск по чрезвычайным семейным обстоятельствам.

Не были под прессом и Тошка с Воликом Томским.

В беседе с профессором Береславским — они частенько общались, не по делу, а для удовольствия — Шеметова рассказала про эти странные обстоятельства с загрузкой.

— Класс! — необычно отреагировал профессор. Ольге даже показалось, что в комнате запылали блики от его маленьких сверкающих очков. А, может, это и не очки, а глаза сверкали. — Я вас забираю на субботу. Сбор на даче, в семь утра.

— Во сколько? — удивилась Ольга.

— В семь, я что, неразборчиво говорю? — теперь уже удивился Ефим Аркадьевич.

На попытку возразить Береславский выдал парочку своих коронных вербальных трюков, после которых собеседнику некуда было деваться, кроме как ехать в выходной день к семи утра на его дачу.

С некоторым даже злорадством Шеметова передала приглашение профессора коллегам. У тех вроде как были свои дела, но после личных звонков профессора все они отменились.

И вот в туманное, прохладное весеннее утро на дачу Береславского прибыли Гескин с Муной (на такси), Тошка с подругой Машенькой на новеньком «рено-дастере» (заменял-таки свою бежевую «Ладу» — материальный след замечательной победы в процессе и умелого финансового менеджмента со стороны Машеньки), Ольга с Багровым на «шкоде», которую давно было пора менять. Последними прибыли Томские. Марина лихо подрулила на большом «форде-транзите», почти автобусе. У них в семье была еще маленькая «аудюха», но предусмотрительная Маринка решила ехать на пузатом «транзите». Чутье подсказывало ей, что тусовка на даче не усидит, и тогда встанет вопрос рассадки личного состава.

Валентина Семеновна не приехала, так как была мобилизована к внукам. Значит, в понедельник вытянет из них все детали гулянки и новостей

из профессорского быта — контороуправительница Береславского уважала, невзирая на его многочисленные пороки. Может быть, просто потому, что он не был ее подопечным.

— Неплохо бы сейчас доспать чуток, — честно призналась Шеметова, обнимаясь с хозяевами дачи.

— Да ты что? — искренне расстроился Береславский. — Так все проспишь! А у нас столько идей!

— Ну, колись, что ты для нас задумал? — на правах старшего спросил Гескин.

— Во-первых, хочу поблагодарить всех за точность, — уклончиво ответил профессор. — А, во-вторых, через пять минут мы выезжаем.

— Куда? — разочарованно протянула Ольга. Она-то как раз рассчитывала на неспешное кофепитие с Натальей, после чего надежная подруга найдет для нее местечко, где можно будет сладко поспать.

А вот старик Гескин не удивился. Он, похоже, давно уже ничему не удивлялся. И, стопроцентно любя Ефима Аркадьевича, был готов принять участие во многих его авантюрах.

— Не зря мы на «транзите» приехали, — похвастался Волик, хотя утром спорил по этому поводу с Маринкой. — К нам больше половины народу влезет, чтобы машины в колонне не плодить.

— Колонны не будет, — отмел его соображения профессор. — Все в одной поедем.

Народ завертел головами, не понимая смысла сказанного.

И в этот момент к воротам откуда-то со стороны лихо подкатила Наталья на огромном «хендай-грандстарексе».

— Позвольте представить, — со скромным видом проговорил профессор. — Автомобиль мечты моей жены.

По лицу Натальи вовсе не читалось, что пятиметровый «грандстарекс» был машиной ее мечты. Впрочем, она старалась не вступать в дела, связанные с выбором автомобилей, которые почему-то были для профессора с неким сакральным оттенком.

— А что в нем расчудесного? — скептически поинтересовалась Ольга. — И вообще, как мы все на нем уедем? Там же не более восьми мест, а нас — десять человек.

— Хороший вопрос. Объясняю, — обрадовался дополнительной возможности пообъяснять профессор. — Их ввозят и таможат именно как автобусы, по категории Д. Там действительно одиннадцать мест, а на автобусы, как известно, мизерная таможенная ставка. Потом снимают три сиденья и перерегистрируют в ГИБДД. Вот и все дела. Абсолютно законно.

— То есть ты просто пришпандорил назад три сиденья? — спросил Гескин.

— Не я, Наталья, — не стал отнимать славу у супруги Ефим Аркадьевич.

— Другими словами, вы предлагаете группе юристов — причем, хороших юристов — поучаствовать в явном нарушении закона? — порадовалась Шеметова возможности хоть в чем-то прищемить ушлого профессора.

— А я согласен ехать, — сказал Тошка, любовно оглядывая сверкающего монстра, словно созданного для дальних путешествий. Собственно, для этого Береславские его и купили. Профессор мотался за рулем по всему миру, преодолевая иногда серьезные расстояния. А прокатиться с женой из Москвы в Лиссабон для него вообще было пустяковым делом, после ралли вокруг Онежского озера, покатушек по Северному Уралу и пробега «Москва-Владивосток».

— И что, группа хороших юристов не выручит в этом случае? — строго спросил профессор. — А они реально хорошие юристы?

После чего вообще победил вчистую: не успела еще Шеметова язвительно ответить, как Ефим Аркадьевич продемонстрировал новенькие права.

— С категорией Д, между прочим, — похвастался он.

Крыть было нечем.

Еще минут через десять маленький автобус покинул пределы владений Береславского.

Выехав на Щелковское шоссе, повернули не к Москве, а к Черноголовке. Мощный дизель резво набрал скорость, длинный корпус плавно, без толчков и потряхиваний, плыл по недавно отремонтированному шоссе.

За рулем восседал Береславский, но, как любого опытного водителя, езда не слишком его утомляла.

— Итак, — начал он торжественно, — демонстрирую вам первое на сегодня чудо.

Все стали судорожно озираться по сторонам, но ничего такого уж чудесного не заметили. Лес как лес, он всегда красивый.

— Объясняю. В году есть всего три-пять дней, за которые листочки успевают вылезти из почек и развернуться в листья. Итого — в первый день вы видите лиственный лес по-зимнему прозрачным. А на шестой — по-летнему зеленым. В промежутках же — лесная даль словно раскрашена прозрачной акварелью. Раз — мазанули еле видимой светлой зеленью. Не успела просохнуть — добавили еще.

Народ уставился в окна и с удивлением обнаружил, что все так и есть! Лес еще был прозрачным, но с явным светло-зеленым оттенком. Такое

подкрашивание делало его необычайно красивым. Именно необычайно, потому что никто из присутствующих ни разу в жизни не сосредотачивался на этом эффекте.

Проехав где-то около ста километров, Береславский съехал с дороги и остановился у придорожного кафе, большого, деревянного, не слишком красивого, но какого-то визуально крепкого и надежного.

Здесь их уже ждал накрытый стол, с сырниками со сметаной и горячим чаем с лимоном. Сырники были в меру сладкие и приятно зернистые — буквально таяли во рту. Холодная свежая сметана уж точно не была диетической, зато прекрасно добавляла свою нотку во вкус блюда. Дополнительным бонусом шел вид за многочисленными большими окнами: уходящая на километры вдаль русская холмистая равнина с лесами и перелесками.

— Это было второе чудо, — проговорил Береславский, садясь в машину на пассажирское кресло, и почти сразу же сладко задремал.

Место водителя заняла Наталья, которая управлялась с автобусом не хуже профессора. Разве что очень опытный взгляд мог заметить, что Ефим Аркадьевич обладает нестандартно высокой скоростью реакции и некоторыми особыми навыками вождения. Но для спокойной езды по хорошей дороге вполне хватало и обычных.

Тем временем автобус выскочил на Ярославское шоссе, пересек кусочек Владимирской области и вскоре оказался в городе со сказочным названием Переславль-Залесский.

Береславский недовольно проснулся, но, очарованный архитектурой ближних церквушек, сразу заулыбался.

Путешественники, ведомые профессором, покинули «грандстарекс» и направились куда-то по узкой улочке. Буквально через сотню метров невысокие двухэтажные дома сменила индивидуальная застройка. Очень разная — от покосившейся, вросшей в землю вековой избенки до солидного коттеджа с трехметровым забором.

Перекресток удивил: на нем не только сходились две улочки, но еще вверх по холму шла широкая тропа. По ней профессор и повел своих гостей. Поднявшись наверх, все буквально ахнули от удивления и восторга. С холма открывалась по-настоящему сказочная панорама городка. Решили посчитать золотые купола, но быстро сбились: церкви росли со всех сторон, одна красивее другой.

Через несколько минут Береславский привел народ к реке и объявил:

— Это река Трубеж.

Все спустились с холма к реке, перешли ее по мосту и двинулись по правому берегу. Ощутимо запахло свежестью и почему-то — рыбой.

Да, жизнь полна загадок! Всего-то полторы сотни километров от Москвы — и отечественная Венеция под боком. Они прошли еще с километр или около того, и вдруг впереди открылась панорама Плещеева озера, на берегу которого возвышался величественный храм.

Священник уже ждал их. Несмотря на разное вероисповедание, они с профессором, похоже, давно дружили. В церкви было хорошо. Уютно, тихо. Несколько молящихся — в основном пожилые женщины — тепло приветствовали вошедших. батюшку. Одна даже успела шепнуть Шеметовой, какой замечательный у них батюшка. Не из тех, что рассекают на «порше» по московским проспектам. Он хоть и молод, но жизни не представляет без заботы о тех, кому она больше всего нужна.

Когда минут через сорок покинули храм, не отличавшийся деликатностью профессор спросил у Крымова с Машенькой:

— Может, вас сразу и повенчали бы здесь? А то все тянете кота за хвост.

— Разве я против? — вскинулся Антон. — Вот Марью уговаривайте.

— Да я, похоже, тоже «за», — улыбнулась Машенька. И уже серьезно добавила: — Просто не хотела, чтоб вышло, как у моих родителей. Мне нужно раз и навсегда.

— Теперь убедились? — спросил Гескин, тронутый ее откровенностью.

— Теперь да, — ответила она. — Назначай, Тошка, день.

В итоге Тошка и Марина вернулись в храм и обо всем договорились с батюшкой. Выйдя, назвали назначенную дату, не столь уж далекую: будущие супруги хотели венчаться именно в этой церкви.

— Теперь главное — дожить, — тихо произнес Гескин, оставшись на минутку наедине с профессором.

— А есть сомнения? — тревожно спросил Береславский. — Мы же вроде с тобой обо всем договорились.

— Вот все-таки ты молодой еще, — беззлобно улыбнулся старик. — Не со всеми можно договориться...

Обратно до машины дошли быстро, напрямик — профессор неплохо ориентировался в пересечениях маленьких улочек. Оказалось, здесь их ждет обед.

Ресторанчик маленький, но все вкусно. И цены не московские, что дополнительно приятно.

За столом рассматривали снимки, сделанные профессором: он уже успел разослать их присутствующим на смартфоны по Интернету.

Действительно, профи.

Теперь будут смотреть да вспоминать.

А потом, как всегда, разговор зашел о работе...

Когда автобус тронулся, за рулем снова сидела Наталья. Все остальные, включая командора пробега, сладко спали...

.....

Шеметова и Савоськина.
Как разжалобить государственного деятеля

Первым следователи отдали в суд дело Савоськиной.

Настя так и не поняла, в чем же она виновата, и вину свою признавать категорически отказывалась. Хотя это была не лучшая позиция: документально подтвержденные факты говорили о том, что она без разрешения владельца изъяла с его карточки один миллион сто шестнадцать тысяч рублей.

Сумма не малая и вполне способна потянуть на годы заключения.

Настенька при встречах с адвокатессой теперь все чаще плакала, предвидя печальный финал. Но признавать свою вину так и не захотела.

Шеметова же напряженно думала о том, самом главном, адвокатском фокусе, который ей предстояло предьявить судье. К нему следовало приложить еще целый ряд аргументов помельче. С ними как раз было неплохо: характеристика из заочного вуза, который Настя, наконец, заканчивала; характеристика с машиностроительного завода, где честно работала на нелегких хлебах. Справка из соцорганов, подтверждающая инвалидность матери. И даже добрались до кемеровских Настиных соседей, которые подписали бумагу о том, что Настя — очень хорошая дочь и соседка.

Прокол вышел с местом работы.

Ольга требовала, чтобы Савоськина на момент судебного разбирательства была трудоустроена. Социально адаптирована, так сказать. Настя же работу найти не смогла, так как все, по ее словам, боялись связываться с девушкой, вызвавшей гнев крупного госчиновника.

В итоге ограничились минимумом: справкой от дружеской компании, что через две недели Анастасия Савоськина будет взята на работу секретарем-ассистентом. Это в любом случае было неправдой. Через две недели она, при плохом исходе, уже будет на этапе. А при хорошем — на воле, причем в таком раскладе должность и зарплата секретарши ее уже не устраивала.

Но до такого расклада надо было еще дожить.

К сожалению, хорошего исхода пока что не предвиделось.

Ольга голову себе сломала, обдумывая этот свой заветный адвокатский фокус.

С горя — без особой надежды — еще раз звонила депутату Годжаеву. Эффект тот же.

Ор, крики. Новым было только то, что теперь он проорал, что шантаж на тему интима у адвокатессы не получится.

И вот здесь Шеметовой удалось-таки вставить пару важных фраз.

— Что вы, Магомед Нурахметович, какой интим?! Она к вам, как к отцу родному относится!

Годжаев словно споткнулся. По крайней мере, гневный ор прервался.

— Как к отцу, говоришь? — спросил он. — Ты представляешь себе, чтобы у меня моя дочка миллион украла?

— Нет, — честно призналась Ольга. — Но вы ведь свою дочь воспитывали? — ухватилась она за подброшенную нить.

— Конечно, воспитывал! Я же отец! — громко, но уже без гнева сообщил Годжаев.

— Вот! — расставила акценты адвокатесса. — А она своего отца даже не видела. Зато вашу доброту почувствовала и инстинктивно вела себя как с отцом. Раз со своим не сложилось.

— То есть, крала как дочка? — недоверчиво хмыкнул депутат. — Я давно уже вышел из того возраста, чтобы сказки слушать.

— Хорошо, Магомед Нурахметович, — не стала рисковать дальше Ольга. — Не будем пока об этом. Знайте только, что никакого сексуального шантажа нет и не будет. Она к вам слишком уважительно относится, чтобы идти на такие низости.

На том и расстались.

Магомед — в некотором недоумении.

Шеметова — с ощущением, что заветный фокус найден.

Теперь все предстояло отточить с Савоськиной. А Настя точно не была лучшей помощницей в таких вопросах.

Первым делом Ольга решила «разбарбить» девушку. Ведь кто сейчас судьи в наших судах? В подавляющем большинстве — женщины средних лет и старше. Причем, несмотря на всепроникающие рассказы о судебной коррупции, большая часть судей живет в основном на зарплату. Немаленькую, но ставящую крест на покупках в элитных бутиках. А тут — такая красotka расфуфыренная. И мало того, что молода, красива да внешне богата, так еще и у серьезного человека деньги тырит.

С этими аргументами Настя спорить не стала, и уже на следующей встрече была в «правильном» виде: в меру скромном и в меру дорогим. Макияж также был кардинально изменен. И никаких украшений, кроме крестика в скромном вырезе летней блузки: судья же не может отличить каратный страз от каратного бриллианта. Значит, оба, если есть, — в шкафчик. Суд — не дефиле и не званый вечер.

Однако самым главным было именно то, что Ольга смогла определить основную позицию защиты.

— У тебя папа в детстве был? Или ты его вообще не видела? — спросила она девушку на следующей встрече.

— Нет, не видела, — без эмоций ответила та.

— А мужчины тебя часто жалели? — продолжила странный допрос адвокатесса.

Настя отчего-то вздрогнула и очень кратко ответила:

— Нет. — Потом добавила: — Вообще не жалели.

— А депутат жалел? — допытывалась Шеметова.

— Иногда да, — после краткой паузы подтвердила Савоськина.

— И при этом никаких дополнительных услуг не требовал?

— Нет, только по работе.

— Так, может, ты неосознанно воспринимала его как отца? Хотя бы отчасти?

Теперь Савоськина задумалась надолго. Ольга не торопила ее. Следовало снять ощущение вражды не только с Годжаева, но и с Насти, смертельно боявшейся тюрьмы.

— Видимо, да, — с некоторым усилием выдавила из себя ответ девушка. И вот настал решающий день.

В прямом смысле решающий: остаться ли Насте в этом светлом мире — солнце сегодня и в самом деле не скупилось, — либо отправиться на годы на темную сторону жизни. Особенно подзащитную угнетала мысль о том, что в таком случае будет с ее несчастной мамой.

Поскольку Настю до суда свободы не лишали, она встретилась у метро с защитницей, и они вместе пошли к зданию суда.

Привычные процедуры — пропуск, проход сквозь магнитную рамку, — и вот девушки уже в длинном коридоре, в который выходят двери от небольших комнат заседаний.

Мимо прошли их судья, Волгина, и другие участники процессуального действия.

В другом конце коридора мялся Магомед Нурахметович Годжаев, собственной персоной.

Он пришел лично, значит, все-таки опасается какого-то сексуального подтекста в обвинениях. Ему это не нужно, как минимум, по двум причинам. Первая — через три месяца предстоят перевыборы в Госдуму. Вторая — кавказский менталитет позволяет, конечно, некоторую мужскую любвеобильность, но не поощряет публичности подобных деяний.

Ольга решила пока к нему не подходить. Магомед Нурахметович будет взят в разработку позже. Сейчас ее максимально интересовала Волгина Анна Борисовна, судья, взявшая на рассмотрение данное дело. Пока процесс не начался, Шеметова внимательнейшим образом ее разглядела.

Одно дело — заранее собранные данные, через Интернет и друзей-знакомых, другое — непосредственное впечатление.

По всему выходило, что с Волгиной им повезло.

Скромно одетая, строгая, с чуть поджатыми губами. Но вовсе не выглядевшая маньячкой судебного преследования: глаза умные, смотрят внимательно. А что без лишнего тепла — так она общается не с тем контингентом, которому хочется постоянно улыбаться.

Зальчик был маленький. Никого лишнего, как и предвидела Ольга, на заседании суда не было. Кроме нее с Настей присутствовали лишь Магомед Нурахметович и какой-то мужчина средних лет, скорее всего, его адвокат.

Наконец заседание началось, неспешно, по годами наезженной колее, проторенной четкими положениями уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Вряд ли есть смысл описывать все его рутинные этапы. Тем более что самое главное вместились, максимум, в полчаса.

Это главное легко описать отрывками шеметовских диалогов с потерпевшим и с подсудимой.

С Савоськиной чуть не слово в слово повторили разговор двухнедельной давности.

— Анастасия Васильевна, — поинтересовалась Шеметова у девушки, которая сейчас даже отдаленно не напоминала Барби. — Вы в детстве много времени проводили с отцом?

— Нет, — односложно ответила та.

— Вы, что, совсем его не видели? — гнула свое адвокатесса.

— Нет, не видела. — Настя повторила свой ответ из их прошлого разговора. Могла бы и поподробнее, но Ольга все равно осталась довольна, заметив помягчавший взгляд Волгиной.

— А вы хотели в детстве, чтобы у вас был папа? — Этот вопрос они не репетировали, и Ольга даже забеспокоилась, увидев мгновенно выступившие слезы на Настиних глазах.

— Все в детстве хотят, чтобы у них был папа, — чуть не шепотом ответила подсудимая.

— Ваша честь, ходатайствую об отводе вопроса, как не имеющего отношения к обсуждаемому делу, — с запозданием среагировал адвокат Годжаева.

— Я думаю, вопрос имеет прямое отношение к делу, Ваша честь, — не согласилась с мотивировкой Шеметова. — Обещаю прояснить ситуацию максимально быстро.

Волгина не отреагировала на ходатайство адвоката потерпевшего, жестом руки показав, что Ольга может продолжать.

— А мужчины раньше вас часто жалели? — прозвучал еще один редкий для этих стен вопрос.

Настя отчего-то вздрогнула и опять очень кратко ответила:

— Не часто. — Потом поправилась: — Ни разу.

— А Магомед Нурахметович жалел? — дошла, наконец, до главного Шеметова.

— Иногда мне так казалось, — после паузы, не поднимая головы, тихо сказала Савоськина.

— И при этом никаких дополнительных услуг не требовал? — Ольга пошла ва-банк.

Адвокат Годжаева уже рот раскрыл, чтобы ходатайствовать об отводе вопроса. Сам депутат тоже напрягся, весь побагровел в ожидании ответа. Видимо, в этот миг он мысленно крыл адвокатессу и всех коварных женщин самыми скверными словами.

— Нет, никогда. Магомед Нурахметович всегда вел себя корректно, — негромко, но твердо заявила Настя. — Требовал только по работе.

— То есть, никаких неприличностей и приставаний с его стороны не было?

— Я же сказала — никогда, — спокойно подтвердила подсудимая.

Пружина, сжавшаяся в Годжаеве, разом ослабла. А его адвокат продолжал сидеть с открытым ртом, так и не озвучив заготовленное ходатайство.

— Можно еще вопрос к подзащитной, Ваша честь? — обратилась Ольга к Волгиной, хотя ее вроде пока не ограничивали. Просто Шеметова хотела таким образом зафиксировать в сознании судьи простую и четкую позицию девушки: она не жулик, не шантажистка. Она лишнего не просила, а взяла, как ей казалось, свое.

Далее последовало заранее подготовленное продолжение:

— Анастасия, когда вы пришли устраиваться на работу помощником депутата, вы были хорошо подготовлены к этой деятельности?

— Нет, — мотнула головой Настя. — Я учусь в заочном, работу со СМИ мы к тому времени еще не проходили. — Так и сказала — «не проходили». Как школьница. В сущности, она и была еще очень молодой девчонкой. Родись в нормальной семье с достатком — спокойно бы училась и не нуждалась в деньгах.

— Итак, навыков у вас не было. Ничего дополнительного при этом работодатель от вас не требовал. Как вы сами-то думаете, почему же тогда Магомед Нурахметович взял вас на работу?

— Он сначала не взял. Но мне нечем было кормить маму. Когда он отказал, я заплакала. Думаю, он меня пожалел.

— Спасибо, — удовлетворенно закончила допрос Шеметова. Все нюансы были зафиксированы. Осталось лишь сделать вывод. И она была уверена, что такая умная женщина, как судья Волгина, его уже сделала.

Когда к кафедре был вызван потерпевший, Магомед Нурахметович Годжаев, настал момент последнего действия.

Здесь адвокатесса расставила акценты совсем иначе.

— Магомед Нурахметович, — вежливо начала она. — В обвинительном заключении указан понесенный вами ущерб от действий моей подзащитной в размере один миллион сто три тысячи рублей. Это значительный для вас объем денежных средств?

— Конечно, значительный, — мгновенно вспыхнул депутат. — А для кого миллион незначительный?

— Согласна, — кивнула Ольга, хотя могла и не соглашаться: Годжаев официально задекларировал годовой доход в размере более ста миллионов рублей. Но теперь ей нужно было наладить более теплый контакт с этим человеком. — Мы уже слышали от подсудимой, что вы очень хорошо к ней относились, не требуя взамен ничего, кроме работы. Так ведь?

— Ну да, — не понимая, куда клонит Шеметова, ответил тот. — К людям всегда надо хорошо относиться.

И снова Ольга кивнула в знак согласия с его словами.

— А вам приходилось покупать для Насти какие-то вещи?

— Только для дела, — опять насторожился он. — Срочная встреча — я говорю ей, не езжай домой, не успеешь. Иди и купи платье или, там, сапоги.

— А парикмахерская, фитнес-клуб?

— Конечно! — снова начал заводиться Годжаев. Все-таки южные корни постоянно давали о себе знать. — Я много чего разрешал ей покупать. Но только для работы.

— Моя подзащитная это также подтверждает, — вновь сбила его с боевого настроения Шеметова.

— Так зачем вы меня еще раз спрашиваете? — уже без злости, но с непониманием спросил он.

— Магомед Нурахметович, я действительно не зря еще раз об этом спросила. Обычно девушкам такие дорогие и нужные подарки делают отцы, родственники или любящие мужчины. У нас абсолютная ясность, что между вами не существовали любовные отношения. А это означает, что Настя — не расчетливо, а просто инстинктивно — могла воспринимать эти ваши подарки как родственные. И, поскольку вы старше ее и не раз сочувствовали ее проблемам, — то как отцовские. Может такое быть, как вы думаете? Никто и никогда — так ответила девушка на вопрос, заботи-

лись ли о ней родной отец или другие мужчины. А вы заботились. Вы принимали участие в главных проблемах ее жизни. Своим участием вы помогли Насте выполнять и ее дочерний долг. Ведь она в прямом смысле кормила свою ослепшую маму. Именно с вашей помощью.

— Я не знал про ослепшую маму, — пробормотал депутат. — Точнее, забыл.

— Забыли или нет, но вы — единственный мужчина, который реально помогал Насте в ее нелегкой жизни, — подвела итог Шеметова, и даже рукой махнула, изобразив черту.

— У вас все? — спросила судья.

— Если можно, два последних коротких вопроса к потерпевшему, Ваша честь, — попросила Ольга.

— Хорошо, — кивнула та.

— Магомед Нурахметович, вам самому не кажется, что Настя неосознанно относилась к вам как к отцу? Отсюда и ее действия.

— Не знаю, — пробормотал тот.

— И последнее. Вот сейчас, когда мы во всем разобрались, какое наказание, по вашему мнению, должно быть назначено для этой девушки? Понятно, что это прерогатива исключительно судьи, но меня интересует ваше личное мнение.

— А что обо мне подумают, если я попрошу мягкое наказание? — проворчал Годжаев. — Что меня все могут обирать?

— А в вашем окружении много посторонних людей, которые испытывают к вам отцовские чувства? — улыбнулась ему Ольга.

— Это уже третий вопрос, — упрекнула ее Волгина. Но как-то не особо строго.

В общем-то, всем понемногу становилось ясно, что в тюрьму Анастасия Васильевна Савоськина, скорее всего, не уедет.

Так оно и случилось.

Вынесенный приговор был обвинительным. Он и не мог быть иным: вина подсудимой была доказана безоговорочно. Она не имела формальных прав на изъятие ею с карточки деньги. А по сути, с учетом выявленных в судебном заседании моментов, она осталась свободным человеком, получив два года условно.

Судимость скоро будет снята.

С поиском работы у Насти тоже вряд ли возникнут серьезные сложности: ведь ее гонитель в итоге отказался от продолжения преследования.

Ну а Шеметова была откровенно счастлива.

Большую часть гонорара она увидит не скоро. Но, во-первых, увидит наверняка: укравшая миллион Настя по сути своей была честным человеком.

А во-вторых — вытащить кого-то из тюрьмы, вооружившись лишь знаниями и любовью к профессии — это такое счастье, которое не заменить никакими деньгами.

По крайней мере, для Ольги Викторовны Шеметовой — точно.

Глава 12

.....

Вся контора, Муна и Береславские. Смерть Гескина

Хоть и неспешно шло время, но суд по делу наркопроизводителей потихоньку приближался.

Явузов, человек тертый и терпеливый, спокойно его ждал, не прекращая поиска повседневных, маленьких и не очень, радостей. У него было все, что можно достать в тюрьме: от относительно комфортабельного места для сна до вкусной — не тюремной — еды. Случались даже свидания с женщинами, для чего приходилось ложиться в больничку. Нештатные удовольствия, конечно, стоили немало. Однако экономить не имело никакого смысла. Во-первых, денег у Явузова было до черта, даже после ужасного последнего облома. А, во-вторых, будучи умным и опытным человеком, Махмуд Атаевич отлично понимал, что быстро откинуться с зоны ему никак не «светит».

Работой Ольги Шеметовой он был вполне доволен, она скрупулезно и в то же время отчаянно боролась за каждый довод и аргумент, который мог хотя бы чуть-чуть облегчить участь Явузова.

Было подробно описано и документировано тяжелое детство Махмуда, все его имеющиеся хронические заболевания и даже меценатская деятельность наркодельца. Да, он был меценатом: учредил стипендию в одном из музыкальных вузов, построил маленькую мечеть, с настоящим минаретом, в своем родовом селе. И — что Ольга выделила отдельно — несколько раз помогал деньгами пациентам медицинского гематологического центра, поддерживая больных лейкозом детей.

Если бы не его основная деятельность, убивавшая тысячи других детей и взрослых — то просто ангел во плоти.

В общем, Явузов был доволен Ольгой, Ольга тихо ненавидела Явузова, и их официально подтвержденное сотрудничество продолжалось уже более двух лет.

Наверное, оно бы и до суда дожило, если бы не героин.

Очень уж привык к нему Махмуд Атаевич.

Прикипел, можно сказать, за столько лет осторожного, но постоянного использования.

И адвокат был бы идеальным поставщиком наркоты пожилому богатому наркоману. Да только Ольга не стала бы таскать старому бандиту наркотики ни за какие деньги! И оба это четко понимали.

Короче, в какой-то момент, убедившись, что все приготовления к суду Шеметовой совершены по высшему классу и сгорая от желания погрузиться в наркотическое «счастье», Явузов не напрямую, а через своего помощника передал Ольге, что либо — либо. Либо она выполняет все его просьбы, либо они расстаются.

Оба прекрасно понимали, что никаких либо в данном случае нет. Она с нескрываемой радостью подготовила документ, подтверждающий отказ Махмуда Атаевича Явузова от адвокатских услуг Ольги Викторовны Шеметовой. Собственными, как говорится, руками. И с огромной надеждой, что подобный документ ее принтер печатает в первый и последний раз.

Явузов официально его подписал, новый адвокат — наверное, менее щепетильный — уже был им согласован, — и Шеметова ощутила счастливое чувство освобождения от неприятных обязательств.

Дополнительное удовольствие она испытала и еще по одному поводу. Теперь в суде она может максимально активно педалировать весьма полезную для ее подзащитных тему. А именно — вовлечение в преступную деятельность молодых и неопытных людей закоренелым в своих грехах преступником.

А что, на самом деле разве было не так?

Высмотрел, мягко приручил, выставил цели, слегка маскирующие истинные злодейские. И пусть гении от химических наук вовсе не дети, но ехали-то они к Явузову в первый раз не наркотик синтезировать! Это уж потом они приняли неверные решения, после того как Махмуд Атаевич хитро и осторожно подсадил их на крючок сытой и в научном плане интересной жизни, хотя на самом деле — злодейской. Если бы замысел удался, в стране появился бы новый, исключительно сильнодействующий наркотик. С ним не нужен был трансграничный трафик, его производство постепенно бы удешевлялось за счет объемов и инноваций — у ребят коготок-то увяз, так что птичка все равно бы не выпуталась. В итоге даже не тысячи, а сотни тысяч людей утратили бы человеческий облик, пополнив ряды наркозомби и, в конечном итоге, — безвременно умерли бы...

До расторжения их отношений «подследственный-защитник» Ольга не могла бы свободно разрабатывать эту тему. Иначе был бы явный конфликт интересов, ведь и парни, и Явузов одинаково были ее подзащитными.

Шеметова не выдержала и начала набирать номер Багрова. С кем, как не с ним первым, стоит поделиться замечательной новостью, а вечером отметить ее в ресторане. Можно и коллег позвать, давно не встречались, кроме как по работе. Пожалуй, уже недели три, с той поездки в Переславль-Залесский. Ольга, подумав о ней, испытала приятную ностальгию. Захотелось вновь посетить те места, только уже вдвоем с Олегом. Может, когда они подойдут к тому удивительному храму, в его голову все-таки придет простая и в то же время главная идея? Вон их Тошка вовсю готовится к свадьбе с Машенькой. И венчаться решили именно там, на берегу Плещеева озера.

— Слушаю, Оленька, — сразу ответил в трубку Олег.

Как приятно... Обычно он был скуповат на вербальные ласки.

— Олежек, — начала она, тоже ощутив прилив нежности. — Представляешь, я свободна! Мы с Махмудом расстались! Все, нет его больше в моей жизни!

— Это хорошо, — вздохнул Багров.

— А давай съездим, куда нас Береславский возил, а? Повторим маршрут? В той церкви так было спокойно. Что скажешь?

И Олег сказал такое, отчего у Шеметовой похолодело внутри:

— Гескин умер, Оленька.

Когда голова перестала кружиться, Ольга, как ребенок, схватилась за последнюю ниточку надежды.

— Не может быть! Анализы же были хорошие! Может, ошибка? — воскликнула она.

— Он умер, Оленька, — терпеливо, как ребенку, втолковывал Багров. — Сегодня ночью. Под утро, точнее. Муна говорит, услышала как будто всхлип. Okликнула — он молчит. Подошла к нему — а он не дышит. И щеки мокрые, будто он плакал.

— Ужас! — выдохнула Шеметова.

Конечно, все знали, что возраст и диагнозы Гескина не позволяют надеяться на другое завершение его истории. Собственно, это ко всем относится — все люди смертны. А старые люди с долгим онкологическим и кардиологическим анамнезом — тем более.

Все логично.

Но почему-то мозг не принимает такую логику.

Ну, не может быть так, что Аркадий Семенович больше не спросит заботливо о делах, не расскажет что-то интересное, не утешит просто, когда в их юридической или личной жизни что-то идет неправильно.

Нет, не так! Не может быть, что, войдя в старую добрую любимую контору, вы больше никогда — никогда! — не увидите там старика Гескина. Вот в чем ужас. В том — что никогда!

Все понятно, и старость, и диагноз. Но принять такое невозможно, как и эмоционально, сердцем, осознать свою собственную, в будущем неминуемую, смерть.

— Что будем делать? — собравшись с силами, спросила Шеметова.

— Хоронить старика, — после долгой паузы ответил Олег. Ольга вдруг поняла, что он сам с трудом сдерживает слезы. — Держись, Ольга, — со вздохом добавил он. — Наверное, это не худший вариант. Помнишь, как он боялся боли?

— Да, — согласилась Шеметова. — А тут получается, раз — и все.

Ей действительно стало чуть легче — старик прожил отличную жизнь и совсем не мучился на ее исходе.

— Детей вызвали? — спросила она.

— Да. Валентина Семеновна. У нее все координаты. Завтра оба сына прилетают. А похороны послезавтра.

— Кто-нибудь ими занимается?

— Маринка, конечно. Расплакалась как ребенок, когда узнала. Потом слезы вытерла и начала работать.

— А нам что делать?

— Помогать Маринке. И Муне. Она совсем расклеилась. Ее нельзя оставлять одну. И лучше, если с детьми старика она тоже будет общаться не в одиночку. Ты сможешь днем побыть с ней?

— Конечно. Я сейчас к ней поеду. Она дома?

— Да.

— А ночью она одна там останется? Может, мне с ней переночевать? — предложила Ольга, но Багров по ее голосу почувствовал, что она боится оставаться в квартире усопшего, даже с Муной.

— На ночь ее Томские забирают.

— Хорошо, — вздохнула Шеметова.

Хотя чего уж тут хорошего.

Ольга то чуть успокаивалась, то опять — по любому поводу — с трудом сдерживала слезы. А поводов, связанных с покойным Аркадием Семеновичем, было сколько угодно. Вот записную книжку открыла. У всех информация в телефонах, а у нее — книжка: старомодная, коричневая, из дорогой кожи с золотым тиснением и с золотым же обрезом страничек. Гескин подарил.

И ручка перьевая. Современная, конечно. Со сменным баллончиком. И, разумеется, с золотым пером. Также его подарок. Она вспомнила, как он пошутил, даря очень не дешевую канцелярскую принадлежность. Типа, глядя, чем ты пишешь, гонорары будут сами по себе удваиваться.

А вот тонюсенькая керамическая закладка с зажимом. Это уж точно не артефакт. Однако Гескин счел объект достойным для подарка.

Так оно и есть.

На закладке всего одна коротенькая надпись: «Борись до конца!»

Сколько раз, когда все шло наперекосяк, и у нее опускались руки, она перечитывала эти нехитрые слова. Впрочем, тогда у нее была возможность зайти в кабинет к старику, «поплакаться в теплую жилетку» и получить не только утешение, но и точный, расчетливый совет.

Теперь осталась только надпись.

— Неправда, не только надпись, — вслух проговорила Ольга. — Хотя и надпись хороша. Никуда Гескин не исчез, раз мы все о нем будем думать.

Странно, но стало немного легче, и она решительно двинулась к метро, чтобы ехать к Гескину.

«В квартиру Аркадия Семеновича», — поправила сама себя Ольга. К Гескину они теперь будут ездить по иному адресу...

Муна же в это время бесцельно бродила по квартире, не в силах заставить себя чем-то заняться.

Хотя квартиру надо было срочно приводить в идеальный порядок. Ей не хотелось, чтобы дети ее Гескина посчитали, что она была плохой хозяйкой для их папы.

И заниматься надо было. Третий курс в институте, пусть и заочном, самый сложный. Большинство вылетают именно на нем — Гескин не уставал вбивать в нее эту сентенцию. Правда, в прошлом году речь шла о втором курсе.

Тут ей в голову пришла мысль, что они с Гескиным живут вместе уже седьмой год.

Жили...

Она не раз спрашивала себя — счастлива ли? И честно себе же отвечала: нынешняя жизнь с девичьими мечтами не совпала. Не видела она в мечтах мужа на сорок с лишним лет старше себя. Да еще и без официального брака. Но Гескин заботился о ней, как никто и никогда в ее прошлом. Его друзья и коллеги приняли девушку в их неформальную компанию, которая больше походила на крепкую семью.

И она старалась быть максимально благодарной в ответ.

Хотя тревожные мысли о будущем никуда не уходили. Они и раньше были, однако, несмотря на все свои болезни, Гескин казался ей вечным. Он и внешне как будто не старился.

Нет, на улице она не окажется ни при каких раскладах — Аркадий Семенович предусмотрительно приобрел на ее имя квартиру на юге Москвы. Не Арбат, конечно. Но ведь и она не из «золотой молодежи».

Деньги у нее тоже были: что-то дарил Гескин, что-то заработала сама, помогая в конторе. Тот же Багров уверенно сказал ей, что после окончания вуза она станет их коллегой — Муна оказалась весьма способной

к обучению. Просто раньше наличие этих способностей никак не интересовало тех, от кого зависело ее будущее.

Нет, материальной катастрофы не предвиделось, хотя, конечно, жить как раньше, вообще не думая о деньгах, она больше никогда не сможет.

Впрочем, слезы, то и дело душившие Муну, не имели никакого отношения к денежным вопросам.

Гескин был человеком, который впервые полюбил Муну не за что-то, а просто так. Конечно, он любил плов, ею приготовленный. Он ценил ее нежный труд, когда лежал тяжелобольным. Ему нравилось, что в доме чисто и уютно. Но все же любил он ее не за это — все перечисленное обеспеченный старый адвокат мог позволить себе приобрести за деньги.

Значит, любил за что-то другое? Увидел в ней то, что никто не разглядел? Муна не выдержала и расплакалась.

Едва, умывшись, вышла из ванной, как позвонили в домофон. Она почему-то испугалась, что приехали дети старика. Муна опасалась встречи с ними. Ей было бы чертовски обидно, если бы они сочли ее приживалкой или, того хуже, искательницей богатств.

Но на экране домофона появилось лицо Ольги Шеметовой, расстроенное и заплаканное.

Через минуту они уже стояли в коридоре, обнявшись. Плакали, успокаивали друг друга. Потом приехала Марина с мужем. Глаза у нее тоже были мокрые, но характер от этого не поменялся — тут же раздала всем поручения. Никто не возражал, так даже было легче.

Волик поехал закупать продукты по написанному Мариной списку. Шеметову ждал пылесос и стиральная машина. Муне было велено разобрать стол Гескина, нет ли там каких указаний на скорбный случай.

Указания и впрямь нашлись.

Но отыскала их не Муна в идеально разобранном столе старого юриста, а вернувшийся с покупками Волик.

Зачем держать последнее письмо в абсолютно пустой морозилке, не знал никто. Впрочем, Гескин ничего не делал необдуманно. И некая логика была очевидной. Например, морозилкой, большой, с треть основного холодильника, никто не пользовался. Муна покупала продукты малыми порциями, на двоих, чтобы они всегда были свежими, так что письмо там могло храниться не хуже, чем в сейфе.

Найденные Воликом бумаги лежали в довольно большом конверте с печальной надписью по диагонали: «Вскрыть после моей смерти», заверенной характерной подписью старого адвоката. Решили так и сделать, подождав Валентину Семеновну, Антона Крымова и Ефима Береславского. Все уже были оповещены и скоро должны были подъехать.

Тем временем Муна рассказывала женщинам про ужасы этой ночи. Она уже не плакала, голос был размеренный, только какой-то немножко механический.

— Когда я поняла, что он не дышит, вызвала «скорую». Те приехали очень быстро. Раньше во время сердечных приступов иной раз по часу ждали, — вдруг пожаловалась она, — а тут буквально минут через десять приехали. Врач осмотрел его и сказал, что это не по их части. Дал телефоны, куда звонить. Первый номер был полиции. Оттуда тоже двое приехали, и тоже быстро.

— А почему ты нам не позвонила? — вдруг дошло до Ольги. — Мы бы сразу примчались.

— Не знаю, — честно призналась Муна. — Я как автомат была. Пока «скорая» не приехала, даже еще на что-то надеялась.

— А что менты? — спросил Волик.

— Написали какую-то бумагу, — вяло ответила Муна.

— Что следов насильственной смерти не обнаружено, — машинально объяснил Багров.

— Потом приехала машина за телом. Попросили отвернуться, пока будут выносить. Сказали, куда везут. Потом я позвонила Олегу и уснула. Прямо в кресле. Вот и все, — закончила свой печальный рассказ Муна.

В этот момент в незапертую дверь вошли четверо. Первой — Валентина Семеновна, в черном платке и черном платье. За ней, осторожно, как по минному полю, — Антон Крымов. Ему было настолько скверно, что Машенька поддерживала его под руку. Худенькая и стройная, она сейчас была гораздо сильнее своего будущего мужа.

Еще через полчаса приехали Береславские. Через коридор мрачно протопал Ефим, следом — как Санчо Панса за Дон Кихотом — вошла Наталья. Профессор не походил на самого себя. Глаза погасли, куража никакого.

— Аркадий Семенович, видимо, послание оставил, — сказал Томский, показывая ему запечатанный конверт. — Что будем с ним делать? — Несмотря на присутствие многоопытных коллег, он почему-то обратился именно к Береславскому. Остальные не возражали.

— Вскрывать и читать, — кратко ответил тот.

По линии отреза вскрыли конверт. Из него высыпалось много конвертов поменьше и лист исписанной белой бумаги.

С конвертами разобрались быстро. На каждом из них была почти идентичная надпись. Фамилия получателя и собственноручно, перьевой ручкой написанный текст: «Вскрыть после похорон».

Все разобрали «свои» конверты.

На пары — Багров с Ольгой, Антон с Машей, Марина с Воликом и профессор с Натальей — причиталось по общему посланию.

Валентине Семеновне, Муне и опять Береславскому — только теперь отдельно — предназначался отдельный конверт. Наталье даже стало немного обидно — она-то считала себя неотделимой от мужа. Потом вспомнила, что в его служебных делах у нее права голоса нет, и успокоилась. Значит, что-то по работе. Когда Гескин был живой, у них всегда находились темы для разговоров.

В общем послании оказалось четкое руководство по проведению его похорон, просьба к Шеметовой стать навсегда личным адвокатом Муну, к той же Шеметовой и Томскому — обеспечить беспроблемное принятие наследства его детьми и Муной.

Это было понятно. Нотариально заверенное завещание готовила Ольга. Волик же пуд соли съел на делах, связанных с международными финансовыми операциями. Так что все логично. Чего не знают эти двое, подскажут коллеги.

Кроме того, общее послание содержало благодарность всем друзьям и коллегам Гескина за совместно прожитую жизнь. Так и сформулировал.

Заканчивалось оно коротким простым текстом: «Ребята, не бросайте Муну, берегите себя и будьте счастливы! Я вас очень люблю».

В настоящем времени...

По похоронам ничего менять не пришлось: Марина знала, что делать. Оказывается, еще довольно давно, во время прогулки на пароходике по Москве-реке, он вкратце очертил ей свои предпочтения. Она тогда, испугавшись, запротестовала, а он улыбнулся и сказал, что заранее соломку стелит. Хотя ассоциация с сололкой здесь как-то не проглядывала. А, может, и проглядывала: не слишком религиозный Аркадий Семенович просил похоронить его по обряду. Место, как выяснилось, он себе тоже выкупил заранее, оберегая друзей и Муну от лишних хлопот.

Последний на сегодня вопрос: Антон по просьбе Береславского исследовал сейф. Тот оказался свободен от бумаг. А в единственном бумажном тяжеленьком свертке, когда его развернули, оказался... пистолет!

— Я такого и не видел, — признался бывший бравый десантник Крымов.

Черный, маленький, чистенький, но явно смертоносный, он лежал на столе совершенно чужеродным предметом.

— Я видел, — внезапно произнес Береславский. — «Беретта» малокалиберная. — И, взяв оружие своими пухлыми ручками, неожиданно легко достал из рукоятки магазин и ловко выщелкал из него патроны с остроносными пулями.

— Боевые, — сказал Тошка, покрутив один в пальцах.

— Да, — односложно согласился профессор.

— Что с ним делать? — спросил Багров. — Сдать в отделение на утилизацию?

— Нет, — так же кратко ответил Ефим Аркадьевич. После чего не менее ловко зарядил магазин и вставил его в пистолет. Потом завернул в прежний сверток и положил его в обыкновенный пластиковый пакет. — Себе возьму.

— Вам это надо? — попыталась урезонить его Ольга, видя что Наталье происходящее явно не нравится. — А если по дороге обещают машину?

— Твою часто по дороге обыскивают? — резонно возразил профессор. На этом, собственно, собрание и закончилось.

Ольга, хоть и боялась, но решила остаться с Муной. Однако Марина предложила иной вариант: она забирала Муну до похорон к себе.

И Муна, и Ольга вздохнули с облегчением.

Все распрощались и разъехались по домам.

Похороны состоялись, как им и было предназначено, через день. Сыновья уже приехали, оба с женами. На две семьи — четверо внуков. Трое старших были искренне опечалены: они деда хорошо помнили. Младший пока не понимал сути события и норовил побегать среди вековых деревьев главной аллеи.

Никаких неприятных моментов в общении с Муной у «американцев» не случилось. Те относились к ней вполне хорошо, понимая, что именно Муна сделала счастливой последние непростые годы жизни их отца. Кроме того, они давно знали, что главная материальная ценность — огромная квартира в самом центре Москвы — по завещанию отписана им. Так же, как и два сберегательных счета на весьма солидные суммы.

Ольга знала, что третий счет, тоже не маленький, останется в распоряжении Муны. Сама же обдумывала с тогда еще живым Гескиным, как все обставить юридически, чтобы не пришлось платить больших налогов. Странно — говорили тогда о смерти, совершенно не думая о смерти. О законах, налогах, трансакциях — но не о смерти.

Прощались с Гескиным сначала в траурном зале морга, куда отвезли его тело. Шеметова думала, что соберется человек двадцать. Но они обзвонили всех по записной книжке покойного, разместили некролог на сайте конторы и адвокатской коллегии, к которой относились. В итоге пришло несколько сот человек. Очень многим людям старик помог спасти кому деньги, кому репутацию, а кому и жизнь.

В зал столько не уместалось. Люди подходили к гробу, прощались и выходили на улицу, покурить и собраться с мыслями.

На кладбище поехали не все, но все равно многие. Приготовленные два автобуса не вместили людей, хотя второй заказывали на всякий случай.

К счастью, большинство приехало на машинах. Они подхватили тех, кому не досталось места в автобусах.

Кладбище когда-то было на отшибе, а теперь — в пределах МКАД, окруженное строящимися или уже построенными высотными домами. Правда, лесные участки пока тоже остались.

Обряд вел строгий молодой человек, с окладистой черной бородой и в черной же шляпе. Он был серьезен и печален. Ольга особо отметила, что печаль молодого парня была не от профессии, а от глубокого, философского отношения к жизни.

И к смерти.

Наконец отзвучали произнесенные на древнем языке слова молитвы, и каталку с гробом Гескина повлекли по огромному кладбищу к месту его последнего пристанища.

Потом гроб несли на руках, по узким тропкам между могилами. У только что вырытой могилы, пахнувшей свежей землей, молодой раввин вновь начал молиться. Ольга не понимала ни единого слова, кроме «амен», которому дружно вторили собравшиеся, но пробирало до слез.

Наконец все закончилось. Свеженабросанный холмик скрылся под горой цветов.

Постепенно все разошлись. Остались лишь Муна, конторская команда и Береславские. Им предстояло ехать на то, что у евреев называется трапезой сочувствия, а у русских — поминками.

Поминали в квартире Аркадия Семеновича. С его детьми договорились, что Муна выедет в течение месяца. Ее собственная квартира была давно обставлена Гескиным, с умом, заботой и за серьезные деньги. Потом наследники планировали отцовскую квартиру сдавать — приличное пособие на образование внукам. Они недолго посидели на трапезе. Оно и понятно: перелет плюс печальные эмоции.

Через пару часов стали расходиться и друзья покойного.

Ольга вышла с Береславским чуть раньше остальных. Муна собиралась уехать к Томским, Наталья с Мариной помогали ей домыть посуду.

В руках у Береславского было небольшое фото Гескина в рамке.

Во дворе они попрощались. Ефим собирался подождать на лавочке жену, а Ольгу ждал Багров в их «фабии».

Она сделала пару шагов к машине и вдруг услышала за спиной тихий и укоряющий голос профессора:

— Вот же ты засранец! Взял и умер!

Ольга не осмелилась оглянуться. Украдкой, как шпионка, вытащила из сумки пудреницу и посмотрела в зеркальце.

Береславский разговаривал с фотографией друга. Он был явно обижен. Они так не договаривались. По щекам профессора текли слезы.

Глава 13

.....

Ольга Шеметова и Леночка Тобольцева. Аппендицит как аргумент. Тело как улика

Время шло, и боль действительно успокоилась. Правда, иногда резко просыпалась, остро цепляя нервы. Например, когда Ольга как-то в толпе увидела очень пожилого, лысого, но еще крепкого старика, она громко крикнула:

— Аркадий Семенович! — И тут же замолчала, осознав бессмысленность своего поступка.

Старик обернулся, но, увидев, что это не по его душу, неторопливо двинулся дальше. А Ольга, унимая колотящееся сердце, села на лавочку и тихо заплакала.

На столе у нее стояла фотография Гескина, такая же, какую в день похорон унес из обезлюдившей квартиры Ефим Береславский. У Томского изображение Гескина тоже имелось. Но в окружении друзей и коллег: на стене в красивой рамке висел большой групповой снимок, сделанный примерно год назад на даче профессора, когда они так удачно набрали грибов. Лишь у Тошки Крымова в кабинете не было портрета Аркадия Семеновича, но при этом весь кабинет был пронизан памятью о добром и верном наставнике.

Шкаф был забит книгами, очень полезными и очень дорогими, попадались даже исторически значимые редкости. Книги были, понятное дело, от Гескина.

Еще один предмет тоже был подарен ему Гескиным. Вот он, на столе. Стоимостью, наверное, как сотня таких столов. Огромная пепельница из старинной бронзы, украшенная самоцветами и стоящая на бронзовых же лапах с растопыренными пальцами. Отдельно Гескин написал, что пепельница эта теперь переименована в конфетницу или фруктово-ореховую, как Тошке будет удобнее. И что Тошка курить теперь не будет вообще, а он, Гескин, за этим пронаблюдает оттуда, так что, пожалуйста, без мухлеза.

В пепельнице теперь и в самом деле лежали шоколадные конфеты. Курить Антон бросил.

Сейчас, ввиду позднего времени, в конторе оставалась только Шеметова. Завтра ей предстоял процесс по делу Тобольцевой. Точнее — решающий день процесса. Он шел довольно долго, но не только потому, что было много работы. Полмесяца назад лег на операцию судья — убрали желчный пузырь. И все же они успели сделать многое. И это многое смело можно было назвать успешным.

Во-первых, все — и допрошенные бандиты, и потерпевшие — показали, что девушка никаким образом не заманивала несчастных за собой. Они шли за ней сами, повинувшись некоему внутреннему побуждению.

Во-вторых, главарь банды, Коробов, заявил, — и остальные члены преступной группы подтвердили, — что услуги Тобольцевой никогда и никоим образом не оплачивались. Максимум — шоколадом или конфетами. То есть, работала она по просьбе своих товарищей исключительно для того, чтобы очистить город от маньяков и насильников. Другими словами, корыстный, отягчающий смысл в ее действиях полностью отсутствовал. Вместе с подтвержденной медиками легкой степенью дебильности подсудимой, можно было говорить о полном отсутствии в ее действиях криминальной мотивации.

Все домашние заготовки были также отработаны, все смягчающие обстоятельства подкреплены кропотливо подготовленными документальными подтверждениями. Также судье будут предъявлены характеристика с места работы и с места учебы. Вполне положительные характеристики.

В оба адреса Ольге пришлось нанести полноценный визит, поскольку до разговора с Шеметовой местные товарищи не хотели влезать в историю, связанную с разбоем. Проще списать сотрудника или студента и забыть.

И все же пазл не складывался. Второстепенных хороших аргументов — сколько угодно. Судья, если Шеметова захочет, просто в них утонет. А сильного, главного, как не было, так и нет.

А завтра нужен именно сильный и главный аргумент. Потому что это, скорее всего, будет последний день судебного следствия. И перед уходом на прения каждый уважающий себя защитник стремится взорвать бомбу — или хотя бы бомбочку, — которая вдруг покажет подзащитного в хорошем свете или внесет сомнение в обвинительный пафос. Это всегда и всюду влияет на приговор, если тот не написан заранее.

Вот такой бомбы — или бомбочки — Ольга Шеметова, к несчастью, не имела. Она даже знала, где ее искать, но найти так и не сумела.

Чуток, конечно, в эту тему накопили. Но слова бандитов не так уж много стоили в глазах судьи. А слова потерпевших, хоть и стоили больше, но, как ни странно, не были подкреплены... самой Тобольцевой!

На заседаниях суда она вела себя аки серенькая мышка, скромно одетая, без макияжа и почти бессловесная.

Судья, Игорь Данилович Беспалов, еще не старый мужчина, сколько ни вглядывался в нее, но никакой особой манкости в худосочной бандитке не нашел. Это наводило его на мысль, что участники процесса просто стремятся вывести девушку из-под ответственности. Кто — по доброте душевной. Бандиты — стремясь умалить и собственную вину — типа, «не виноваты мы, он сам пришел...» Кроме того, Игорь Данилович не исключал, что Тобольцеву просто выгораживают за деньги или что-то равнозначное — например, оплата адвоката, подкармливание в СИЗО и тому подобное.

Ольга это чувствовала, и именно это ее и тревожило.

Если судья не увидит в девчонке пресловутой «манкости» — приговор будет строгим. Вот для чего готовился опрос специалиста по виктимологии — науке о поведении жертв криминальных действий. Вот почему так важно, что статистически достоверно доказано: легкая степень дебильности, имеющаяся у Леночки Тобольцевой, сильно повышает риск сексуального насилия. Пока что это было единственное доказательство имеющейся у подсудимой какой-то особенной «манкости».

Нет, нужно во что бы то ни стало найти эту чертову завтрашнюю бомбу! Потому что послезавтра может быть уже поздно.

Шеметова вновь стала напряженно представлять облик Тобольцевой — до суда и на заседаниях. Это действительно были две разные девушки! Она же помнит, как тогда в метро все мужики просто с ума посходили от Леночкиного вполне обыденного вида. Как сделать так, чтобы тот образ продемонстрировать строгому и сомневающемуся судье?

В этот момент зазвонил мобильный.

На ловца и зверь бежит.

Леночка Тобольцева.

— Извините, что я вам долго не звонила, — сказала она.

— Ничего страшного, — успокоила ее Ольга. Особого общения и не требовалось — все равно в процессе был перерыв.

Но Лена все же решила объяснить свое долгое молчание.

— Я в больницу попала, — сказала она. — Как наш судья.

— Желчный пузырь? — спросила Шеметова. — Операция?

— Операция, — ответила та. — Но не желчный. Аппендицит. Все очень быстро получилось. Боль ужасная, меня увезли. Даже по-человечески сделать не смогли.

— По-человечески — это как? — не поняла Ольга.

— Ну, как всем сейчас делают. Через дырочки.

— А тебе как сделали?

— Распороли живот, через весь низ, с правой стороны. Тут теперь не только бикини, но и отдельный купальник сложно будет надевать. И ходить пока еще больно. Я вот и звоню спросить, можно теперь нам отложить суд? Все справки мама принесет. Я вообще-то еще в больнице, хоть и хожу в сад гулять.

Шеметова задумалась.

Отложить, разумеется, можно, раз человек прооперирован. Но судью это вряд ли обрадует. Они нормально общались, и Беспалов сам сказал Ольге, что, как только процесс закончится, он махнет в Kislovodsk, в отпуск, долечиваться.

А лето уже на исходе. Если сейчас задержаться, то судье придется ехать в октябре, в сезон дождей.

На первый взгляд, чепуховая вещь, график отпусков.

Но только не тогда, когда от настроения не поехавшего в отпуск человека зависит свобода, а то и жизнь других людей.

Здесь уже надо все учитывать.

Здесь мелочей быть не может.

И в этот момент — как принято нынче в народе говорить — пазл сложился!

Все разом встало на свои места.

И операция судьи, он ведь только что прошел через больничные страдания.

И предстоящий ему отпуск — Леночка Тобольцева проявит личное мужество, но процесс не затянёт.

И этот чертов вопрос манкости, которую так сложно доказать.

Все убьется одним ударом.

— Значит, так. — Голос Шеметовой приобрел обычную силу и убежденность. — Никаких приостановок процесса не будет.

— Но мне даже ходить больно! — не поняла Тобольцева. — Как я в метро поеду, в толкучке?

— Лучше пусть поболит на свободе, чем пройдет в тюрьме, — властно прервала дискуссию Ольга. — А на такси денег я тебе на карточку перешлю.

— Не надо на такси, у мамы найдется на пару поездок, — сказала Тобольцева, после чего обиженно замолчала. Если откровенно, Леночка опасалась спорить со своей единственной надеждой на благополучный исход процесса. Она привыкла полностью доверять Ольге Викторовне.

— Вот и ладненько, — одобрила ее решение Шеметова. После чего довела свой коварный замысел до конца, поинтересовавшись: — Шов у тебя в каком сейчас виде?

— В ужасном, — ответила Лена. — Слава Богу, ничего не видно, но пластырь огромный.

— А если ты в юбочке, он наверх вылезает?

— Еще как, — не очень понимая цели вопросов, подтвердила Тобольцева. — Страшно в зеркало смотреть.

— Отлично!

Леночка не поняла, чему так обрадовалась ее спасительница, но допытываться не хотелось. Она вообще, в полном соответствии со своим диагнозом, не любила напряженной умственной работы, оставаясь при этом вполне приятным, доброжелательным и адекватным в большинстве проблем человеком.

— Значит, так, — продолжила свой прерванный монолог Шеметова, — слушай меня внимательно. Процесс продолжаем, потому что этого хочет судья. Сделаем ему приятное. Поняла?

— Да, — односложно ответила подзащитная.

— Когда речь пойдет о твоём здоровье, я попрошу, и ты покажешь ему шов.

— Покажу шов? — поразились Леночка. — Зачем?

— Затем, что я хочу, чтобы ты не отправилась на зону. Поняла?

— Поняла, — быстро ответила Тобольцева. Это-то как раз она давно поняла, отчего так слепо и доверяла адвокатессе.

— Я скажу судье про аппендицит, и, когда разговор пойдет про шов, что ты сделаешь? — переспросила Ольга.

— Подниму блузку и покажу ему шов.

— Только чтоб это не походило на порнографию. Никаких бикини и топлесс.

— Какое уж теперь бикини, — горестно вздохнула Леночка.

На следующий день Ольга отправилась на заседание суда. Ехала с замечательным настроением. Как же она любила эти бои, это восхитительное ощущение, когда она защищала слабых и обиженных судьбой. И все это ощущалось в стократ сильнее, если в запасе адвокатессы лежала вот такая домашняя заготовочка.

Ну, дай бог, чтобы все прошло, как надо.

Олег, видя ее состояние, решил поддержать любимую и тоже поехал с ней на процесс.

Тобольцева уже была там, вместе с мамой они приехали на такси.

Мама страшно волновалась, да и Леночке было не лучше, но к мукам ожидания близкого приговора у нее добавлялись чисто физические страдания: при каждом движении она морщилась от боли, особенно когда вставала или садилась.

Когда к своему месту прошел Игорь Данилович Беспалов, Шеметова сразу ему посочувствовала: он был несколько сгорблен, и его осторожные шаги все же явственно отдавались неприятными ощущениями в теле.

Судебное следствие было практически закончено, и судья спросил участников процесса, имеются ли у них какие-то дополнения к сказанному.

Стандартная процедура перед прениями.

— Я хотела бы добавить важную информацию, Ваша честь, — подняла руку Ольга.

— Пожалуйста, — вежливо ответил он.

Шеметова еще раз быстро прошла по всем важным пунктам.

Была отмечена социальная адаптированность Леночки Тобольцевой. Она нормально вписана в окружающий мир, и в данный момент вообще не имеет отношения к криминалу.

Еще три точные фразы — про полное отсутствие корысти в ее действиях. Нельзя же считать экономическим мотивом шоколадку!

Отдельно, как гвозди в доску, — подтвержденное врачами-экспертами измененное восприятие мира, ввиду Леночкиных медицинских особенностей. В том числе — и в плане пресловутой манкости.

Беспалов слушал внимательно, даже головой пару раз качнул, как бы в знак понимания. Однако на «манкости» будто споткнулся, выдав скептическую полуулыбку.

Отлично. Значит, время пришло.

— Еще хотела бы отметить, Ваша честь, что моя подзащитная только что перенесла экстренную тяжелую операцию.

В глазах Игоря Даниловича явственно промелькнуло понимающее сочувствие.

— В принципе, она и сейчас еще в больнице. Вырвалась сюда, чтобы не срывать процесс.

Взгляд Беспалова снова потеплел. Но он не был бы опытным судьей, если бы не проверил детали.

— Швы-то уже сняли? — между делом спросил вершитель Леночкиной судьбы.

— Нет, Ваша честь, — ответила Шеметова. — Операция была тяжелая, открытым методом. Так что снимут не скоро, как я понимаю. Так, Лена? — обратилась она к Тобольцевой.

— Да, Ольга Викторовна. Не скоро, — ответила та и, правильно решив, что час настал, встала и продемонстрировала судье и залу шов.

Не весь, конечно. Но и показанного было более чем достаточно.

И уж, конечно, дело было не в здоровенном куске пластыря — момент сочувствия уже был полностью отыгран, — а совсем в другом.

Вот она медленно встала, морщась от боли.

Длинная темно-серая юбка, плотная, опять же серенькая, блузка. Неяркое лицо почти без косметики.

Девушка взялась руками за низ блузки и легким лебединым движением приподняла ее вверх. Ровно настолько, насколько надо. Никакой порнографии. Но, господи, сколько ж эротики!!!

Плавное движение рук, приподнятая белокурая головка, мгновенно обнаженные плавные линии нежного живота. У мужиков в зале аж дыхание захватило.

Безмерно довольная собой, Ольга внимательно посмотрела на судью. Тот ничем не отличался от прочих представителей сильного пола. Блестящий результат!

Потом взглянула на Олега. И этот тоже ничем не отличался. Ну ничего, дома поговорим. А сейчас ее захлестнуло ощущение грядущей победы. Так оно и вышло.

С приговором Беспалов тянуть не стал. Бандиты с Бауманской получили приличные сроки, главарь — семнадцать лет заключения.

Леночка же Тобольцева, к огромной радости защитницы и безмерному счастью ее мамы, получила три года условно. Ввиду отмеченной судом «неактивной роли Елены Сергеевны Тобольцевой в преступлениях, помощи следствию, устройства на работу, успешной учебы в высшем учебном заведении» и т.д. и т.п.

Хотя главным было то, что судья реально поверил: увидев это тело, мужики летят за ним, как осы на мед.

И, бывает, также влипают.

Но не судить ведь за это мед...

Глава 14

.....

Шеметова и Багров. Свободу химикам!

Удачу в деле с Тобольцевой отпраздновали всей честной компанией. Впервые со дня смерти Гескина.

Почему-то эта мысль пришла в голову всем почти одновременно.

Подумали и поняли, почему. Они давно уже перестали быть просто коллегами.

Не чокаясь, выпили за упокой Аркадия Семеновича.

— Я когда с ним впервые встретился, подумал — вот же чванливый старик! — вдруг вспомнил Антон. — И еще имя напрыгло. Аркадий. Вычурное какое-то. С нафталином и кружевами. А потом уже не представлял ни контору, ни себя в ней, без него. И Аркадий — очень классное имя. Надеюсь, нам с Машей пригодится, — обнял он невесту.

Та ничего не ответила, но, судя по выражению глаз, которыми она смотрела на своего юриста-десантника, не возражала. Ни против имени, ни против совместного с Антоном сына.

— Да, вид у него всегда был гордый, — поддержал Багров. — Умел заставить себя слушать. И прихвастнуть любил. Я же его еще вполне молодым застал. — Олег вдруг осознал, что стал самым старшим в конторе адвокатом. — В этом они с Береславским сошлись, — закончил он свою мысль.

— А вон и Ефим Аркадьевич, — сказал Волик. — Легок на помине.

Они сидели на открытой террасе рестораника в Сокольниках, год назад примеченного востроглазым Антоном. Это было местечко, приятное во всех отношениях: вкусно, относительно недорого и, что немаловажно для современной Москвы, — с большой парковкой рядом.

Вот оттуда, припарковав свой «ягуар», к ним шел, прихрамывая, профессор Береславский. Хотя, если быть точным, «ягуар» припарковала Наталья, последовавшая за супругом.

— Странно, — заметил Волик.

И в самом деле странно. Эта элегантная английская пятиметровая красотка была, если можно так выразиться, личной игрушкой профессора.

— И что он вдруг захромал? — задумчиво проговорила Ольга.

— Сейчас придет, сам расскажет, — покачал головой Крымов.

— Что хромаем? — с порога спросила Ефима Аркадьевича контороуправительница. Вот уж кто не ведал неприкасаемых авторитетов! Для нее все были «прикасаемые».

— Да так, ерунда, — замялся Береславский.

— Упал с мотоцикла, спасая девушку? — подсказал Волик Томский.

— Хуже, — кратко бросил профессор, выдвигая свой стул. — Прыгал с парашютом, а парашют не раскрылся. Конкуренты, видать, укладывали.

— Мы так и подумали, — деликатно поддакнула Ольга. Раз не хочет говорить — значит, не надо.

Говорить, как выяснилось, хотела Наталья. Понимая, что ее мнение в данном вопросе профессор всерьез не рассматривает, она обратилась за поддержкой к друзьям, мрачно объявив:

— Тромбы у него. И в левой ноге, и в правой.

— Наталья, хорош баламутить! — призвал жену к порядку Береславский. Однако на корабле явно назревал бунт.

— И с чего началось, знаете?

Народ не знал, но, оказавшись в деликатном положении, безмолствовал.

— Опять что-нибудь «накосячил»? — в лоб спросила Валентина Семеновна. Эта женщина чувства пиетета не испытывала никогда.

— Еще как, — расстроено проговорила Наталья, но продолжать не рискнула, заметив тяжелый взгляд садыщегося за стол супруга.

— Может, поедим спокойно? — предложил профессор.

— Наталья зря не скажет, — сделала вывод контороуправительница. — Колись, что натворил.

Береславский, в общем-то, не обиделся. Да и как обижаться на людей, которые стопроцентно хотят тебе добра? Но и копать тему вглубь не хотел.

Наталье же, ободренной поддержкой, не терпелось закрепить успех.

— Скажите хоть вы ему, — пожаловалась она. — Он же не понимает!

— Так что все-таки случилось? — спросил Багров.

— Мы ехали из Лиссабона на «старексе», торопились из путешествия к его очередному мероприятию, — начала Наталья.

— Это мы знаем, — откликнулся Волик. Профессор регулярно выставлял в соцсеть путевые фотоотчеты.

— В общем, за руль он мне сесть не дал. Ни разу.

— Почему? — не поняла Валентина Семеновна.

— Первый день — случайно, — язвительно объяснила Наталья. — Второй — так вышло. Третий — я не устал. Четвертый — идем на рекорд. Пятый — я крутой. Если бы ехали еще неделю — идеи бы тоже нашлись. Короче, вылез в Москве из-за руля — и захромал.

— А к врачу? — спросил Волик. — Не?

— Не, — сердито подтвердила Наталья. — Мы ж не боимся никого, кроме врачей.

— Я тоже боюсь врачей, — счел нужным поддержать приунывшего Береславского Багров. Ибо неправильно это — пинать охромевших львов.

— И я боюсь, — честно сказала Ольга.

— А откуда узнали про тромбы? — задала первый деловой вопрос Муна. — Есть УЗИ, рентген? — Она недавно устроилась на работу в солидную частную клинику юрконсультантом и, похоже, была в курсе проблемы.

— УЗИ, — подтвердила Наталья. — Звонок другу, предоставлен лучший УЗИст госпиталя. Два тромба, по штуке на ногу.

— Тромб — это опасно, — настороженно заметила Муна.

— Очень опасно, — подтвердила жена Береславского.

— Да хорош нагнетать! — как от мух, отбивался от женщин профессор. — Это не страшные тромбы. Они в подкожных венах. Ниже колен. Ни в легочную артерию, ни в мозг не попадут.

— Много ты знаешь, попадут или не попадут.

— Слушай, чего ты от меня хочешь? — разозлился Ефим Аркадьевич. — Я же лечусь.

— И как же ты, голубь, лечишься? — поинтересовалась Валентина Семеновна. Вот уж кого никогда не напрягали регалии критикуемого ею человека! А то, что сейчас профессор Береславский будет подвергнут жесточайшей критике — у присутствующих не оставалось никаких сомнений.

И хоть жалел Багров старшего товарища, но и он понимал, что к таким штукам, как тромбы, нельзя относиться несерьезно.

— Да лечусь я, черт подери! Лечусь! Варфарином! — окончательно разозлился Ефим Аркадьевич.

В Интернете он вычитал, что есть такой параметр, как XXXXX. У нормального человека он равен единице. Если каким-то путем загнать его в интервал между двумя и тремя — сделав кровь более жидкой и менее свертывающейся — то можно постепенно растворить уже имеющиеся тромбы.

Только одна проблема: если XXXXX меньше двух, то эффекта не будет. А если больше трех, то возможны внутренние кровотечения, вплоть до летального исхода. Но профессор же умный! Он купил прибор, который по капле крови автоматически определяет значение этого жизненно важного параметра.

— Так пьет он варфарин или нет? — спросила Наталью контороуправительница. Сегодня она явно была в ударе.

— Пьет, — кивнула та. — Каждое утро требует от меня таблетки. Ему доставляет эстетическое удовольствие, что жена каждое утро угощает его крысиным ядом.

— В этом что-то есть, — подумав, хмыкнул Томский.

Но Наталье было не до шуток.

— И это еще страшнее! — сказала она.

— Почему? — в один голос спросили Багров и Муна.

— Потому что прибор он свой ни разу так и не раскрывал! — выдала страшную тайну профессора Наталья.

— Я пользуюсь аналитическим методом, — неохотно подтвердил ее слова Береславский. — Посчитал дозировку по массе тела.

— Все! Не хочу больше это слышать! Ты в чем-то умный, а в чем-то дурак, — прервала его Валентина Степановна. А чтоб ему было не очень обидно, добавила: — Мужики все такие. — После чего обратилась ко всем присутствующим: — Наталью он слушать не будет. Кто возьмется за Ефима Аркадьевича?

Странное дело, но Береславскому не было обидно. Была бы возможность, он бы конечно, с удовольствием смылся, пусть и на хромых ногах.

Но здесь он вдруг ощутил давно забытое чувство, когда мама в детстве брала его за руку и вела к стоматологу. Страшно, опасно, однако другого выхода нет.

И тут подала голос Муна:

— Сейчас еще есть препарат. Мне только вчера о нем рассказывали, он недавно прошел сертификацию в России. Тоже растворяет тромбы, но не требует постоянного контроля. А вот УЗИ все равно нужно делать регулярно. Раз тромб появился, то контроль должен быть пожизненный.

На том и порешили, к огромному облегчению Натальи.

Слово пожизненный профессору явно не понравилось. Но тут ему принесли шикарную баранью лопатку, и Ефим Аркадьевич как-то разом повеселел. В конце концов, пожизненное гораздо лучше посмертного...

Разошлись не слишком поздно, у всех были дела на завтра, а у Ольги с Багровым — аж супердело. А как еще назвать начавшийся, наконец, процесс над химиками-наркоисследователями? Кстати, ждали они в СИЗО его начала ровно два с половиной года.

Позиция ученых мальчиков — мы изобретали не наркотик, а подсластитель и консервант в одном лице — в принципе, была правильная. Но прокурор резонно отметил, что статью-то, принесенную им Явузовым-старшим, они все читали, хоть и на английском. И там про наркотические свойства было сказано четко.

Коротким мозговым штурмом Ольга с Олегом нашли антитезу.

Да, конечно, статью читали. Но делали все-таки чудо-подсластитель для консервного цеха. И даже если бы проявились какие-то наркотические свойства, то искали бы пути нивелирования этого нежелательного побочного эффекта.

Никаких козырей в этом плане у прокурора не было.

Парни не получали прямой заказ на изготовление наркотика. У них были знания, кураж, разожженный Явузовым-старшим, и деньги, переданные им же. Махмуд Атаевич, разумеется, все это подтвердил. Терять ему — по своей статье — было нечего, а парней тащить за собой — это не по понятиям. Тем более, утони парни — могли бы что-то накопать и на сына.

В то же время адвокатам было предельно ясно, что вот так просто парней не отпустят. Уж слишком опасен был их научный поиск, и слишком большой общественный резонанс получил процесс. Причем, конечно же, публикации, инициированные правоохранительными органами, акцентировали внимание на собственной успешной деятельности по обезвреживанию опаснейшей банды. Ну и как таких выпускать?

Со следствием и ФСБэшниками отношения сначала складывались хорошие. Того же Алима Явузова закрывать не стали, никаких препятствий

в работе с химиками не делали. А после того, как Ольга отказалась от работы с Явузовым-старшим, майор Копцев Александр Гарриевич даже понимающе сказал, пожимая при встрече руку:

— Ну что, теперь мы на одной стороне?

— Мы всегда с вами будем на разных сторонах, — честно ответила Ольга. — Хотя дело делаем одно, — подумав, добавила она.

Теперь же, когда Багров с Шеметовой изо всех сил вытаскивали ребят, следяки им больше не улыбались. Очень уж им хотелось засадить инноваторов лет на пятнадцать. Ни грамма не верили Синцов с Копцевым в неосведомленность юных гениев о целях своей титанической работы. Ну и звездочки лишние не помешают. А за такое раскрытие, да за последующую крупную посадку, лавры и почести всех видов очень даже возможны.

В итоге где-то месяц назад возник вопрос, как жить дальше. Процесс еще не начался, а избиение арестантов в различных СМИ уже вовсю раскручивалось.

Поразмыслив, решили ответить тем же.

Тогда опять очень помог Береславский. Познакомил с ловким малым, ошарашившим их первой же фразой, после того как адвокаты назвали фамилии подследственных.

— Их топить или вытаскивать? — спокойно поинтересовался ловкий малый.

— А цена разная? — не выдержал Олег.

— Абсолютно одинаковая, — ответил даже не понявший издевки молодой человек.

Второй раз они были потрясены, читая опубликованный в крупной газете материал, написанный их визави. Олег пережил полный разрыв шаблона.

Да, конечно, основные тезисы надиктовали они с Ольгой.

Что ребят обманули. Что не ведали, что творят. Типа творили-то все-таки суперсахар, а не супернаркотик. И самое главное: ребят нельзя оставлять в тюрьме. Потому что там-то уж точно их найдут те, кто поставит их научный гений на службу наркодьяволу.

Однако потрясение Багрова было вызвано не фактологическим или идейным содержанием статьи. Потрясен он был мощью таланта автора, силой его убеждения и красочностью самого текста. Точно, гений.

Береславский ведь так и сказал — мол, дам вам лучшего.

А что же вызвало разрыв шаблона? Незабываемая фраза гения публицистики, сказанная им при встрече: «Их топить или вытаскивать?»

Сейчас его публикации (всего было шесть материалов в популярных печатных и электронных изданиях), несомненно, вытаскивали фигурантов из крайне неприятной ситуации. Но если бы проплатила другая сторона, то с той же страстью этот ловкий малый утопил бы парней...

«Он сукин сын, но он наш сукин сын», — вспомнились Олегу слова одного североамериканского президента об одном латиноамериканском диктаторе. Лучше не скажешь. Хоть в Америке, хоть в Евразии.

Когда пошли публикации «нашего сукина сына» — а, главное, мощные отклики на них, — отношения со следователями сильно испортились. И не только со следователями, с прокурором тоже.

Процесс уже начался, и в судебном следствии была просто отчаянная рубка.

Опять встал вопрос о необходимости каких-то нестандартных действий.

Ольга предложила встретиться со следователями.

Неплохо было бы и с прокурором обменяться мнениями, но он от неформальных контактов отказался.

А оба следователя согласились.

И вот четверо бойцов правопорядка собралось в маленькой кофейне на Бауманской. Очень демократичной, с самообслуживанием. Следаки, не позволив за себя платить даже эти малые копейки, настороженно принесли свой кофе за общий столик.

— Ну, что, так вы боретесь за чистоту закона? — в лоб спросил Александр Гарриевич Копцев.

— Вы о публикациях? — уточнил Багров.

— О них самых, — согласился следователь Синцов. — Такого таланта на нас натравили. Небось, дорого берет.

— Таланты дешевыми не бывают, — усмехнулся Олег.

— А как же идеалы? — мрачно спросил майор Копцев.

— Мы своих идеалов не меняем, — твердо сказала Шеметова.

— То есть, вы за поблажку наркопроизводителям? — заострил тему майор.

— Я бы их всех повесил, — убежденно сказал Багров. Оба собеседника в штатском изумленно уставились на него. — Я ненавижу всех, кто производит наркотики, торгует наркотиками, «крышует» наркодельцов. Вешал бы сам. У меня лучший друг от этого погиб, — внезапно вырвалось у Олега. — И мы ничего не смогли сделать.

На следаков эта вспышка произвела сильное впечатление. Да и на Ольгу тоже. Она, конечно, знала о ненависти Багрова к наркодеятелям, но не подозревала о ее глубинных истоках.

— Если вы действительно так думаете, почему мешаете нам засадить мерзавцев?

— Я действительно думаю так, — подтвердил Олег. — Махмуда Явузова хоть на площади расстреляйте, плакать не буду. А ребят сажать нельзя.

— Это почему? — теперь Копцев с Синцовым уже не злились, но еще не понимали ход мысли их процессуального противника.

— На самом деле, все просто, — вступила в разговор Ольга. — Ну, дадут им по пятнадцать лет, статья позволяет. А дальше что? Вы уверены, что в колонии они перестанут работать над синтезом? Разве вы не знаете, что порой происходит в ИТК? И уж стопроцентно точно, что за решеткой они будут в полной власти уголовников. Даже если не захотят работать — их заставят.

— А на свободе не станут? — поинтересовался майор. — Они ведь уже привыкли к большим деньгам.

— Явузов им платил немного. Просто поместил в хорошие условия для научного поиска и всячески льстил их научному самолюбию. Так что к большим деньгам привыкнуть они не успели, — убежденно ответила Ольга.

— Я того же мнения, — сказал Багров. — Они не «урки». Для них эти два с половиной года в «крытой» — ужас на всю оставшуюся жизнь. Если же сейчас им удастся уйти от тюрьмы — сразу найдут человеческую работу, с такими-то мозгами, и никогда не станут частью криминального мира. А если «закрыть» парней на большой срок — то только озлобятся. И мы с вами представляем, насколько они опасны озлобленные. Разве не так?

— Надо подумать, — сказал Копцев.

Синцов промолчал, но было видно, что он тоже задумался.

На следующее заседание адвокаты шли напряженные. Но их тяжелая работа была вознаграждена: впервые следствие просило наказание меньшее, чем было определено нижним пределом статьи.

Судья вняла голосу разума, ну, и голосу общественного мнения тоже. В итоге химики получили по два года и девять месяцев лишения свободы. Как раз то, что уже отбыли, плюс немножко на предстоящие жалобы.

Махмуд Атаевич Явузов получил ровно двадцать лет. Строгого режима.

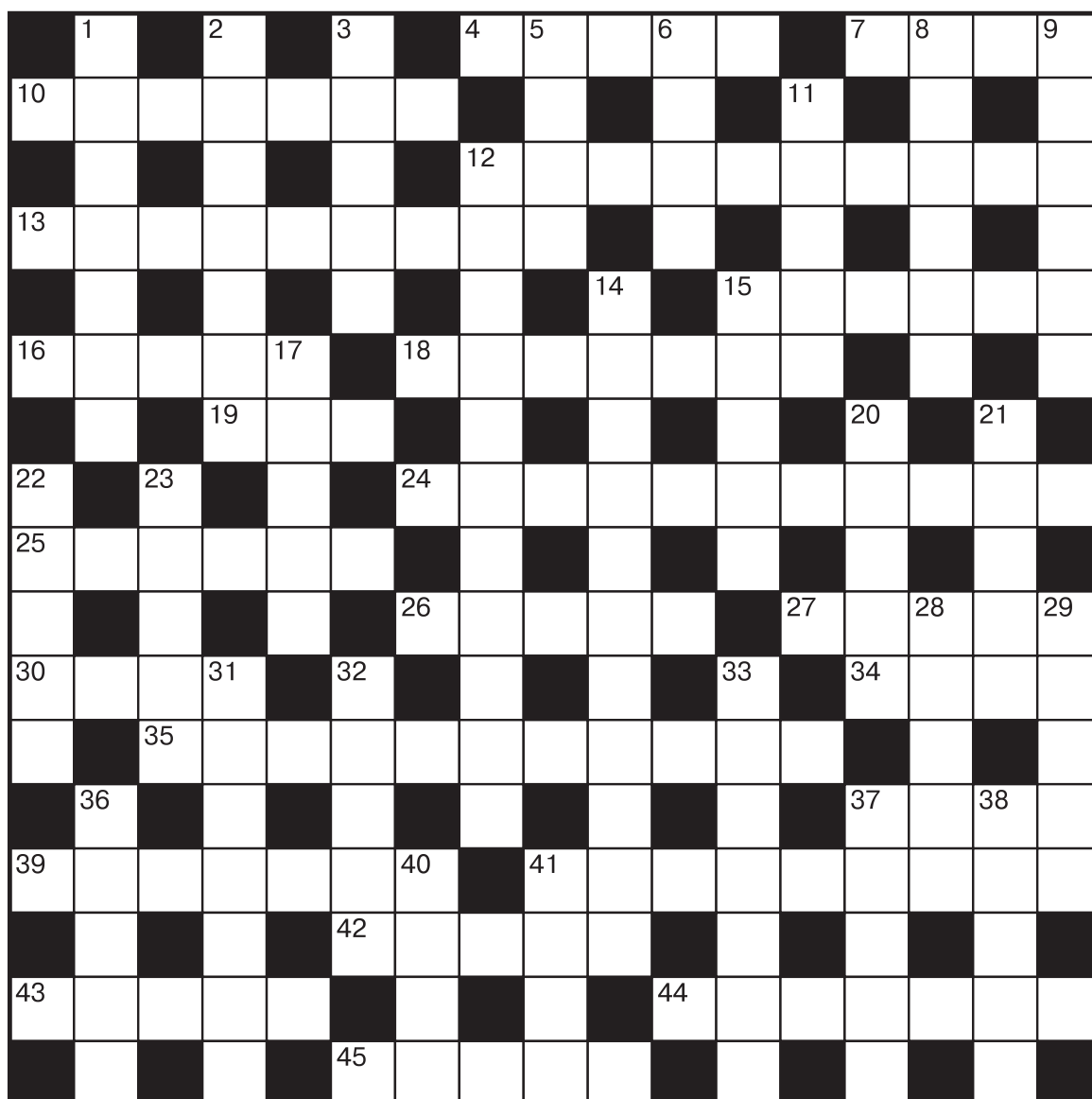
После приговора домой возвращались чертовски усталые, даже в ресторанах отметить успех не пошли.

Но, господа, какое это счастье — идти домой после честной и трудной победы. Да еще в обнимку с человеком, что ближе и дороже всех на свете.

Тут Шеметова подумала, что было бы еще лучше, если бы чертов Багров немедленно сделал ей предложение. Но не стала заостряться на этой мысли.

Какие наши годы! □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** «Ход» выступающего в жанре stand-up comedy. **7.** Не только певец, но и на гитаре игрец. **10.** Не только служебная, но и докладная. **12.** К какому сословию принадлежал род русского художника Василия Сурикова? **13.** Запись в трудовой книжке мультяшного Печкина. **15.** От чего «отчаливает» поезд? **16.** Эстрадный идол, удобряющий свои угоды исключительно на-

возом. **18.** На каком складе курить опаснее всего? **19.** «Водитель по музею». **24.** Что категорически не позволяет с любовью относиться к людям? **25.** Степная трава, чьим настоем бородавки удаляют. **26.** Какую шахматную фигуру украл Остап Бендер с доски одноглазого любителя во время сеанса в Васюках? **27.** «Дерзкий нынче стал ... — не клади им пальца в рот». **30.** адре-

налиновый провокатор. **34.** В каком городе появился на свет кинорежиссер Сергей Эйзенштейн? **35.** Каким «недугом» страдала супруга Леонида Брежнева? **37.** «Хрустальная цветочница». **39.** Миллиардер в мужьях у Жаклин Кеннеди. **41.** Какие украшения подтверждают, что «не все то золото, что блестит»? **42.** Какой птице китайцы доверили «охранять семейный очаг»? **43.** В каждом из нас спит ... и с каждым днем все крепче! **44.** О каком мореходе нам Шахерезада поведала? **45.** «У меня есть сердце, а у сердца песня, а у песни ..., хочешь, отгадай» (из репертуара Леонида Утесова).

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Спи, моя ..., усни! В доме погасли огни». **2.** Подтяжка препаратами. **3.** Где нас учат тому, что до конца мы осознаем только на пенсии? **5.** Главный элемент в атомной энергетике. **6.** Что Эльдар Рязанов заставил искать итальянцев «подо львом, в ста шагах от фонтана»? **8.** Место, требующее жертв. **9.** Кто родился у Маргарет Тэтчер?

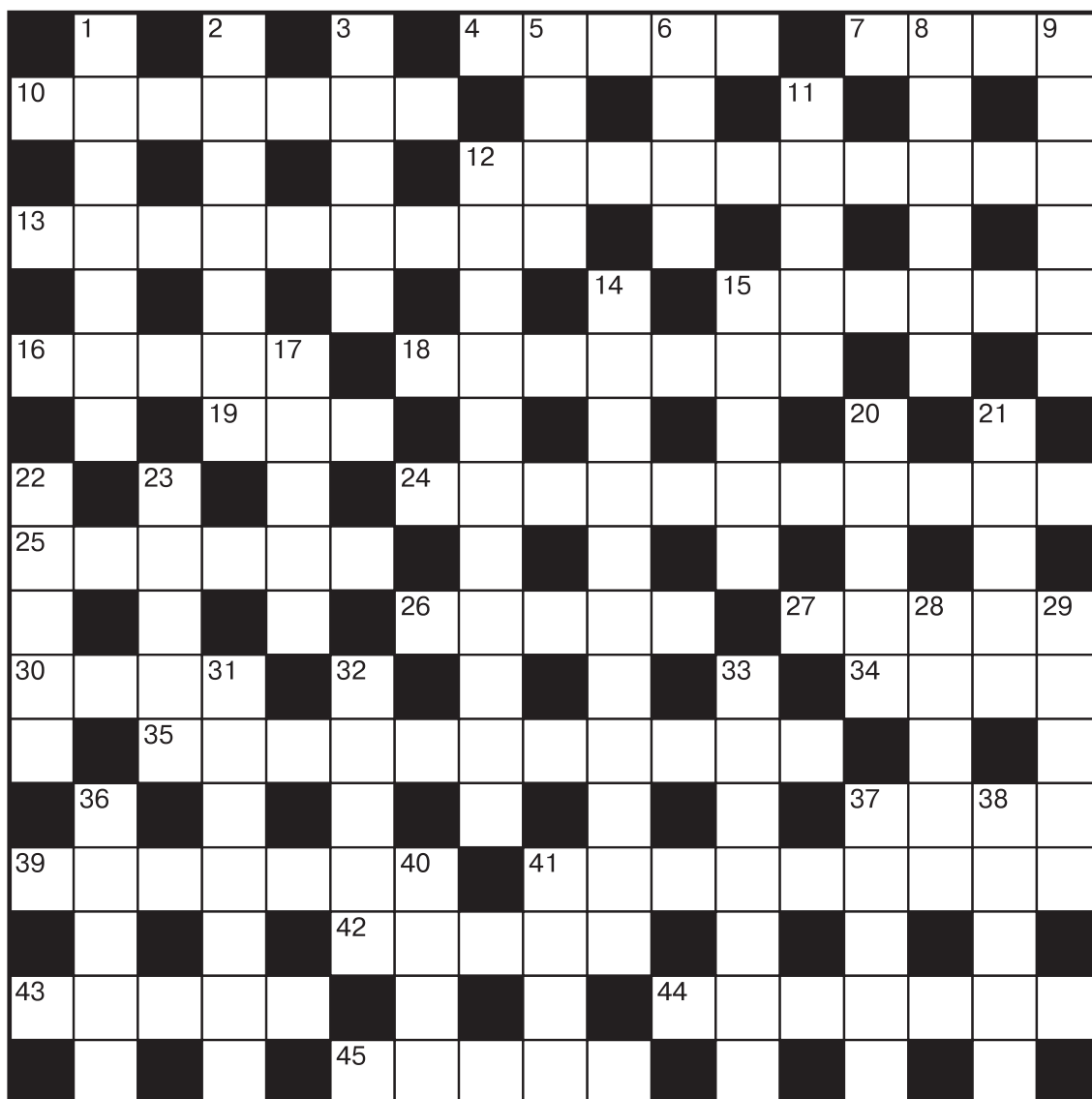
11. «А снег всего лишь белый ..., не долетевший до зимы». **12.** Кто согласует совместные действия? **14.** «Обесценивание ценностей». **15.** «Демонстратор» оската. **17.** Кто питается обедами с львиного стола? **20.** Что погубило поместье отца Настасьи Филипповны из романа «Идиот» Федора Достоевского? **21.** «Лучше хлеб с водой, чем ... бедой». **22.** Что породило болельщиков? **23.** Какую «шумиху» волны поднимают? **28.** Какой комик в юности тайно от родителей играл на трубе джаз? **29.** Какая красotka стала героиней картины Рембрандта и Тициана? **31.** Канонизированный создатель. **32.** «Машинка для инъекций». **33.** «Никогда не мстите подлым людям» (наш великий киноактер). **36.** В какой компании работают сотрудники в костюмах «Bunny People»? **37.** Какого великого композитора звали так же, как и Гарибальди? **38.** Какой мировой футболист слыл «сосисочным королем» среди одноклассников? **40.** Что засоряет печные трубы? **41.** Что на штангу насаживают?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №12

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Ступа. **6.** Клюква. **10.** Сюжет. **12.** Военачальник. **13.** Страх. **15.** Сантехник. **17.** Омар. **20.** Кай. **21.** Оплата. **22.** Кус. **24.** Штат. **26.** Скраб. **28.** Кавардак. **29.** Тунгус. **30.** Шея. **31.** Хин. **33.** Стрип. **34.** Рукав. **37.** Метан. **39.** Зефир. **40.** Домофон. **41.** Буфет. **42.** Капри. **43.** Комната. **44.** Синдром. **45.** Жизнь. **46.** Скунс.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Сюита. **2.** Пегас. **4.** Трость. **5.** Пентхаус. **7.** Лель. **8.** Кинематограф. **9.** Аккуратист. **11.** Очник. **14.** Халтура. **16.** Канат. **18.** Водка. **19.** Плеврит. **23.** Склеп. **25.** Гастроном. **27.** Буруз. **30.** Шиповник. **31.** Херувим. **32.** Надежда. **35.** Кератин. **36.** Витрина. **38.** Фонтан. **43.** Ком.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Самый популярный хмельной напиток у китайцев. **7.** Славянский Гелиос. **10.** Горный инженер, чей дом стал последней тюрьмой последнего русского императора. **12.** Иерусалимский артишок, богатый диетической клетчаткой. **13.** «Летающая тарелка» Анатолия Уфимцева. **15.** Поза Богоматери на иконах. **16.** Каменная находка из доисторических времен у археологов. **18.** Шпилька в причёске

гейши. **19.** Какой Пауль познакомил Лу Саломе с великим Фридрихом Ницше? **24.** Первая жена Александра Солженицына. **25.** Где, с точки зрения монгольских буддистов, живут древние посвященные, тайно руководя ходом мировой истории? **26.** Первый темнокожий атлет в истории российской сборной. **27.** Пурпурный плащ у царей Ассирии. **30.** У древних греков — архонт, а у византийцев — ... **34.** Толстые спагетти.

35. Кто встал во главе первого восстания сербов против Османской империи? **37.** Шикарный ресторан в подвальчике у французов. **39.** Генерал среди участников плана «Валькирия» против Адольфа Гитлера. **41.** Рождественское печенье у немцев. **42.** Риск при заключении сделки у мусульман. **43.** В каком городе располагалась гладиаторская школа, откуда вышел легендарный Спартак? **44.** Какая деталь задней втулки велосипеда выполняет роль храповика? **45.** Русский художник «из ближнего круга» великого Вацлава Нижинского.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Место отказа», куда в Древней Спарте сбрасывали щуплых детей. **2.** «Старикашка на веревочке», посаженный Григорием Распутиным в премьерское кресло. **3.** Финский ржаной хлеб. **5.** Какую стрижку сделала в свое время модной французская певица Жозефина Бейкер? **6.** Белок из кукурузы. **8.** Конечный пункт первого рейса первого в мире колесного парохода «Катарина Клермонт», выплыв-

шего из Нью-Йорка. **9.** Рыба с зелеными костями. **11.** Балетный прыжок с ударом ноги о ногу. **12.** Кто сочинил оперу для открытия Камерного театра Бориса Покровского? **14.** «Отцеубийца» из воротников. **15.** Колено у русской канарейки. **17.** Молдавское варенье из костистых яблок. **20.** Лекарственное растение, чей отвар великий Авиценна назначал в качестве полоскания при ангине. **21.** Азербайджанский бубен. **22.** «Парнасский бродяга» для Александра Пушкина. **23.** Французский плащ со 150 застежками. **28.** Брак из ислама. **29.** Кто помог Иисусу Христу донести крест до Голгофы? **31.** Глубоководный кальмар. **32.** «Орды Апокалипсиса». **33.** Кто вывел формулу расчета алкоголя в крови? **36.** Какой конь из мифов скандинавов запряжен в колесницу Солнца? **37.** «Крестный отец» гидротерапии. **38.** Навесной крюк на воротах. **40.** Какая династия шведских королей восседала и на польском троне? **41.** Какой жеребец стал родоначальником породы орловских рысаков?

Ответы на эрудит, опубликованный в №12

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Ступа. **6.** Дуссак. **10.** Багуа. **12.** Стадиондромос. **13.** Анзуд. **15.** Ланкастер. **17.** Этти. **20.** Тег. **21.** Салида. **22.** Баш. **24.** Штос. **26.** Тавил. **28.** Айсклауз. **29.** Седова. **30.** Дит. **31.** Бек. **33.** Табия. **34.** Селиф. **37.** Варец. **39.** Ханум. **40.** Атакама. **41.** Уксус. **42.** Джоли. **43.** Бриарей. **44.** Гринсон. **45.** Флинт. **46.** Жегде.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Ваянг. **2.** Тубул. **4.** Татька. **5.** Подестат. **7.** Умра. **8.** Соматотропин. **9.** Кустинская. **11.** Комет. **14.** Дандоло. **16.** Ребис. **18.** Оскар. **19.** Глиссер. **23.** Шания. **25.** Субалтерн. **27.** Лемех. **30.** Динклагге. **31.** Баккара. **32.** Керуинг. **35.** Ланжели. **36.** Фурлана. **38.** Змеяяд. **43.** Бон.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2017 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 110 рублей 00 копеек	За 1 номер — 132 рубля 00 копеек
За 6 номеров — 660 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 792 рубля 00 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на текущее полугодие 2017 года во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

Как вы все хорошо знаете, «смех продлевает жизнь». Действительно, в круговороте забот и проблем нас нередко спасает чувство юмора и легкой иронии. Мы надеемся, что оно присуще и вам, поэтому в 2017 году решили объявить среди подписчиков **новый литературный конкурс «Посмеемся вместе» — на лучший юмористический рассказ.**

Рассказы принимаются объемом 5–15 страниц (до 27 000 знаков), в электронном виде на адрес:
tomasmena@mail.ru до 15 ноября 2017 года.

Вместе с рассказами присылайте по возможности и копию подписной квитанции или доставочной карточки. Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце 2017 года. Лучшие рассказы мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

Ждем от вас смешных интересных историй. Удачи, друзья!

